Н. Н. ЛИСОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из интереснейших и плодовитых историков Палестинского Общества был профессор Киевской Духовной Академии, член-корреспондент Академии Наук Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856 — 1929), крупнейший специалист по исторической литургике православного Востока, великий труженик русской церковной науки[1]. Ученик Н. Ф. Красносельцева, под его руководством начинавший в Казани свой творческий путь, Дмитриевский всегда подчеркивал «сильное влияние», которое оказывал учитель на «всю его педагогическую и учено-литературную деятельность»[2].

Уже магистерская диссертация Дмитриевского «Богослужение в Русской Церкви в XVI веке»[3], признана «весьма солидным вкладом в науку археологии вообще и археологии православного Богослужения, в частности». 16 декабря 1883 года А. А. Дмитриевский был избран доцентом на кафедру литургики и церковной археологии в Киевской Духовной Академии[4]. С этого времени его дальнейшая научная жизнь связана со старейшей из русских Духовных академий.

Будучи убежденным в том, что богослужение Русской Церкви является во многом «зеркалом Богослужения православного Востока» (это один из главных его тезисов), Дмитриевский обратился в первую очередь к изучению православного литургического наследия, которое хранилось под спудом в малодоступных монастырских книгохранилищах Афона, Патмоса, Иерусалима и Синая. Ученый начинал не на пустом месте. В области исторической литургики он был достойным продолжателем таких крупнейших специалистов, как И. Д. Мансветов (в Московской Духовной Академии), Н. Ф. Красносельцев (в Казанской Духовной Академии), протоиерей Григорий Дебольский. Его сверстниками и коллегами были Н. В. Покровский (в Петербургской Духовной Академии) и А. П. Голубцов (в Московской). Пристальный интерес к литургическому наследию Востока характерен для великих предшественников Дмитриевского: епископа Порфирия (Успенского) и архимандрита Антонина (Капустина)[5]. Но, как справедливо подчеркивает биограф А. А. Дмитриевского, «и наиболее известные из них, заслужившие себе достойную славу собиранием рукописей, их описанием и интересными для науки находками, — в своих занятиях не имели определенного плана. Их занятия носили

---

[1] Сове Б. И. Русский Гоар и его школа // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 39—84; Успенский Н. Д. Из личных воспоминаний об А. А. Дмитриевском // Там же. С. 85—89; Священник Л. Махно. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Там же. С. 95—107; о. Михаил Арранц. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120—133.

[2] Дмитриевский А. А. Незабвенной памяти профессоров А. С. Павлова и Н. Ф. Красносельцева // Труды Киевской Духовной Академии. 1899. № 1. С. 59—104.

[3] Дмитриевский А. А. Богослужение в Русской Церкви в XVI в. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. С приложением греческих текстов. Казань, 1884. XVI+434+135+XXIV с.

[4] Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. С. 42 с илл.

[5] Дмитриевский А. А. Поминки Преосвященного Порфирия (Успенского) и профессора Московской Духовной Академии И. Д. Мансветова. (Краткий очерк учено-литературной деятельности их) // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № 3. С. 331—391.

случайный характер, что не могло не отразиться на результатах их трудов. Они были скорее собирателями, чем исследователями. Дмитриевский же, отправляясь в свое путешествие по Востоку, поставил определенные задачи, которые и стремился выполнить по мере возможности»[6]. Более того, Дмитриевского неоднократно упрекали — одни за то, что он нередко «разбрасывался», отвлекаясь на другие сюжеты; другие за то, что ставил перед собой невыполнимые задачи. «Творчество Дмитриевского остается незавершенным как из-за того, что труды не были изданы, так и из-за того, что рабочая программа, которую наш литургист для себя составил, отличалась, без сомнения, чересчур амбициозным характером и осталась невыполненной; она бы осталась невыполненной даже в том случае, если бы Дмитриевский располагал большими средствами и если бы обстоятельства для его работы были более благоприятными»[7].

К счастью, «разбрасывался» Дмитриевский, как правило, с большой пользой для других областей церковно-исторической науки. В том числе, без этих его «отлонений» и «увлечений» не состоялась бы целая научная эпопея, связанная с его службой в Императорском Православном Палестинском Обществе (ИППО) и трудами по истории русского дела в Святой Земле и на Ближнем Востоке.

Он пришел в Палестинское Общество в 1907 году, но шел к этому, если можно так выразиться, почти двадцать лет. Научный интерес к библиотекам и древлехранилищам христианского Востока сделал его не только скрупулезным археографом (десятки объемистых греческих рукописей были переписаны им собственноручно, с точностью до знака), но и неутомимым путешественником. В 1886 году, в летнее вакационное время, он отправляется в первую свою академическую командировку и проводит несколько месяцев на Афоне. Оценив богатство и многообразие подлежащего систематическому фронтальному обследованию рукописного материала, он подает в Совет Академии прошение о годичной командировке по странам православного Востока (Афон, Синай, Иерусалим, Патмос и др.). Это первое свое большое путешествие по Востоку (1887—1888) Дмитриевский подробно описал в опубликованном Отчете[8].

В Иерусалиме, где он прежде всего познакомился с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Антонином (Капустиным), им был найден в Патриаршей библиотеке древний «Устав служб Страстной и Пасхальной седмиц в Иерусалиме» (в копии с рукописи 1122 г.), чрезвычайно важный для истории иерусалимского богослужения. Библиотека Синайского монастыря «дала такое количество богослужебных рукописей, — писал Дмитриевский в отчете о своем путешествии, — какого я не встречал в других восточных библиотеках... Достаточно сказать, что в Синайской библиотеке хранится до 55 рукописных евхологиев, начиная с VIII — IX века, вплоть до XVIII столетия»[9].

По возращении Дмитриевский представил в Совет Киевской Духовной Академии план издания научного «Описания» изученных им литургических памятников. Всё «Описание» должно было состоять из двух частей (трех томов): «Греческие типиконы» в двух томах и «Евхологии» в одном томе. Однако подготовка и процесс издания «Описания» подвигались очень медленно. Между тем, Дмитриевский активно продолжал как педагогическую, так и литературную свою работу в «Трудах Киевской Духовной Академии», в журнале «Руководство для сельских пастырей» и

---

[6] Дмитриевский А. А. Поминки Преосвященного Порфирия (Успенского) и профессора Московской Духовной Академии И. Д. Мансветова. (Краткий очерк учено-литературной деятельности их) // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. № 3. С. 331—391.

[7] О. Михаил Арранц. Дмитриевский: из рукописного наследия. С. 132—133.

[8] Дмитриевский А. А. Путешествие по Востоку и его научные результаты. Отчет о заграничной командировке в 1887/88 году, с приложениями. Киев, 1890. С. 193.

[9] Там же.

других изданиях. В 1889—1890 годах он публикует материалы об открытом им памятнике, характеризующем уставные порядки в древней палестинской Лавре преподобного Саввы Освященного[10]. В 1891 году выходит его книга «Современное Богослужение на Православном Западе», составившаяся из статей в «Руководстве для сельских пастырей»[11], в 1894 году — «Патмосские очерки», представляющие по содержанию продолжение предыдущей работы (описание храмов, богослужения и устава Патмосского Иоанно-Богословского монастыря)[12].

Наконец, в 1895 году выходит первый том («Типики») главного труда жизни А. А. Дмитриевского — фундаментального «Описания литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока»[13]. Рецензенты этого труда (он был представлен в качестве докторской диссертации в Казанскую Духовную Академию) отмечали, что его громадное значение для науки православной литургики можно сравнить лишь со значением, какое имеет многотомный труд митрополита Макария (Булгакова) — для науки Русской Церковной Истории[14].

В первом томе «Описания» помещен почти полностью (с. 1 — 163, V — VIII) Устав Великой церкви, т. е. Софийского собора в Константинополе (IX—X вв.), излагающий богослужение как неподвижного, так и подвижного годичного церковного круга, а также связанные с ним чины вечерни, утрени и Литургии (по рукописи XV века из библиотеки Русского Андреевского скита на Афоне) и Синайский канонарь (X—XI вв.), впервые открытый и опубликованный другим выдающимся исследователем восточных древностей, архимандритом Антонином (Капустиным), и являющийся, как показал А. А. Дмитриевский, одним из памятников древнего Константинопольского Типика. Второй отдел «Типиков» составляют ктиторские типиконы восточных и западных (италийских) греческих монастырей.

Второй том «Описания» — «Евхологии» — вышедший в 1901 году, является продолжением знаменитого в европейской науке труда доминиканца Якова Гоара «Евхологион» (с тех пор и закрепилось за Дмитриевским звание «русского Гоара»)[15]. Третий, и последний из увидевших свет, том «Описания» появился лишь в 1917 году, когда Дмитриевский практически отошел от занятий литургикой и состоял штатным сотрудником Православного Палестинского Общества[16]. Он представлял собой первую (оборванную на полуслове) половину второй части «Типиков» и включал: 1) Иерусалимский Саввинский типикон в различных редакциях, 2) 19 типиконов Афонских монастырей и начало (первые две страницы из подготовленных 70-ти печатных листов «Дополнений» к Типику Великой церкви (т. е. к первому тому «Описания»).

---

[10] Дмитриевский А. А. Киновиальные правила преподобного Саввы Освященного, врученные им пред кончиной преемнику своему игумену Мелиту. (Вновь открытый памятник аскетической письменности 524 года) // Труды Киевской Духовной Академии. 1890. № 1. С. 170—192.

[11] Дмитриевский А. А. Современное богослужение на Православном Востоке. Историко-археологическое исследование. Вып. 1 (вступительный). Киев, 1891. С. 153.

[12] Дмитриевский А. А. Патмосские очерки. Из поездки на остров Патмос летом 1891 года. (Из журнала «Труды Киевской Духовной Академии» за 1892, 1893 и 1894 гг.). Киев, 1894. С. 310.

[13] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Типика. Ч. 1. Памятники патриарших уставов и ктиторские монастырские типиконы. Киев, 1895. XX+CXLVII+912+XXV с.

[14] Архимандрит Антоний (Храповицкий). Отзыв о магистерской диссертации А. А. Дмитриевского // Протоколы Казанской Духовной Академии за 1886 г. С. 263—300. Цит. по: Сове Б. И. Русский Гоар и его школа. С. 56.

[15] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 2. Евхологии. Киев, 1901. XII+1058+XXVII+32 с.

[16] Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 3 (первая половина). Ч. 2. Типики. Петроград, 1917. VIII+768+IV с.

Выпуская этот том в незаконченном виде, Дмитриевский предчувствовал, что на окончание его капитального труда «надеяться отчаянно». «Увидят ли Божий свет, при жизни автора, материалы, относящиеся к греческому Евхологию, особенно собранные в библиотеках римских, над которыми трудился великий литургист XVII в. монах Ордена Предикаторов Яков Гоар, и будут ли опубликованы материалы для югославянского Евхология, собранные в библиотеках Синая, Афона и других мест, из коих некоторые погибли уже в огне, — всё это ведомо единому Богу»[17].

Мы назвали лишь главный научный труд А. А. Дмитриевского, составивший славу ему и русской литургической науке. Полный список книг и статей ученого включает более двухсот публикаций по самым разным церковно-историческим и богословским проблемам[18]. В последнее время предпринимаются усилия по изданию неопубликованных, хотя вполне готовых к печати трудов ученого[19]. К их числу относится и предлагаемая читателю монография «Архимандрит Леонид (Кавелин) — третий начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме».

Рукопись органично входит в ряд многочисленных научно-биографических публикаций А. А. Дмитриевского о русских деятелях в Иерусалиме и на православном Востоке[20]. По происхождению — это большой неопубликованный раздел из известной монографии «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века»[21]. Рукопись была обнаружена покойным

---

[17] Там же. С. VIII. О рукописном наследии ученого и судьбе неопубликованных им IV и V томов «Описания» см.: О. Михаил Арранц. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия. С. 124—133.

[18] Священник Л. Махно. Список трудов проф. Алексея Афанасьевича Дмитриевского в порядке их публикации // Богословские труды. Сб. 4. М., 1968. С. 95—108.

[19] См. напр.: Дмитриевский А. А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг: В. И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / Публикация с комментариями Ф. Б. Полякова и Б. Л. Фонкича // Byzantinorussica 1994. Т. 1. С. 165—197.

[20] Дмитриевский А. А. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке. (По поводу десятилетия со дня его кончины. С десятью рисунками и портретом) // Труды Киевской Духовной Академии. 1904. № 11. С. 319—380; Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и его заслуги в пользу Православия и в деле изучения Христианского Востока. (По поводу столетия со дня его рождения) // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1905. Т. XVI. Вып. 3. С. 329—361; Вып. 4. С. 457—547. Отд. изд.: СПб., 1906. С. 124; Державные защитники и покровители Святой Земли и августейшие паломники у Живоносного Гроба Господня // Сообщения ИППО. Т. XVIII. Вып. 1—4. С. 422—430; Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. игумена Парфения, убиенного на горе Елеонской // Сообщения ИППО. 1909. Т. XX. Вып. 4. С. 298—308; Граф Н. П. Игнатьев как церковно-политический деятель на Православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину (Капустину). СПб., 1909. С. 79. (Отд. отт. из «Сообщений ИППО»); Памяти Б. П. Мансурова // Сообщения ИППО. 1910. Т. XXI. Вып. 3. С. 446—457; Мои «незабудки» на могилу о. протоиерея Александра Петровича Попова // Сообщения ИППО. 1912. Т. XXIII. Вып. 3. С. 394—414; Памяти В. Н. Хитрово. 1903—1913 (К 10-летию со дня смерти) // Сообщения ИППО. 1913. Т. XXIV. Вып. 2. С. 263—272; В Бозе почивший митрополит Петербургский Антоний и его сношения по делам церковным с Православным Востоком // Православный собеседник. 1914. № 4. С. 598—606; № 5. С. 920—931; Его Императорское Высочество великий князь Константин Константинович — поклонник Святой Земли. Некролог // Сообщения ИППО. 1915. Т. XXVI. Вып. 3—4. С. 408—416; Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С. И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Петроград, 1915. С. 57.

[21] Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882—1907 гг. Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества. СПб., 1907. VIII+332 с.

протоиереем о. Анатолием Просвирниным (впоследствии архимандритом Иннокентием) во время работы над научным наследием архимандрита Леонида (Кавелина)[22]. Отец Иннокентий надеялся опубликовать рукопись и успел проделать первоначальную работу по подготовке ее к печати. Но издание не состоялось. В 1997 году иеромонах (ныне игумен) Сергий (Данков) предложил рукопись для публикации в подготовлявшемся тогда юбилейном сборнике «Богословских трудов», посвященном 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Но по соображениям объема публикацию пришлось отложить до настоящего выпуска.

На творческую историю рукописи проливает свет хранящаяся в Архиве внешней политики Российской Империи переписка А. А. Дмитриевского с членами Совета ИППО в связи с работой над упомянутой исторической запиской «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века»[23]. Глубокий и вдумчивый исследователь, А. А. Дмитриевский считал, что историю деятельности непосредственно Палестинского Общества необходимо должно предварить не менее подробной историей правительственных и церковных учреждений, предшествовавших появлению Общества в Святой Земле: Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, возникшей в 1847 году; Палестинского Комитета, созданного в 1859 году; и Палестинской Комиссии при Азиатском департаменте МИДа, существовавшей в 1864—1889 гг. Руководители Совета Общества торопили историка, опасаясь, что разраставшаяся по хронологии и объему рукопись не будет окончена к сроку. Скажем сразу, что так оно и случилось: история Палестинского Общества была доведена А. А. Дмитриевским лишь до 1889 г. — времени его слияния с Палестинской Комиссией. Наиболее существенным для истории нашей рукописи является письмо А. А. Дмитриевского вице-председателю Общества Н. М. Аничкову от 15 мая 1906 г.[24], которое по его важности мы рискуем, несмотря на объем, воспроизвести здесь полностью.

«Ваше Высокопревосходительство, досточтимый Николай Милич!

Ваше *тревожное* письмо и на меня произвело глубокое и, не скрою, тяжелое впечатление. По всему видно, что произошла роковая, хотя, как мне кажется, еще поправимая ошибка. Вы обратились ко мне с предложением написать *историческую* Записку, не будучи знакомы ни с моим характером, ни с моими разнообразными научными трудами, составившими мне известность среди людей науки у нас в России и заграницею. Отец протоиерей И. Л. Янышев и В. В. Латышев, когда рекомендовали меня, то, смею думать, имели в виду мою научную литературную деятельность, и когда говорили Вам: «Ну, теперь Вы можете быть спокойны — Ваше дело в верных руках», то разумели, конечно, мою усидчивость и трудоспособность. Последние мои достоинства, не составляющие ныне тайны и для весьма многих деятелей Палестинского Общества, имевших случай работать со мною в течение двух месяцев прошедшего лета, исключают всякую возможность бить тревогу и опасаться, что принятая на себя задача мною не будет доведена до конца (можно было сомневаться лишь в том, что, при широком плане, историческая Записка не будет закончена к юбилею). И названным весьма почтенным ученым, пред авторитетом которых я преклоняюсь, и мне самому и в голову не приходила мысль, что здесь не последнюю роль должны сыграть *полное беспрекословное* послушание чужой воле, вопреки *исторической* правде, и совершенное отречение от своего я. Писать *историческую* Записку для Общества значит ли писать не то, что имеется в документах и о чем красноречиво говорят факты, а что *благоугодно* современным деятелям Палестинского Общества и не только удалившимся на покой, но еще благополучно здравствующим? — Но это такая великодушная жертва и такое высокое самоотречение, на которые я не был в силах никог-

[22] Свящ. Анатолий Просвирнин. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) // Богословские труды. Вып. 9. М., 1973. С. 227.

[23] Архив внешней политики Российской Империи. Ф. РИППО, оп. 873/1, д. 183.

[24] Письмо профессора Киевской Духовной Академии А. А. Дмитриевского Вице-Председателю ИППО Н. М. Аничкову. Киев, 15 мая 1906 г. Подлинник // АВП РИ. Ф. РИППО, оп. 873/1, д. 183, л. 11—14 об.

да, и которые, говоря прямо, претят моему нравственному чувству. Связать свое, доселе безупречное, литературное имя с произведением, по содержанию фальшивым, неискренним, но оплаченным приличным гонораром — это не в моих принципах. Вот с этой-то стороны не знали меня ни Вы, ни почтеннейшие И. Л. Янышев и В. В. Латышев, по рекомендации которых Вы завязали со мною сношения. Человеком долга, чести и правды я был всегда и в этом отношении не уступал ни в чем ни начальству своему, ни своим сослуживцам, ни свои слушателям — студентам. Об этой основной черте моего характера Вы можете узнать и «из достоверных источников» — от профессоров нашей Академии, пребывающих в Петербурге и, очевидно, не из числа моих доброжелателей. Эти «достоверные» свидетели, когда говорили Вам, что взятая мною на себя работа окончится не благополучно и «Общество будет поставлено в самое неприятное положение», то они говорили правду и имели несомненно в виду эту черту моего характера. На иной почве с Обществом у меня неприятностей быть не может, так как Ваши «достоверные источники» о том, что я *принципиальный* «враг» Палестинского Общества в обширных обстоятельных опровержениях не нуждаются. Вам, Николай Милич, достаточно припомнить факты (а историк только и может опираться на эти доказательства). В Киеве существует четыре года отдел Палестинского Общества, и все четыре года подряд *единственным* оратором на торжественных заседаниях являюсь я. Из четырех речей, произнесенных на этих собраниях, две напечатаны в «Сообщениях», а одна издана Обществом особою брошюрою. *Враг* Общества едва ли взял на себя неблагодарную задачу говорить от имени Общества и в его интересах, да и председатели отдела, Преосвященные Платон Чигиринский и митрополит Киевский, едва ли обратились, хотя бы даже из щепетильности и по чувству деликатности пред Обществом и его Августейшим Председателем, к *врагу* Общества с предложением говорить от имени Общества. (Здесь в речах могли быть затронуты щекотливые для Общества, хотя и действительно существующие налицо факты, например, дурное содержание паломнических пароходов, эксплуатация паломников греческим духовенством, невнимание к паломникам консульства и его чинов, — но это все к существу дела не относится. Верность всего этого может отрицать только слепой). По желанию Общества я привлек к работам на пользу Общества даровитого профессора В. Рыбинского; прошедшим постом вел лично и убедил вести (с большими для себя неприятностями и поразительным для посторонних напряжением) своих товарищей-сослуживцев, профессоров Академии, *Палестинские чтения* в нашем религиозно-просветительном обществе, в присутствии 1000 и более слушателей; своего настоятеля, как старосту религиозно-просветительного храма, убеждал говорить проповеди в Неделю Вербную на всенощном бдении и Литургии и дал тарелочного сбору на Палестину 31 р. с копейками; распинался, доказывая сельским батюшкам и киевскому духовенству необходимость жертвы, когда А. П. Беляев разослал подписные листы по церквам с приглашением к пожертвованиям (листы эти встречены весьма не сочувственно), и у себя в храме по листу собрал 7 р. пожертвований и т. д. Sapienti sat. Если у Общества все такие враги, то я могу лишь поздравить и пожелать, чтобы у него было поменьше друзей, сообщающих деятелям его «достоверные сведения».

Вторая ошибка в данном деле кроется в том, что Общество для своей исторической Записки не выработало *наперед строго определенных рамок* и не уяснило, какого *характера* должна быть эта Записка. Когда я прибыл в Петербург и начал вести речь о своей работе, то Вы, Николай Милич, прямо заявили, что нужно коснуться Палестинского Комитета и Палестинской Комиссии как *непосредственных* предтеч Палестинского Общества, и обращали мое внимание даже и в сторону Духовной Миссии. Потом, когда я вошел в комнату, предназначенную для моих работ, то я нашел в ней на полках ряд официальных отчетов Общества и официальных газетных заметок, а на полу *целый ворох за 20 лет не описанных и не приведенных в порядок дел* Палестинской Комиссии. В качестве пособий мне были поданы на стол В. Д. Юшмановым архимандрита Леонида «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских поклонников в Палестине», отчет Б. П. Мансурова о поездке его в Палестину в 1858 году и его книга «Православные поклонники в Палестине». Всё, таким образом, говорило за то, что *точкою отправления* в моей работе должен быть архив Палестинской Комиссии, к разбору которого я действительно и приступил. После ознакомления с некоторыми документами, я нашел, что 1) русские учреждения в Палестине могут отмечать в 1909 г. *пятидесятилетие* своего существования и что 2) для *связной документальной* истории необходимо ознакомиться с архивом Палестинского Комитета или, по крайней мере, с отчетом Б. П. Мансурова за все время существования Комитета. В этом смысле я и подал Вам докладную записку пред поездкою в Москву. По возвращении из поездки Вы уже мне заявили, что юбилей будет *Общества* и *25-летний*, и что я должен в общих лишь чертах коснуться (это не то же, что в «нескольких

словах») предшествовавших Палестинскому Обществу учреждений, причем и определили характер этого очерка, со слов М. П. Степанова, сославшись на печатный доклад Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу, написанный Хитрово в 1890 г. и напечатанный в количестве 10 экземпляров как рукопись. Я уже оканчивал в это время занятия архивом Комиссии и прочитал рекомендованный мне доклад, написанный горячо и в таком полемическом тоне (против патриарха Никодима и Святогробского духовенства), что я признал для *юбилейной* Записки такой тон *неподходящим*, в чем тотчас же признался и А. П. Беляеву.

Выяснив таким образом только теперь центр тяжести в своей работе, я обратился к истории Палестинского Общества, но здесь сразу же был поражен тем *хаосом*, какой царит в архиве Общества. В данном мне деле «Образование Общества» я встретил несколько печатных объявлений о сообщении В. Н. Хитрово в Обществе любителей духовного просвещения, печатную брошюру В. Н. Хитрово «Православие в Палестине», отчет о школах архимандрита Леонида, письма 1880 г. Головина, Арсеньева 1881 г., список членов-учредителей — и только. С этим материалом уехать далеко нельзя было. *Случай* открыл существование переписки В. Н. Хитрово с архимандритом Леонидом, архимандритом Антонином, графиней Кутятиной и др., и я обратился к этим побочным, но весьма полезным для меня источникам. На изучение этого *неофициального* материала потрачено много времени, и поэтому на ознакомление с протоколами заседаний Совета Общества у меня в распоряжении осталось всего не больше недели: я успел прочесть протоколы лишь до 1889 г., т. е. до срастания Общества с Палестинскою Комиссиею. Проработав весьма усердно целых два месяца, я уехал из Петербурга с надеждою вернуться к празднику Рождества и уже с первою, а (быть может), и второю главами порученной мне Записки, — но человек предполагает, а Бог располагает, гласит народная мудрость.

Считаю не лишним напомнить Вам об одном, по видимости незначительном обстоятельстве, имевшем место во время моего пребывания в Петербурге и оставившем в моей душе неизгладимый след. По просьбе В. Д. Юшманова я согласился свою речь «Современное русское паломничество в Святую Землю» переделать в чтение для народа и издать от имени Общества отдельною брошюрою с заглавием «Типы современных русских паломников в Святой Земле». Когда корректура этой брошюры поступила к Вам на просмотр, то Вы, хотя и весьма деликатно, но *настойчиво* стали просить меня, по соображениям чисто практического свойства, выбросить из нее мои в существе дела *невиннейшие* замечания о нечистоплотности русских паломнических пароходов, о развращении и эксплуатации русских паломниц греческим Святогробским духовенством, о небрежностях в отношении к нашим паломникам чинов иерусалимского консульства и т. п., не отрицая в то же время фактической верности этих замечаний. Так как брошюра предназначалась для простого народа и так как она в цельном виде уже напечатана была в академическом журнале, я уступил, скрепя сердце, Вашему желанию, затаив в душе чувство тревожного опасения за возможность повторения с Вашей стороны новых настойчивых желаний и по отношению к будущей уже серьезной работе. В этом опасении следует искать объяснение причин моего разговора с Вами в присутствии А. П. Беляева, за несколько дней до моего отъезда из Петербурга, по вопросу о цензуре будущей исторической Записки. Если моя Записка будет подвергаться той же беспощадной цензуре, как упомянутая брошюра, и притом по мотивам не научного значения, а лишь в угоду тех или других лиц, принимавших в деятельности Общества важное участие и наделавших ошибок, но почему-либо необходимых Обществу, то, заявил я, *нам лучше расстаться теперь же* и дело составления Записки с фигурами умолчания и в приподнятом дифирамбном тоне поручить безопаснее чиновнику канцелярии, что обойдется для Общества к тому же и *дешевле*. Вы куда-то торопились по делу, замяли этот разговор, и мы расстались с Вами, не договорив до конца.

На Святки я не попал в Петербург, как предполагал, но *не по своей вине*. По ковельской дороге поезда не ходили в силу состоявшейся «забастовки». Я, конечно, мог проскочить в Петербург по московско-воронежской дороге, но в газетах трубили о готовящихся там гражданских беспорядках 9 января и о новой всеобщей забастовке на железных дорогах. Опасаясь не попасть к началу учения в Академии, 10 января, когда только что обнародованными «временными» правилами наши академии настойчиво призывались к деятельности, я решил отложить свою поездку. Это мое решение подкреплялось и тем соображением, что для первой главы Записки новых материалов мне пока не нужно, а *обещанные мне материалы* я ожидал иметь в Киеве в копиях.

На Святках я получил первые тревожные вести о печальной участи моей речи об афонских келлиотах. Статья эта, основанная на официальных данных, неоднократно обнародованных Хозяйственным при Святейшем Синоде Управлением «к сведению русских жертвователей» и на письмах русских людей, адресованных не по секрету в Общество, признана Никола-

ем Миличем не удобною для печати, т. к. в ней якобы задеваются Синод, министерство, посольство и т. д. Статья на самом деле писалась с благим намерением помочь русскому правительству, Палестинскому Обществу и русскому народу разобраться в том, что такое афонские келлиоты и как к ним следует относиться, и в ней, если кто <и> задевается, то это Ф. И. Успенский, директор Археологического института в Константинополе, покровительствующий этим проходимцам (см. «Церковные ведомости», 1906 г., № 16), хотя и платонически (ради получения от них поддержки на школьное дело), но бросающий некоторую неблаговидную тень и на наше Константинопольское посольство, излишне доверяющее его не совсем правильной аттестации келлиотов. Сопоставляя эти новые неблагоприятные для меня вести с моим непосредственным впечатлением по поводу печатания брошюры «Типы русских паломников» и разговором с Вами, с одной стороны, и с другой — имея перед глазами своими первую главу исторической Записки, в которой некоторые деятели блаженной памяти Палестинской Комиссии обрисовываются (не мною, а *фактами* документов) с некрасивой стороны, я глубоко задумался и весьма естественно о судьбе своей работы. Предо мною сам собой встал вопрос: следует ли продолжать работу и не всуе ли я тружусь над нею? Свои сомнения, по свойственной мне откровенности, я высказал в письме и к И. И. Соколову. Не скрою, что и к самой работе начал охладевать. Чтобы избежать всякого рода недоразумений и щекотливостей, я решился вопрос о Духовной Миссии и, в частности, о деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) в Палестине, «беспристрастный рассказ» о котором, по словам отчета Общества («Сообщения», т. III, с.132), если «когда-либо увидит свет, составит бесспорно одну *из мрачных страниц* сношений Востока с нами», выделить в особую самостоятельную речь, которую послать для печатания в «Сообщениях», у меня теперь уже не хватает решимости. Речь о келлиотах — хороший урок.

На основании изложенного Вы теперь можете видеть, что я ни на один день не прекращал работы для Палестинского Общества, и первая глава Записки написана в объеме не менее 25 печатных листов. (Верьте, не буду скорбеть, если она останется достоянием моего портфеля). И если эта глава не доведена до конца, то отчасти потому, что *неоднократно* мне обещанные и *настоятельно* необходимые документы не были доставлены вовремя, отчасти потому, что исчезла уверенность в возможности видеть работу в печати в скором времени и отчасти потому, что подоспела Пасха и обычная суета с экзаменами. Впрочем, судя по последнему письму, работа моя Вас не удовлетворяет, так как «Палестинскому Обществу нужна история *его* 25-летия, а не других (sic!) учреждений, бывших до него». И здесь мне снова приходится решительным образом не согласиться с Вами. Возникло Общество *из протеста* против беспросветного существования Палестинской Комиссии, бок о бок существовало с последнею около *семи* лет и даже энергично боролось с нею, чтобы в конце концов в 1889 году поглотить ее. От Комиссии Общество унаследовало не только задачи, но <и> великолепный храм, приюты мужской и женский, громадные земельные участки, капитал в 130 тысяч и т. п. Эта Комиссия — не «другие учреждения», чуждые Обществу, а свои *родные*, так сказать, *корневые*. И если в биографии знаменитого писателя историк не может не помянуть «несколькими словами» родителей писателя и среду, в которой он рос, то автор исторической Записки сделает *крупную ошибку*, если он началом существования Общества, по Вашему совету, признает дату 21 мая 1882 г. Даже предположим невозможное. Если Ваш историк действительно *отважится*, вопреки исторической правде и наперекор стихиям, взять предметом Записки только одно 25-летие Общества (смею утверждать, что читатели Записки будут поставлены в недоумение по многим вопросам), то и в таком случае исходным для него пунктом должна быть знаменательная дата *1871 г. 12 июля*, т. е. день, когда покойный В. Н. Хитрово в первый раз вступил на берег Палестины (пусть это не забудет Ваш историк, не канцелярист и не протоколист). Вот в силу сейчас сказанного, мне думается, что несколько рискованно «некоторым членам» Совета Общества брать на себя труд *предварительного* ознакомления с Запискою. (Достаточно для сего одного и, конечно, лучше всего председателя ученого отделения Общества и для дипломатии с прибавкою вице-председателя), а правдивому документальному историку не исключается возможность считаться с голыми именами и цифрами (и то, пожалуй, в урезанном виде), изложенными в хронологическом порядке и украшенными несколькими гравюрами... Перспектива не для всякого заманчивая, и на такую работу можно поискать людей и в Петербурге.

Вы почему-то тревожитесь даже по поводу моей поездки на Археологический съезд во Владимир и приглашаете меня в Петербург в начале июня. Год учебный у нас, по случаю бывшей «забастовки», оканчивается только *15 июня*, а, следовательно, покинуть Киев ранее этого времени я не могу. Съезд предполагается к 20—30 июня, и числа 2 или 3 июля я рассчитываю

попасть в Питер, т. е. опоздаю *на две недели*. Но поездка во Владимир обусловливается настоятельною необходимостью — не только научною пользою, но и соображениями практического характера, ввиду поручения от нашего Религиозно-просветительного Общества, где я ревностный деятель и староста храма, привлечь владимирских иконописцев в качестве поставщиков открываемой при Обществе иконной лавки. Тревожиться Вам за эту мою поездку нет необходимости, так как назначенный мне Обществом срок для работы *в 90 дней* («Продолжение каждой поездки Общество рассчитывает *не более 18 дней*») исчерпан будет с избытком: 60 дней (2 месяца) в прошлое лето и 1 $^1/_2$ месяца в наступающее.

Я дал ответы по совести на все затронутые Вами вопросы. Ваше дело теперь решать — подходящий я для Вас историк Палестинского Общества или Вам следует поискать другого, более уступчивого, — но при этом усердно просил бы Вас не руководиться в своем решении Вашими «личными впечатлениями» и не вполне доверять «достоверным сведениям» каких-то профессоров нашей Академии. Если Вы признаете неудобным иметь дело со мною, то потрудитесь поставить меня в известность хотя бы и через В. Д. Юшманова и в возможно непродолжительном времени. В заключение могу лишь прибавить, что Записка историческая в том объеме и по тому плану, какие мною намечены и *возможны* на основании имеющихся у меня документальных данных (хотя, быть может, без конца), будет готова к предполагаемому времени.

Примите глубокий поклон от моей супруги и передайте наше нижайшее почтение Любови Иосифовне, Вере Николаевне и А. П. Беляеву.

С глубоким почтением и преданностью быть имею Вашим покорным слугою
профессор Алексей Дмитриевский.

P. S. Супруги Соколовы выехали за границу».

Несмотря на достаточно резкий тон письма и размолвку, вызванную им между А. А. Дмитриевским и Н. М. Аничковым, Алексей Афанасьевич благополучно завершил работу над книгой (правда, как отмечалось, в рамках лишь первого периода существования Палестинского Общества), издал ее и был вознагражден на официальном торжественном приеме по случаю юбилея ИППО в Петергофе в 1907 г. В связи с кончиной секретаря Общества А. П. Беляева профессор Дмитриевский был приглашен Советом занять его место. Он оставался секретарем ИППО с 1907 по 1917 год.

В последние свои годы, когда научная жизнь Общества, по независящим ни от кого обстоятельствам, была сведена к минимуму, Дмитриевский продолжил работу над подготовкой критического исследования «Евхологиона» Гоара. В Русско-византийской комиссии АН СССР им было сделано в этой связи два доклада: «О неудовлетворительности издания текстов в «Евхологии» Гоара» (1924) и «Византинист XVII века Яков Гоар» (1926). Третий доклад Дмитриевского в Русско-византийской комиссии (21 октября 1926 г. и 9 июня 1927 г.) назывался «Объяснения к "Уставу" Константина Порфирородного». Это были его последние, оставшиеся неопубликованными, научные выступления... Он умер 10 августа 1929 года.

На основе собственных историко-литургических исследований и 23-летнего опыта преподавания исторической литургики Дмитриевский сумел воспитать целую школу литургистов, включая епископа Гавриила (Чепура), профессора протоиерея Василия Прилуцкого, профессора протоиерея Корнилия Кекелидзе (впоследствии академика АН Грузинской ССР), профессора Н. Н. Пальмова, А. З. Неселовского, В. И. Барвинка и др. К сожалению, его работы по истории Русской Палестины не нашли достойных продолжателей.

Монография об архимандрите Леониде (Кавелине) публикуется нами по рукописи РНБ (ф. 253, № 176), в авторской версии, с модернизацией орфографии. Рукопись имеет лакуны, объясняемые характером ее происхождения (глава, вынутая автором из большой книги и приспособленная им — не вполне последовательно — для отдельной публикации в виде реферата в Совете ИППО). Эти лакуны (практически обрывы текста в начале и конце автоцитаты из большой книги) отмечены нами в публикации. Научный аппарат рукописи сохранен в том виде, в каком он был приведен профессором А. А. Дмитриевским.

А. А. ДМИТРИЕВСКИЙ,
профессор

ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА), ТРЕТЬЕГО НАЧАЛЬНИКА РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ, И ЕГО НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСТОКА

Глава 1. Лев Кавелин, его воспитание и военная служба

Глава 2. Поступление в монашество. Жизнь в Оптиной пустыни под руководством схимонаха Макария и служба в Иерусалиме в качестве члена Духовной Миссии

Глава 3. Возвращение в Оптину пустынь и назначение начальником Иерусалимской Духовной Миссии. Сборы в Палестину и путешествие туда

Глава 4. Первые шаги архимандрита Леонида в качестве начальника Миссии. Освящение домовой церкви во имя царицы Александры

Глава 5. Патриарх Иерусалимский Кирилл и его отношение к архимандриту Леониду.

Глава 6. Приезд архимандрита Антонина в Иерусалим и первые встречи с архимандритом Леонидом, консулом А. Н. Карцевым и Патриархом.

Глава 1

Лев Кавелин, его воспитание и военная служба

В ряду немногих преданных душею и телом мужественных истинных борцов за русское дело и на пользу Православной Церкви на Ближнем Востоке, без всякого сомнения, должно принадлежать видное и почетное место третьему по счету начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Леониду (Кавелину), закончившему дни своего земного, не краткого и весьма плодотворного бытия, в звании наместника Московской Троице-Сергиевой Лавры. Как начальник нашей Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид оставался здесь около двух лет, и время это в жизни нашей Миссии было самое тревожное, ввиду возникших в ней волнений и беспорядков со стороны подчиненных ему низших членов Миссии, резких столкновений с нашим Иерусалимским консульством и недоразумений с греческою Иерусалимскою Патриархиею; и в его деятельности за это время поэтому трудно указать какие-либо положительные результаты, направленные к поддержанию Православия и улучшению быта наших паломников на Востоке, но эта деятельность имеет неоспоримо важное значение своею отрицательною стороною.

Силою своего недюжинного ума, стойкостью весьма твердого характера, ясным пониманием основных задач и стремлений, с которыми была призвана к своему бытию наша Иерусалимская Духовная Миссия, и неумением идти на копромиссы с людьми сильными и власть имеющими, архимандрит Леонид на собственном своем примере, едва не погубив окончательно свою карьеру, доказал, что «палестинское» или «Иерусалимское дело» — «дело рук человеческих и испорчено с самого начала»

«внимателями дела», «считавшими себя мудрее» других и «продолжавшими портить и кривить дело, ими же начатое»[1].

Архимандрит Леонид, в мире Лев Александрович Кавелин, происходил из дворян Калужской губернии и родился 19 февраля 1821 года[2] в наследственном имении своего отца в деревне Гриве Возельского уезда. Отец его, А. А. Кавелин, родной брат отца известного ученого и публициста К. Д. Кавелина, служил в гусарском Клястицком полку и вышел в отставку штаб-ротмистром; по матери он принадлежал к известной семье Нахимовых, давшей России героя Синопа и Севастополя — адмирала П. С. Нахимова. Происхождением из знатной дворянской фамилии и принадлежностию отца по роду службы к военному сословию уже определились вполне для будущего аскета, кабинетного ученого и знатока Палестины и деятеля на православном Востоке, его воспитание и его служебная карьера. Лев Александрович в 1835 году, на 14-м году своей жизни, был помещен родителями в 1-й Московский кадетский корпус, имея своими сотоварищами покойного военного министра П. С. Ванновского и попечителей округов: Варшавского — А. А. Апухтина и Харьковского — Н. И. Воронцова-Вельяминова. Время, проведенное в Кадетском корпусе, оставило неизгладимый след в душе архимандрита Леонида, и о корпусе он с теплым чувством и умилением говаривал и вспоминал в кругу своих близких друзей даже и на закате уже дней своей жизни. Особенно тепло и сердечно он вспоминал о месте своего воспитания в 1878 году, когда Кадетский корпус праздновал столетний юбилей своего существования, явившись на праздник корпуса и приняв участие в торжественном его Богослужении, а затем описав родной праздник в статье «Празднование столетия Первого Московского кадетского корпуса». Как отличный воспитанник корпуса, Лев Кавелин удостоился чести присутствовать с некоторыми из своих товарищей на примерных Бородинских маневрах, устроенных императором Николаем Павловичем, и потом описал их в своих «Впечатлениях от Бородинских маневров», признанных начальством корпуса за лучшее сочинение, напечатанное затем (это был первый его литературный опыт) в «Журнале для чтения воспитанников военно-учебных заведений» за 1839 год. В 1840 году Лев Александрович с отличием окончил курс Кадетского корпуса и поступил прапорщиком в лейб-гвардии Волынский полк, оставаясь в нем целых двенадцать лет, — до 1852 года[3].

Но даровитый гвардейский офицер не пошел по избитой колее своих сотоварищей, отдававших свободное от военной службы время удовольствиям и развлечениям, доступным беззаботной, вполне обеспеченной интеллигентной молодежи, но, чувствуя влечение к литературе, посвящал свой досуг и силы занятиям в ней, в чем ему, кроме прирожденных талантов, помогало и отличное домашнее воспитание, и знание языков: немецкого, французского, английского и даже польского. Лев Александрович сделался сотрудником известного журнала «Маяк», который титуловал себя «журналом современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской», и издавался С. О. Бурачком — напечатал несколько переводных повестей с польского и стихотворений, к которым архимандрит Леонид всегда и до конца жизни питал некоторую слабость. О музе его юношеских лет и о том, чем

[1] Из письма архимандрита Леонида к В. Н. Хитрово 1879 г., апр. 9-го. СПб., 1879.

[2] «Сердечно я был порадован, — писал в 1889 году, 29 февраля, архимандрит Леонид В. Н. Хитрово, — получением в день моего рождения 19 февраля (пошел 69-й год) Вашего дорогого письмеца». Следовательно, все биографы отца Леонида в годе и дне рождения (22 февраля 1822 года) ошибаются: Журнал Министерства Народного Просвещения (далее: ЖМНП). 1891, № 12, отд. 1. С. 126; Душеполезное чтение (далее: ДЧ). 1891. Ч.III. С. 606: прим. а; Чтен. Общ. истории и древн. Росс. 1892. № 2. С. 4 и др.

[3] ДЧ. 1891. Ч. III. С. 610.

жил молодой офицер Кавелин, один из его товарищей, тоже поэт, в посвящении ему пишет следующее:

«Не ведает она [т. е. муза] людей и свету,
Никто ея не знал и не ласкал...
И право — ну, я истину сказал,
А не подстать элегику поэту,
Который сам себе наперекор
Грустит в стихах, не видит зги под солнцем
И, выменяв ... на червонцы,
Дает хандре и негу, и простор».

Но однако же нас интересуют не эти досуги пера и воображения, коим посвящает весьма часто время беззаботных и идеальных порывов юность, а те его литературно-научные работы в эти годы, в которых уже сказывался будущий «ветхословец», как любил себя называть архимандрит Леонид. Будучи еще гвардейским офицером, он напечатал следующие научно-исторические литературные статьи: «Краткое изъяснение плана древнего города Казани» (Маяк, 1843, т. III), «Сношение Авгаря, царя Эдесского, с Господом нашим Иисусом Христом» (Там же. 1844, т. XIII), «Св. Авраамий, мученик болгарский» (Там же), «Посещение болгарских развалин Петром I и Екатериною II» (Там же, т. XIV), «Взгляд на древнюю Польшу с замечаниями о Литве и России» (с польского) (Там же, т. XV), «Избавление Костромы от татарского нашествия: чудо иконы Феодоровской Божией Матери» (Там же. 1845, т. XIX), «Памятники белорусской письменности» (в иллюстрации) (Там же. 1845, т. XX).

Рядом с этими работами историко-литературного характера из-под пера молодого гвардейского офицера в данное время появляются уже совершенно необычные статьи, а именно: «Враждебные действия злых духов против человека» (Маяк. 1844, т. XVI), «Нечто о сверхчеловеческой магии» (Там же. 1845, т. XX), критико-библиографический отзыв о книге «Жизнь и подвиги схимонаха Феодора» (Там же, т. XXIII) и др. Эти последние произведения пера Льва Александровича Кавелина были бы для нас почти непонятны, если бы в душе его в это время не обнаруживалась уже тоска по идеалам высшего порядка и если бы его религиозное настроение, воспитанное с детства в одной благочестивой семейной атмосфере, незаметно для него мало-помалу не стало увлекать его на иной путь жизни, с первым мало имеющим общего.

В это время у него началось сближение с настоятелем Сергиевой пустыни под Петербургом архимандритом Игнатием (Брянчаниновым)[4], который принадлежал по рождению и воспитанию светскому званию, оказывал громадное влияние на молодежь высших и аристократических кругов, например на Ивана Андреевича Половцева, впоследствии Ювеналия, архиепископа Литовского; Льва Васильевича Краснопевкова, впоследствии Леонида, архиепископа Ярославского, и других. Это сближение не осталось бесследно и для молодого Л. А. Кавелина, который едва было не избрал даже Сергиеву пустынь и местом первых своих иноческих подвигов.

Глава 2

Поступление в монашество. Жизнь в Оптиной пустыни под руководством схимонаха Макария. Служба в Иерусалиме в качестве члена Духовной Миссии

В 1852 году неожиданно для всех, почти накануне Восточной войны, молодой капитан гвардии Лев Александрович Кавелин выходит в отставку и меняет блестящий гвардейский мундир на скромную рясу послушника родной Оптиной пустыни, отдав себя под строгое начало сурового аскета, знаменитого старца пустыни Мака-

[4] Церковный Вестник. 1891. № 44. С. 701.

рия (Иванова); † 1860. «Этот резкий переход из гвардии в монастырь, — говорит лучший из биографов архимандрита Леонида профессор Д. А. Корсаков, — поразил не только однополчан Кавелина, но и большинство его родственников и знакомых, из которых лишь весьма немногие понимали должным образом это превращение. И действительно, религиозностью и благочестием кадета и офицера нельзя еще было объяснить пострижение его в скит. Какая же была ближайшая причина, заставившая Кавелина переменить гвардейский мундир на монашескую власяницу, — это осталось тайною, которую отец архимандрит унес с собою в могилу. Он не любил говорить о ней, а потому и мы не должны излагать печатно те объяснения, которые случалось нам слышать от его родных и сослуживцев, быть может, и ошибочных. Во всяком случае, в личной жизни гвардии капитана Кавелина произошло, по-видимому, нечто весьма серьезное, изменившее всю дальнейшую его судьбу»[5].

Причин, почему в качестве тихого пристанища для себя отец Леонид избрал именно Оптину пустынь, было у него много. Прежде всего, эта обитель была родною для него, так как находилась всего в нескольких верстах от имения его отца — Александра Александровича Кавелина. Эту обитель любили его родители, и в детстве религиозно настроенный юноша нередко молился в ней с своею благочестивою матерью.

О матери архимандрита Леонида и ее замечательной религиозной настроенности мы находим следующие любопытные строки в дневнике Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) под 23—25 августа 1860 года: «Вторник в монастырской гостинице скончалась госпожа Мария Михайловна Кавелина, супруга Козельского помещика, ротмистра Александра Александровича Кавелина, из рода Нахимовых, двоюродная сестра Севастопольского героя-адмирала и мать постриженца нашей обители, иеромонаха Леонида.

Год тому назад, бывши на краю гроба, она просила старца Макария, по своей вере к нему, помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее для свидания с любимым сыном, отцом Леонидом, который был тогда в отлучке из обители. Старец тогда сказал ей: «Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе».

Выздоровев, она говорила близким: "Бойтесь моей смерти: с нею связана жизнь старца".

За благочестивую ее жизнь и кончина ее была мирная. Глубоко благоговела она к обители нашей: во все посты говела и приобщалась Святых Таин в обители. Так было и в теперешний Успенский пост. После приобщения она должна была отправиться на праздник к своему семейству, но почему-то внезапно отложила свой отъезд, сказав старцам: "Что-то не хочется ехать".

И осталась — и на другой день заболела и с каждым днем слабела, а 23-го, приобщившись Святых Таин за десять минут до кончины, сказала последние слова: "Я не могу вам выразить моей радости: во всю жизнь не чувствовала себя такой покойной, как теперь". И тут же уснула навеки.

25-го, по Литургии, совершено отпевание ее тела в присутствии супруга и детей: иеромонаха Леонида (Льва — гвардии штабс-капитана); Михаила, отставного поручика, и близких родных. Еще один ее сын служил в Святейшем Синоде, а дочь Александра была монахиней в Борисовском Девичьем монастыре.

Старец Макарий присутствовал при блаженной кончине боярыни Марии, назвав кончину ее "преподобническою" и промолвил: "Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную". Еще задолго до смерти госпожи Кавелиной, старец часто стал поговаривать ученикам своим: "Пора, пора домой".

---

[5] ЖМНП. 1891. № 12. С. 128.

Теперь слова эти он стал повторять еще чаще. Но видом был еще, слава Богу, достаточно крепок, хотя ему уже пошел 72-й год от рождения»[6].

Под влиянием привитых с детства любимою матерью живых и глубоко внедрившихся в душу религиозных воспоминаний иной, лучшей пристани для себя, совершился этот перелом в жизни отца Леонида. Это во-первых. Во-вторых, в то время Оптина пустынь снискала себе почетную и громкую известность в нашем Отечестве среди любителей истинно подвижнической жизни строгостью своих монашеских уставов, позаимствованных ею с чтимой русским благочестием народом Святой Афонской Горы, строгою подвижническою жизнию приснопамятных старцев обители — схимника отца Леонида (Наголкина), ученика схимонаха Феодора; Макария (Иванова) — ученика отца Леонида; и знаменитого впоследствии отца Амвросия (Гренкова), ученика сего последнего, и других, привлекавших в стены своей обители всех искавших ответа на запросы «яже к животу и благочестию».

Последнее обстоятельство было новою, не менее сильною побудительною причиною, почему молодой гвардейский офицер ищет для себя мирного приюта именно в Оптиной обители, так как и суровый иноческий подвиг в содружестве таких молодых энтузиастов, каким являлся Иван Андреевич Половцев, в монашестве Ювеналий (скончавшийся в сане архиепископа Литовского), и некоторые другие сверстники из светских образованных людей, не мог казаться тяжелым непосильным игом... Местом иноческих подвигов избрал Лев Александрович пустынный скит Иоанна Предтечи, о котором он с восхищением писал так: «Много в глубине моей души осталось воспоминаний о любвеобильной святыни Оптиной. Там узнал я впервые цену уединения... Тепла здесь была моя молитва, вызванная благоговейным умилительным песнопением иноков... Но особенно пленял меня уединенный скит...» «Благоговею пред тобою, безмолвный скит, люблю тебя, любвеобильная пустыня». Здесь под руководством опытного в духовной жизни любимого им старца Макария, ученика схимонаха Леонида, имя которого впоследствии принял в монашестве Лев Александрович, он проходил суровую школу иноческого послушания, поступив в 1852 году в обитель сначала на испытание и лишь почти через два года, после тяжелого искуса, 27 апреля 1854 года, он был определен в число братий Козельской Введенской пустыни послушником.

«Никогда в жизни я не был так счастлив, — рассказывал отец архимандрит Леонид об этих первых шагах своей иноческой жизни, — как в тот день, когда старцы благословили мне надеть простой пустынный полушубок»[7].

Проходя под руководством отца Макария тяжелый искус иноческого безусловного послушания, отец Леонид был приставлен своими старцами — Макарием и Леонидом — к тому делу, которое сродно его душе, полезно для русского благочестивого народа и славно для обители, ревнующей о духовном просвещении своего Отечества: к научным литературным трудам. На новоначального инока Оптиной пустыни Леонида (Кавелина) возложена была обязанность, совместно с другим же новоначальным иноком Ювеналием (Половцевым), заняться переводом аскетических святоотеческих творений, плодом каковых занятий являются следующие издания обители: «Сочинения Паисия Величковского», «Вопросы и ответы старцев Варсануфия и Иоанна», «Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические» (М., 1854), «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения в русском переводе» (М., 1856). Любовь к историческим исследованиям побуждает отца Леонида составить «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни» и состоящего при ней скита во имя святого Иоанна Предтечи (СПб., 1857). Нисколько после этого не удивительно, что не любивший праздно расточать своих похвал приснопамятный святитель Московский Филарет,

---

[6] Нилус С. Святыня под спудом. 1911. Сергиев Посад. С. 192—193.

[7] Церковные Ведомости. 1891. № 44. С. 1558.

когда явилась необходимость, так аттестовал отца Леонида (Кавелина) за этот начальный период его иноческой жизни: «Сей муж, некогда с достоинством находившийся в императорской службе, потом, по отречении от мира, долгое время, также с несомненным достоинством, проходил монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством».

26 февраля 1855 года Лев Кавелин был пострижен в рясофор, а в 1857 году, 14 сентября, — в мантию. «Сегодня, — пишет иеромонах Евфимий в своем дневнике, — за Божественной литургией отец архимандрит Моисей постриг в мантию между прочими (семи) двух нарочитых мужей: Льва Александровича Кавелина из знатных дворян, и из духовного звания окончившего курс Костромской семинарии Михаила Чебыкина († 18 марта 1906 года в Оптиной пустыни на покое в сане игумена). Первому наречено имя Леонид, а второму — Марк. Какая судьба уготована им, то уже дело премудрости и разума Божия, но, мнится мне, незаурядная судьба их. Помоги им Господь скончать течение жизни своей при временной в подвигах добрых, в вере, надежде и любви Божественной»[8].

Событию этому предшествовало прибытие в Оптину обитель Одесского епископа Поликарпа, которого высшее духовное начальство предполагало назначить начальником второй нашей Миссии в Иерусалиме, заменив его в конце концов — молодым инспектором Петербургской Духовной Академии, доктором богословия архимандритом Кириллом (Наумовым), возведенным в сан епископа Мелитопольского. По указанию митрополита Московского Филарета и <совету> паломника-писателя А. Н. Муравьева, епископ Поликарп прибыл в Оптину обитель, чтобы составить штат священнослужителей формируемой им новой Иерусалимской Миссии. Выбор его остановился на Ювеналии (Половцеве) и Леониде (Кавелине), которые, с благословения архимандрита обители и старца Макария, согласились вступить в состав Миссии ее членами[9]. Об этой перемене в своей жизни Лев Александрович сообщил любопытные подробности в письме в Петербург к некоему священнику Степану Онисимовичу[10], подписавшись в нем еще так: «многогрешный монах Лев Кавелин».

Письмо это, полное биографического интереса, мы приводим целиком:

«Давно я не уведомлял Вас о себе, — пишет Лев Александрович, — отчасти и потому, что не имел сказать Вам о себе ничего особенного, разве что еще живу, движусь и есмь, по милости долготерпеливого моего Владыки Господа, как вдруг совершенно неожиданно случилось событие, о котором считаю долгом известить Вас. 5-го числа пополудни прибыл в нашу обитель из Москвы Преосвященный Поликарп, епископ Одесский, с словесным поручением от Московского Архипастыря и письмом от А. Н. Муравьева. Поручение заключалось в том, чтобы избрать в нашей пустыни несколько человек для Иерусалимской Миссии с тою целью, чтобы, взятые из одной обители, они сохранили бы единство духа и цели в предстоящем деле. Владыке было указано прямо на отца Ювеналия и меня. Вам известно, что уже двукратно выпадал мне этот жребий: первоначально приглашал меня отец Ювеналий, но я не решился согласиться на это, хотя видел в этом удобный случай посетить святые места — колыбель христианства, куда часто стремились мои мысли

---

[8] Нилус С. Святыня под спудом. 1911. Сергиев Посад.

[9] В частности, об отце Ювеналии Преосвященный Порфирий сообщил следующее под 30 ноября 1856 года: «Граф Толстой на место мое в Иерусалиме избрал диакона Оптиной пустыни Ювеналия (из дворян) и держит его здесь в доме матери его, дабы при первых переговорах и возобновлении нашей Миссии в Иерусалиме явить его миру, "яко великого постника и молитвенника о душах наших"». (Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. VII).

[10] Ошибка А. А. Дмитриевского. Имеется в виду Степан Онисимович Бурачок, генерал-лейтенант, писатель и публицист, издатель журнала «Маяк». (Примечание Н. Н. Лисового. — *Н. Л.*).

в прежнее время. Другой раз господин обер-прокурор граф Толстой, по отказе отца Ювеналия, предлагал мне ехать в Миссию через князя Оболенского, своего родственника, но как состав Миссии тогда еще не был известен, то, опасаясь попасть в круг совершенно не известных мне и, может быть, не единомысленных людей, — я отказался решительно. Теперь же, когда совершенно неожиданно в третий раз и без всякого отношения к двум первым случаям сделано было мне то же самое предложение, я невольно призадумался, как смотреть на сие дело. Считать ли его званием Божиим или нет? Не смея и не дерзая брать на себя решение этого вопроса, я отвечал на убеждения Преосвященного Поликарпа, что если старцы найдут нужным послать меня, я поеду беспрекословно, но сам решить сего не могу, как по чувству своего недостоинства, так равно и потому, что не достанет сил самому подписать, может быть, вечную разлуку с обителью, старцем-отцом, благодетелями и родиною.

К удивлению моему и общему, отец архимандрит и батюшка отец Макарий благодушно согласились отпустить нас с Преосвященным Поликарпом, успокаивая тревогу сердца нашего тем, что они видят в Преосвященном человека Духа Божия, смотрящего на дело сие очами веры, а не разума, духовно, а не душевно... и нас Преосвященный искренно расположил к себе своею духовною беседою и любвеобительным обращением. Итак, мы согласились, буди воля Божия, и теперь, в ожидании решений нашей участи, крепко молимся: да аще от человек сие дело, да разорится, аще от Господа — да будет над нами Его святая воля — се рабы Его, твори, еже хощеши, в духе мирне. Нашему примеру последовало еще несколько человек из нашей братии. Владыко, видимо обрадованный успехом своей поездки, отправился в Петербург для освещений о необходимых переменах в проекте и составе, средствах и занятиях Миссии.

Бога ради, поспешите познакомиться с Владыкою; ваши опытные советы будут ему полезны весьма. Дело слишком важно, чтобы быть к нему хладнокровным ревнителю Православия, а Владыке нужно, очень нужно участие доброе, пока еще все не утверждено формально.

Любовь ваша к моему недостоинству, дорого мною ценимая, дает мне смелость надеяться, что, по свидании и беседе с Владыкою, вы не оставите меня уведомить о том, как смотрите на сие дело, — и скажете, что думаете, искренно, не обинуясь.

Старец наш свидетельствует Вам и семейству Вашему почтение и благожелание, и от меня прошу передать усердный поклон всем и каждому, а первенцу Вашему в особенности, за его братский привет и писание.

Простите. Поручаю себя отеческой любви Вашей и святым молитвам с почтением и неизменной о Господе любовью есмь и пребуду Ваш недостойный богомолец многогрешный монах

Лев Кавелин»

Хотя назначение в Иерусалим епископа Поликарпа не состоялось, но избранные им иноки Оптиной пустыни сохранили за собой принятое ими место в составе Иерусалимской Миссии и при действительном ее начальнике епископе Кирилле (Наумове). «В Иерусалим, — по словам епископа Порфирия (Успенского), — назначены два иеромонаха из Оптиной пустыни — Леонид и Ювеналий, оба из дворян и оба — любимцы синодального обер-прокурора»[11].

Указом Святейшего Синода 20 октября 1857 года отец Леонид был назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а посему 22 октября епископом Калужским Григорием (Юткевичем) рукоположен в сан иеродиакона, а 29-го того же октября — в сан иеромонаха.

Отец Леонид пробыл в Иерусалиме в качестве члена Духовной Миссии лишь с 1 февраля 1858 года по 20 мая 1859 года, но и этот период затянулся только потому,

[11] Еп. Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. С. 45.

что епископу Кириллу весьма нежелательно было отпускать его из Миссии, дабы не подавать повод к кривотолкам в Петербурге и нареканиям на начальника Миссии с одной стороны, а с другой — желательно было и отцу Леониду видеть редкое церковно-политическое торжество в Иерусалиме, «подобного которому, — по словам отца Леонида, — не было в летописях Иерусалима со времени византийского императора Ираклия»[12], — присутствовать при торжественной встрече Августейших русских паломников: Председателя Высочайше утвержденного Палестинского Комитета великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, его супруги великой княгини Александры Иосифовны и их первенца — младенца, великого князя Николая Константиновича. Высокие гости Святого Града являлись в Палестине не столько для удовлетворения своих религиозных потребностей — поклониться Живоносному Гробу Господню и посетить все достопоклоняемые святые места Иерусалима и его окрестностей, что они и выполняли почти ежедневно с 30 апреля по 9 мая включительно, — но, по воле Государя Императора Александра Николаевича, должны были осмотреть и выбрать в Иерусалиме или его ближайших окрестностях удобные участки земли, на которых Палестинский Комитет предполагал начать постройку русских богоугодных страннноприимных зданий и величественного русского храма. По окончании этих торжеств <прп.> занимаемой должности штатного члена Духовной Миссии и о причислении его снова в число иноков Козельской Оптиной пустыни. Ходатайство это было уважено, причем Святейший Синод 19 марта 1859 года указом своим «за отличную службу» наградил его набедренником.

На пути в Россию в июле месяце он посетил в первый раз Святую Афонскую Гору с целью познакомиться с бытом иночества этой Горы вообще, и русского иночества здесь — в частности. Свои глубокие впечатления он выразил в Книге обители для почетных посетителей в следующих выражениях: «Время, проведенное на Св. Афонской Горе, под гостеприимным кровом Руссика, отцами коего был принят с истинно христианским радушием и любовью, останется одним из лучших воспоминаний моего пребывания на Востоке. Обозрение Афона в аскетическом отношении убедило меня, что он был и доселе остается неугасимою лампадою, в которой горит елей чисто монашеской жизни: здесь, и только здесь, желающий может найти совершенный образец всех родов подвижничества, о коих упоминают свв. отцы, — от благоустроенных общежитий до людей, проходящих жизнь безмолвную, в совершенном безпопечении от всего земного.

Получив душевную пользу и назидание от собеседования и духовного общения с отцами и братиею Русской Обители на Афоне, не могу не выразить сердечного желания, чтобы те из посетителей сей Св. Обители, которые не имеют самонадеянности считать себя совершенно здравыми в душевном отношении, не ограничивались бы одним внешним обозрением святыни Афонской, но, пользуясь более или менее кратким здесь пребыванием, спешили бы вопросить о врачах духовных, на которых им укажет общая любовь и уважение всего братства; в пользе же их душеспасительных советов и растворенных любовию врачеваний пусть каждый убедится собственным опытом. Вкусите и видите, яко благ Господь и не оскудеет благодать Его в творящих волю Его.

Бывший член Иерусалимской Духовной Миссии, многогрешный
иеромонах Леонид, убогий оптинец».

Причиной столь быстрого оставления отцом Леонидом службы в нашей Иерусалимской Духовной Миссии было его полное расхождение во взглядах, убеждениях

[12] Б. П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. СПб., 1860.

и образе внешней повседневной жизни, чуждого аскетического настроения своего начальника, Преосвященного Кирилла, епископа Мелитопольского. «Архимандрит Леонид, — писал 10 декабря 1865 года обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому митрополит Московский Филарет, — не сторонник своего предшественника (Кирилла, епископа Мелитопольского), потому и вышел из состава членов Миссии по неудовольствию и в России не оказывался его сторонником»[13]. Основания для этого «неудовольствия» указал сам отец Леонид в своих беседах с отцом архимандритом Антонином (Капустиным), когда последний явился в Иерусалим (в 1865 году) для расследования происшедших в Духовной Миссии в 1864 году беспорядков. «По собственному признанию о. Леонида, — писал отец архимандрит Антонин в Святейший Синод, — причиною первого удаления из Миссии было то, что Преосвященный Кирилл, тогдашний начальник Миссии, обещавший ему еще в России духовничество при ней, по прибытии сюда взял на себя сей долг и требовал, чтобы члены Миссии были в духовно-сыновних отношениях к нему»[14].

Чтобы яснее понять причину размолвки с епископом Кириллом и глубоких огорчений, испытанных с его стороны, мы воспользуемся письмом Б. П. Мансурова к Председателю Палестинской Комиссии, князю Д. А. Оболенскому, из Иерусалима от 15 октября 1858 года: «Отцы Ювеналий и Леонид приняли нас, — писал Б. П. Мансуров, — с сердечною радостью и, конечно, нас обворожили. Ты знаешь уже, любезный друг, что они оба недовольны были архиереем за то, что он их не употребляет ни на что, ничего им не доверяет и держит прямо как послушников. Леонид положительно хотел оставить Иерусалим и уже подал об этом прошение Владыке. И его, и Ювеналия мы нашли весьма недовольными архиереем. Оба они знали о дурном впечатлении Владыки в отношении ко мне, слышали о том, что я будто бы пользуюсь в Петербурге большим кредитом, питаю враждебные чувства к архиерею и еду в Иерусалим с желанием и возможностью забрать его в руки и переделать в Миссии все, что нехорошо. Оба добрые, достойные и высоко христианские отцы увидели в этом возможность опереться на меня и на Консульство, чтобы изменить свое положение, как им того хотелось, и поддерживались в своих надеждах сплетническими дамскими и недамскими письмами из Петербурга, откуда им писали, что враги Преосвященного Кирилла сильны и ожидают посредством меня найти случай вызвать его в Россию. Сам Кирилл, раздраженный неизвестностью о моих поручениях, подкреплял в них мысль о его слабости, ибо часто неосторожно и желчно выражал, что если ему присылают обер-прокурора для Миссии, то он бросит Иерусалим. По всем этим причинам первые любезности отцов Ювеналия и Леонида обратились вполне на нашу сторону, и хотя я с первых разговоров объяснил Преосвященному Кириллу, что я приехал ему помогать, а не мешать, однако зная, что у отцов Леонида и Ювеналия есть в России большие связи и, между прочим, что Ю. сильно поддерживает Н. П. Мальцеву, которая с женскою простотою готова ратовать и против Кирилла и пользуется в глазах Владыки огромным влиянием при Дворе, то Преосвященный Кирилл очень озаботился возможным полным переходом Леонида и Ювеналия на нашу сторону будто бы против него.

Я с самого начала узнал и понял тактику обоих отцов, но будучи убежден, что в освобождении Епископа от сплетен подчиненных, единстве и свободе его власти и удержания подчиненных от сплетен и жалоб на Начальника заключается единственное условие успеха и достоинства нашей Миссии, — я (не говоря и не выражая ничего отцам Леониду и Ювеналию) стал прямо на сторону Преосвященного и только частыми разговорами с ним (вовсе не касаясь отцов), а менее частыми — с

---

[13] Архиеп. Савва (Тихомиров). Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 448.

[14] Письмо в копии, писанной рукою отца архимандрита Леонида, найдено в его архиве и сообщено нам архиепископом Никоном, бывшим Вологодским Владыкою.

отцами и удалением себя от выслушивания их жалоб, — бессознательно (ибо я все узнал на себе) отнял у них надежду на поддержку против Епископа...

Опасаясь, чтобы отцы Леонид и Ювеналий не написали в Петербург жалобных писем против него, желая, чтобы Леонид оставлением Миссии не возбудил предположение о несносности характера его, Кирилла, — и опасаясь, из недоверия ко мне, чтобы они не нашли во мне ходатая и поддержки, — Преосвященный, убедившись из моего поведения, что пока ему нечего меня страшиться, вследствие известной тебе и сродной ему хвастливости, начал напропалую любезничать с отцами Леонидом и Ювеналием, убедил перваго отсрочить отъезд в Россию, успокоил второго в вопросах самолюбия, обещая сделать его Начальником будущей где-то Миссии, а обо мне стал говорить, что он пока мною доволен, но что мое личное служебное положение в С. Петербурге в последнее время сделалось очень шатко, ибо и В. К. давал со скуки заниматься Иерусалимским делом; что он, Кирилл, держит меня совершенно в руках и <это заставит> меня самого отказаться письменно от убеждений, выраженных в моей книге, — что в М. И. Д. я имею так мало кредита и поддержки, что я сам говорил ему, Кириллу, что ему стоит написать вообще в Петербург десять строк против меня и заставить вызвать меня из Иерусалима; что я так подлащиваюсь под него, Кирилла, только потому, что от него зависит испортить мою карьеру, и что он более меня не опасается, ибо держит надо мною Дамоклов меч и т. п. в этом духе. Затем по отношению к Консульству и Доргобужинову Кирилл развивал такую же тему, что я вожу Д-а за нос, что сей последний есть нуль по характеру, что Консульство должно быть покорным слугою его, Архиерея, и будет плясать по его дудке, что стоит только всех нас держать в руках и т. д.».

«Ты знаешь, любезный друг, — продолжает далее Б. П. Мансуров, — до какой степени Кирилл словоохотлив и неумерен в речах; с другой стороны, ты знаешь, как святы, добродушны и честны Леонид и Ювеналий. Эти чудные люди, достойные всякого уважения, бессознательно обратились в источники всяких толков и сплетен в Иерусалиме; они желают только добра всем и рвутся из ревности послужить делу иначе, нежели отправлять ежедневно утрени и обедни. Их невозможно не любить и не уважать, но они просто дети в вопросах житейских и дипломатических; гнет Преосвященного Кирилла смущает спокойствие их духа, а нервная лихорадочная особенность Иерусалимской жизни выводит их из своего характера».

«Не могу не сказать тебе несколько слов об отцах Леониде и Ювеналии, — еще раз возвращается Б. П. Мансуров к этому вопросу, — невозможно не любить, не уважать и не почитать этих достойных и чудных людей; в Ювеналия просто можно влюбиться в христианском духе. Оба они производят здесь на всех и на меня самое отрадное впечатление, и трудно было выбрать лучших духовных представителей благочестия и кротости. Из них можно бы сделать чудные орудия для всего, но Преосвященный Кирилл их портит и испортит; на нем лежит большой грех в том, что он не умел снискать любви и доверия в их душе, просящейся на любовь и доверие. В отношении к ним его генеральство выразилось вполне и самым неудачным образом; они просто дети в политических вопросах, но в деле надзора за поклонниками и их назидания нельзя найти им подобных. Он и от этого дела оттер их совершенно, посылает их только изредка к поклонникам для следствия и для передачи срочных приказаний. На поклонников Преосвященный Кирилл действует только с генеральскою строгостью (иногда действительно нужною), следовательно, Леонид и Ювеналий всегда являются только полицейскими чиновниками, а не пастырями и увещателями. Отчего не отдать им доли в исповеди поклонников? Это сблизило бы их с духовными их детьми и заинтересовало бы их в деле нравственного наблюдения за нашими странниками. Леонида и Ювеналия еще нельзя употреблять в делах политических и для дипломатических, ибо они живут только во Христе, — но чего нельзя с ними достигнуть в деле назидания и привлечения сердец?

Посредством их и полицейский надзор за поклонниками обратился бы в благодетельное руковождение. Вместо того наши паломники только боятся нашего епископа и жалуются на его недосягаемое величие. Даже в отношении к нам Преосвященный действует либо сам, либо чрез своего драгомана и кавасов. Здесь именно является в Кирилле отсутствие сердечной теплоты, и очень естественно, что Леонид и Ювеналий его не любят, ему не доверяют, и им не привлечены к себе духом соучастия в святом деле. Это все очень жалко, тем более, что оба эти отца либо сами уйдут, либо выпроводятся епископом для получения вместо их овец бессловесных. Они должны ему мешать тем, что слишком привлекают к себе других. <...>

Видимо, Преосвященный хотел уверить моих подчиненных, что я совершенно в его власти, что он так силен, что все перед ним должно преклоняться, и что консул и я поневоле должны быть его покорными, послушными слугами. Все это вывелось невольно и бессознательно на чистую воду потому, что о. о. Ю. и Л. стали сожалеть о нашем жалком положении и горевать о том, что теперь уже окончательно Преосвященный Кирилл свернет их в бараний рог. Мы этого сперва не понимали, пока они наконец не высказались добродушно и откровенно. Я на это ответил им только то, что они могут выводить какие угодно заключения, но что я сам очень доволен Архиереем, тем более, что он не заставил меня отстать ни от одной из моих мыслей или отбросить какой-либо из моих планов. Ничего не могло их удивить более этого, потому (Преосвященный беспрестанно твердил о том), что заставит меня отказаться не только от моих намерений, но и от моих убеждений»[15].

Но причины разлада с епископом Кириллом лежали не в личных оскорблениях отца Леонида и в неисполнении данных обещаний ему при отъезде из России, а гораздо глубже: в полном несходстве их внутренней духовной настроенности и взглядов на принятые на себя добровольно иноческие обеты и внедрившиеся под воздействием оптинских старцев в его душе аскетические подвиги. Отражение этого мы ясно видим в письме члена третьей Иерусалимской Миссии иеродиакона Арсения от 8 февраля 1865 года на имя русского Иерусалимского консула А. Н. Карцева. «По прежней службе в Иерусалимской Миссии при Преосвященном Кирилле с отцом Леонидом, — пишет он, — мы не сходились в понятиях о произвольной нищете, смирении, молитве, терпении, посте и во многом другом. Отец Леонид всегда оказывался фанатичным формалистом и консерватором буквы. Еще в то время влияние монастыря на о. Леонида было весьма заметно: гладкая манера и отделанные приемы монашеского разговора показывали в нем воспитанника общежительной Оптиной пустыни, где на выделку благоприличной внешности обращено особенное внимание. Взгляды отца Леонида были странны и не сходны с прямыми верованиями православных. Скажу для образчика следующее. Все мы в Иерусалиме при Преосвященном Кирилле кушали говядину, с разрешения Вселенского Патриарха, не смущаясь совести. Отец Леонид не употреблял самой говядины, а только щи и суп из говядины, не желая быть таким же, как мы, грешником»[16].

В письме своем к князю Д. А. Оболенскому от 4 июля 1861 года отец Леонид сам дает яркую картину своих отношений к Преосвященному Кириллу и взглядов

---

[15] Цитированное письмо Б. П. Мансурова к князю Оболенскому мы имели в копии, переписанной рукою архимандрита Леонида и хранившейся в посмертных бумагах его. Любезно сообщено нам это в высокой степени интересное письмо архиепископом Никоном, бывшим Вологодским, которому мы обязаны, как душеприказчику покойного отца архимандрита Леонида, доставлением нам и других ценных писем к архимандриту Леониду (Кавелину), напр. с Афона, от отца архимандрита Антонина и других лиц. Считаем нравственным своим долгом выразить Его Высокопреосвященству архиепископу Никону нашу глубокую благодарность за высокое доверие и просвещенное содействие в деле собирания полезных материалов для настоящего предпринятого нами труда.

[16] Архив Святейшего Синода.

на деятельность последнего в Иерусалиме в качестве начальника Миссии. «Из Иерусалима имею известие от 8 числа текущего месяца, — пишет отец Леонид, — это письмо о. Ювеналия, который уезжал оттуда с грузом самых неприятных впечатлений и, описывая состав «архиерейского дома» (Миссия уничтожена), выражается так: "а Фадлала (драгоман) и Василий Андреевич (Левинсон) в качестве советников великого дипломата за обедами, ужинами и прочими подвигами достойного предводителя когорты. Увы, увы, — прибавляет он, — достойный плача и горького смеха духовный Иерусалим". Не знаю, так же ли будет говорить о. Ювеналий по приезде в Петербург, потому что он и сам немножко дипломат, а потому сообщаю Вам его настоящий отзыв, которым прошу поделиться с тем, кому еще сколько-нибудь дорога будущность Иерусалимского дела, которое вместо того, чтобы сделать честь России, ныне бесславит ее, и в чьем же лице?.. Но кто виноват, если у нас ничему и никому не верят, полагая, что "святость жизни" есть принадлежность сана, из чего и выходит, что "барыни наши" самыми грешными людьми считают пономарей и дьячков, а самым святым — Кирилла, ими возведенного в сан архиерейский, ими же поддерживаемого в его вышепомянутых подвигах, на которые он ежегодно еще получает средства от щедрот (разумеется, Государыня). Можно ли так нагло обманывать? Грустно и больно знать это, и неужели нельзя ожидать никакой благоприятной перемены в близком будущем»[17].

Но как ни тяжела была нравственная атмосфера, окружавшая его, как ни ограниченна была сфера его деятельности, время, проведенное отцом Леонидом в эти годы в Иерусалиме, не пропало даром и было им употреблено для той цели, которую он поставил себе при отъезде из России: изучать историю и жизнь восточного монашества. «Иеромонах Леонид, — писал 17 апреля 1858 года обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому в своем отчете Кирилл, епископ Мелитопольский, — имеет поручение изучать здешнее монашество как человек, знающий толк в деле и весьма интересующийся делом иночества. Надеюсь, что его наблюдения принесут нам впоследствии весьма много пользы, особенно тогда, когда Господу благоугодно будет положить правительству на мысль озаботиться судьбою наших русских обителей»[18].

Как питомец Оптинских старцев, известных своею духовною жизнью — отцов Леонида, Макария и Амвросия — он, по поручению епископа Кирилла, принял на себя обязанности духовника русских паломников, а как любитель иноческой жизни и «интересующийся делом иночества», охотно принялся в Иерусалиме на практике за изучение современного восточного монашества, которое ему известно было доселе лишь в теории, по аскетическим творениям древних подвижников; и, как «ветхословец» и человек, склонный к литературным занятиям, он «успел познакомиться довольно подробно со всеми святыми местами» и составить весьма любопытную книгу об Иерусалиме «Старый Иерусалим и его окрестности». (Из записок инока-паломника. М., 1873), не утратившую своего научного и практического интереса и до настоящего времени. «Проживая в Иерусалиме, свободное от церковнослужебных обязанностей время (по званию члена Иерусалимской Духовной Миссии) употреблял я, — пишет отец Леонид о происхождении названной книги, — частью для беседы о святых местах с людьми, близко знающими оныя, частью для посещения сих святых мест с целью основательного изучения оных; во время же поездок по окрестностям Святого Града и дальним святым местам, каковы Иордан и Галилея, я старался не столько следовать указанию западных писателей, сколько повторять драгоценные сказания нашего первого паломника "монаха Даниила", и имел приятный случай убедиться, что эти сказания "мужа свята, ветха деньми и

[17] Дело Палестинского Комитета № 20 (по Азиатскому департаменту № 923). Л. 12 об. — 13.

[18] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл (Наумов), епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Киев, 1902. С. 131.

книжна вельми, жившего в Галилее 40 лет и в Лавре Св. Саввы 20 лет", вполне согласны с преданиями греческими и во многом опровергают показания латинских писателей, основанные на показаниях францискан и разных "чичероне" из "Казанова", владельцы которой, соперничая постоянно с греками в обладании святыми местами, успели исказить и затмить многие православные предания о святых местах, что, к сожалению, отразилось на сочинениях некоторых из наших новейших паломников»[19].

В это первое пребывание в Иерусалиме отца Леонида произошло у него духовное сближение с настоятелем Саввинской Лавры отцом Иоасафом, «достойным подражателем преподобных отцов-пустынножителей, хорошо изучившим местность пустыни Святого Града и все предания и сказания о ней, которые живо сохраняются в его светлой памяти»[20]. Он был избран им в свои духовники, в руководители в новой для него обстановке среди греческого святогробского духовенства и палестинского монашества и опытным путеводителем по святыням Иерусалима и при посещении им развалин пустынных Иорданских обителей[21].

По возвращении в Россию из Иерусалима, направляясь в родное гнездо — в мирную Оптинскую пустынь, иеромонах отец Леонид в Москве виделся с митрополитом Московским Филаретом, принимавшим горячее, живое участие в делах нашей Миссии на православном Востоке, и, несомненно, выяснил пред ним истинное положение этой Миссии в надлежащем свете, умея сохранить к себе внимание столь высокого и авторитетного покровителя и заручиться его сильною поддержкою для своей энергичной деятельности на все последующее время своей жизни. Когда отец Леонид пожелал для своих целей побывать в Петербурге, то митрополит Филарет написал о нем 29 сентября 1859 года иеромонаху Троицкого Санкт-Петербургского подворья следующее любезное письмо: «Дайте Оптиной пустыни иеромонаху Леониду помещение в келлиях подворья приличное и, по возможности, удобное. Долг гостеприимства требует, чтобы хозяева, если нужно, потеснили себя, чтобы доставить удобство гостю»[22].

Глава 3

Возвращение в Оптину пустынь и назначение начальником Иерусалимской Духовной Миссии. Сборы в Палестину и путешествие туда

Возвращение отца Леонида в родную Оптину пустынь было встречено с радостью его старцем Макарием, приветствовавшем его так: «Бог вернул Вас помянуть нас»[23]. И эти слова в устах прозорливца оказались пророческими. Отцу Леониду пришлось вскоре пережить две утраты «для нежного и родственного чувства» и оказаться «полным сиротою по чувствам сердечным». В 1860 году 23 августа на его руках в обители скончалась горячо им любимая мать, Мария Михайловна, а через две недели за нею последовал и «достоблаженный» старец схимонах Макарий, оплаканный им и восторженно прославленный в «подробном жизнеописании» («Последние дни жизни старца Макария». 1861), рассмотренном в рукописи и одобренном великим почитателем сего старца, митрополитом Московским Фила-

[19] Архим. Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. М., 1873. С. 2.

[20] Там же. С. 454.

[21] Там же. С. 1.

[22] ДЧ, 1885. Ч.III, С. 501.

[23] Письмо к А. С. Норову отца архимандрита Леонида от 2 ноября 1865 г. (Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Цит. 13, 1881; № 44. С. 158).

ретом, который назвал автора жизнеописания «любящим учеником незабвенного старца»[24].

В этой мирной пристани на отца Леонида, как хорошо знакомого с положением иерусалимских дел и нуждами наших русских паломников, возложено было в том же, 1860 году, поручение написать «Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине». «Я выехал из Иерусалима в мае 1859 г. (21 мая был на острове Хиосе, сие очень помню); писал же "Отчет" этот, — говорит архимандрит Леонид в письме к В. Н. Хитрово 20 ноября 1888 г., — по настоятельному приглашению великого князя Константина Николаевича в Оптиной пустыни в 1860 г. (Б. П. Мансуров считает местом его написания Иерусалим, 1859 г.), остальные переданы мне не Б. П. Мансуровым, а покойным Д. А. Оболенским (заведующим делами Палестинского Комитета), с которым мы были дружны.

В этом "Отчете" мне принадлежит лишь одна историческая часть[25], все остальное, т. е. современное оному положение дел Палестинского Комитета заимствовано мною буквально из доставленного мне чрез того же Д. А. Оболенского материала, который, по всем вероятиям, есть дело рук Бориса Павловича, он и в ответе[26].

Поэтому-то я не пожелал, чтобы имя мое красовалось на сем "Отчете", ибо он мой лишь наполовину, что и обозначено в книге Бориса Павловича (т. е. "Базилика Константина")»[27].

По поводу другого поручения великого князя Константина Николаевича отец Леонид задумал было даже посетить вторично Иерусалим совместно с известным

---

[24] Архиеп. Савва. Указ. соч. Т. V. М., 1887—1888. С. 33. Архимандрит Леонид называет митрополита Филарета «отцом и благодетелем вообще всех учеников достоблаженного старца иеросхимонаха Макария». Письмо отца Леонида к митрополиту Филарету от 1868 г. (Из бумаг митрополита. № 21).

[25] В одном из первых своих писем к В. Н. Хитрово по поводу выхода в свет книжки его библиографического характера «Палестина и Синай» (СПб., 1875) архимандрит Леонид писал об этом отчете несколько иначе. (№ 49. Мансуров Б. П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта православных поклонников в Палестине). «Сочинение это, приписанное Вами Мансурову, принадлежит не Б. П. Мансурову, а всецело мне, написано же по поручению Его Высочества великого князя Константина Николаевича». (Письмо о. архим. Леонида к В. Н. / Хитрово от 10 сентября 1876 г.).

[26] Брошюра эта, по словам Б. П. Мансурова, «составлена в одной части отцом архимандритом Леонидом, бывшим в то время членом Духовной Миссии в Иерусалиме, в другой части — мною. Брошюра эта во многих тысячах экземпляров была распубликована в конце 1862 года, причем главнейшие редакции газет и журналов приняли на себя труд даровой рассылки этих экземпляров своим подписчикам». Архимандриту Леониду принадлежит 1-я глава: «Историческое начало благочестивого обычая посещения св. месту (Мансуров Б. П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. М., 1886. С. 17-18).

«Печатают глупые и бессовестные (sic) книжонки, — писал об этом Отчете епископ Кирилл из Иерусалима в Петербург к своим родным 28 декабря 1851 года, — преисполненные лжи самой наглой и едва ли имеющие возможность надуть кого-нибудь. Оскорбительным молчанием обходится самое имя первой Благодетельницы наших краев (т. е. Императрицы Марии Александровны, Августейшей Супруги Александра II), не говоря уже о других, и таким образом ставят в такое положение, что приходится делать выбор только между молчанием до времени и перепискою, которая снова поднимет там войну, высший гнев и какие-нибудь выдумки, горшие первых, нелепейшие и вреднейшие. Видится, что в организме дела есть дурные соки; пусть сделают нарыв и злокачественная материя соберется в одно место. Если нужно будет сделать надрез, так уж разом, чтобы разом выгнать гной. Не всегда хватает терпения, но ведь и чудес творить не умеем. Надобно ждать». (Письмо сообщ. прот. Ф. И. Титовым, проф. Киевской Духовной Академии). Но книжка эта усердно распространялась Палестинскою Комиссиею среди наших богомольцев и русских людей через губернаторов, через монастыри и церкви (Дело Палестинской Комиссии 1864 г. № 1) и иногда приносила значительный доход Палестинскому Комитету (там же — смета).

[27] Письмо отца архим. Леонида В. Н. Хитрово от 20 ноября 1888 г.

паломником А. С. Норовым и подал по этому поводу в Палестинский Комитет прошение следующего содержания: «Его Императорскому Высочеству благоугодно было поручить мне составление "Путеводителя для русских паломников Св. Гроба"[28]. Собираюсь в путешествие на Восток и заранее знаю, что мои заметки будут похожи на свиток, в котором вписано "Жалость и горе", но все-таки лучше, по слову Премудраго, быть в дому плача, нежели в доме безумного веселья, и потому предпочитаю путешествие по скорбному, многострадальному Востоку катанию по железным дорогам веселой Европы»[29]. Расход в 500 руб. на это путешествие был разрешен великим князем и Палестинским Комитетом, и деньги эти даже получены отцом Леонидом на руки, но потом были возвращены, так как поездка эта «по независящим от него обстоятельствам» не состоялась и отъехать в преднамеренный им в текущем году заграничный отпуск для посещения святых мест не предоставилось возможным.

По поручению того же Палестинского Комитета отец Леонид занимался «составлением славянских надписей на иконостасы и другие церковные принадлежности русских церквей в Иерусалиме» и «составлением рисунков для внутренних украшений сих церквей, и за свой труд, по представлению Б. П. Мансурова, получил из Комитета 150 рублей[30].

Кроме названных трудов, в эти годы своего отдыха в обители иеромонах Леонид отдавался мирным кабинетным ученым занятиям, посвящая им весь свой досуг, остающийся от исполнения своего иноческого долга, и сосредоточивая свое внимание то на покинутом им Святом Граде и его святынях, то на преданиях и уставах своей обители, то, наконец, углубляясь в изучение истории монашества и любимых им памятников глубокой старины. За это время из-под пера отца Леонида вышли статьи: «Взгляд на исторические судьбы Святого Града» (Домашняя Беседа. 1860. № 30), «Место моления о Чаше» (Духовная Беседа. 1860. № 38), «Великий Пост в Св. Граде Иерусалиме» (Душеполезное Чтение. 1863. Кн. II—IV), «Путешествие в Иерусалим священника Лукьянова (начало)» (Калуж. епарх. вед., 1863); «О святых местах Палестины (Иерусалим)» (Издание редакции журнала «Чтение для солдат», девять рисунков. СПб., 1861)[31]; «Последние русские пустынножители (материалы для истории русского монашества)» с биографическими очерками (Домашняя Беседа. 1862. № 20—26); «Собрание писем иеросхимонаха Макария в двух томах (1862—1863)»; «Голос в защиту писателей Печерского Патерика — св. Симеона, епископа Владимирского и Суздальского, и пр. Поликарпа, арх. Киево-Печерской Лавры» (Чтения в Московском обществе истории и древностей российских. 1860. Т. IV, смесь. С. 116—126); «Село Николо-Гостунское с его древностями» (Там же. 1861. С. 187—198); «Обозрение Калужского Оптинского монастыря и бывших в нем до начала XVIII века храмов» (Калуж. епарх. вед., 1861), «Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входящих с начала XV и до конца XVII стол. в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии» (Чтения в Московском обществе истори и древностей российских. 1862. Кн. II, исслед. I—VIII и 1—156, 1862), «Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии» (Там же. 1863. Кн. I. Исслед. I—VIII, 1—170), «Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской епархии» (Там же. 1865. Кн. IV, смесь. С. 1—115) и др.

---

[28] Палестинского Комитета № 20 по Азиат. департаменту. (Архив Госуд. № 931. Л. 4-5).

[29] Там же. № 923. Л. 13 об.

[30] Там же. № 14, а по Азиатск. д-ту № 931. Л. 19.

[31] Дата издания указана ошибочно. Соответствующей работы о. Леонида нам разыскать не удалось. — *(Прим. Н. Л.).*

Мирные учено-литературные занятия отца иеромонаха Леонида были прерваны назначением его вторично на службу в нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, но уже в качестве самостоятельного начальника Миссии, каковое назначение состоялось в Святейшем Синоде 29 ноября 1863 года с возведением его в сан архимандрита, происходившее в декабре 6-го числа того же года. Выбор на высокий и ответственный пост в Иерусалиме в качестве начальника Миссии пал на отца архимандрита Леонида (Кавелина) по рекомендации приснопамятного митрополита Московского Филарета, который от 9—10 июля 1863 года писал о нем обер-прокурору Святейшего Синода следующее: «Для Иерусалимской Миссии, по моему мнению, первым кандидатом может быть оптинский иеромонах Леонид и вторым — архимандрит Ювеналий. Оба они были уже в Иерусалимской Миссии под начальством епископа Мелитопольского. Первый более основателен и опытен, второй — оборотлив»[32].

В записке, поданной Святейшим Синодом в 1866 году на имя Государя, о Миссии говорится: «При назначении архимандрита Леонида Святейший Правительствующий Синод руководствовался не только известностью его как инока честных правил и безупречной жизни, но и близким его знакомством с делом Миссии и с разнообразными местными особенностями и условиями по прежней его службе при сей Миссии, в бытность ея под начальством епископа Мелитопольского Кирилла»[33].

<Экскурс по истории Русской Духовной Миссии при предыдущем начальнике епископе Кирилле (Наумове)>

«Личная ловкость и опытность все значит, — по словам «Записки» Б. П. Мансурова, — в деятельности на таком далеком пункте, как Палестина, что к деятелям и распорядителям народного достояния необходимы “доверие” и “вперед неизбежная доля личного произвола”, с одной стороны, а с другой — “полное и неограниченное доверие во всех подробностях финансового дела”[34] с “ответственностью нравственною”, при отсутствии всякого бюрократического стеснительного официального контроля»[35]. И, несмотря на такой общенародный источник средств для «церковных дел в Палестине» с ничтожною прибавкою в год в 20.000 из своих солидных дивидендов, «Русское Общество пароходства и торговли» устами своего уполномоченного не стесняется открыто заявлять, что оно — благодетельница нашего правительства и якобы «почти даром» дает ему все необходимое на Востоке, неся на это дело к тому же с своей стороны «жертвы». «Общество, — пишет в своем докладе Б. П. Мансуров, — на первых шагах встречается с вопросами поклонничества, извлекает из оных денежную выгоду и принуждено не пренебрегать оными, потому что поступая иначе, оно вредит своим делам и уступает победу опасным соперничествующим предприятиям. Таким образом, общество вполне вводится во все интересы поклонничества и силою вещей принуждается для своих выгод (sic) отыскивать тех же результатов, которых правительство наше должно отыскивать для целей государственных. От такого единомышленного стремления выиграет (sic) и то, и другое, но правительство еще более (?!) общества, потому что последнее должно непременно сеять для собрания жатвы и делать пожертвования, в которых

[32] Савва. Письма Филарета, митрополита Московского, к Высочайшим особам и другим лицам. Т. II. С. 188.

[33] Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 154 и 212.

[34] Мансуров Б. П. Записка, представленная великому князю Константину Николаевичу. 1859. С. 98—99.

[35] Там же. С. 132.

первое может затрудняться (sic). Одним словом, посредством общества правительство почти даром может приобрести то, что стоило оному жертв»[36].

В чем же на самом деле заключаются благодеяния Общества «затрудняющемуся» русскому правительству, предлагаемые якобы «почти даром»?

Для православных русских паломников в Иерусалиме необходимы богоугодные заведения, построенные по требованиям их привычек и условий жизни, и русский православный храм. «Все это, — по словам «Записки», — может быть сделано легко без противодействия со стороны Порты и западных держав, потому что Общество будет действовать в коммерческом духе, означенное дело примет вид спекуляции, которое может быть покровительствуемо нашею дипломатией открыто и настоятельно, потому что Порта обещала содействовать развитию коммерческого предприятия, представляющего выгоды для нее... Церковь устроится сама собою (sic) без расходов от казны, сиречь на деньги, жертвуемые народом.

Уже давно и настойчиво заявляют наши деятели на православном Востоке о необходимости иметь своих консулов, и в частности в Иерусалиме, чтобы под его защиту поставить наших бедных поклонников, беззащитных и обездоленных, так как Генеральный консул в Бейруте, ведению которого подчинен и Иерусалим, — редкий гость в Иерусалиме. Общество пароходства и торговли сулит на «Востоке сильных и богатых консулов» и «готово принять на себя часть необходимых на то расходов посредством соагентов», но с тою целью, прежде всего, чтобы «ближе ознакомить с нашими торговыми отношениями» и сделать через это «покровительство дипломации действительнее для себя».

В Константинополе чувствуется настоятельная потребность в странноприемном приюте и больнице для наших поклонников. Общество пароходства и торговли «в видах спекулятивных» не прочь в «доме для агенции, магазинов и угольных складов учредить» род гостиницы для русских богомольцев. Здесь же (это в скученной-то и грязной палате!) «можно и необходимо устроить небольшую больницу для посещающих Царьград».

В Смирне, Бейруте и Александрии не имеется «русского церковного представительства». Общество «поставляется в необходимость начать это дело из расчетов коммерческих».

Яффа, как порт для наших поклонников в Иерусалиме, всегда и доныне, «в течение всего дурного времени года», «труден и опасен». При высадках на берег Общество пароходства и торговли с легким сердцем и без жалости и сострадания к нашим паломникам указывает им на ничтожную и мизерную в коммерческом, но удобную в географическом отношении пристань в соседней Кайфе, заставляя наших паломников совершать тяжелый и опасный сухопутный переход в Иерусалим в течение нескольких дней. «В торговом отношении, — по словам Б. П. Мансурова, — Кайфа составляет для <пароходного> общества весьма важный пункт, потому что оно может вывозить отсюда неограниченное количество груза (sic), доставляемого земледельческими промыслами Киссонской и Ездрелонской долин»[37]. Для поклонников в паломнический сезон с сентября по март здесь созидается приют и «ради коммерческих интересов» учреждается «правильное русское консульство», соединяющее в себе и обязанности агенций пароходного общества, в виду чего <оно> не прочь даже «принять на себя все расходы по сим предметам»[38].

Трактуя, в частности, об учреждении «отдельного русского консула для всей Палестины» как предмете «первостепенной и неотложной необходимости», цитируемая нами любопытная «Записка» Б. П. Мансурова находит «необходимо и гораз-

---

[36] Там же. С. 103—104.

[37] Там же. С. 124.

[38] Там же. С. 136.

до выгоднее теперь же приобрести в Иерусалиме здание для консульства и вместе для пароходной конторы», причем, по мнению автора «Записки», расходы на приобретение здания «могут быть разделены между правительством и <пароходным> обществом, если, впрочем (уступка более чем странная), нельзя обратить оные на сборы в пользу поклоннических учреждений по тому уважению, что все вышеозначенное устраивается для наших поклонников». «Агенции общества в Иерусалиме можно соединить с канцелярией консульства для того, чтобы скорее развить деятельность обеих и предоставить консульству большие средства и большее число сотрудников под видом коммерческих агентов. Конечно, Иерусалимский консул не должен быть явным агентом общества (sic) и участником спекулятивного предприятия — такая роль повредила бы его политическому значению, — но ничто не препятствует ему принять на себя главное руководство делами общества и быть даже ответственным лицом пред сим последним (sic)»[39].

Не проходит молчанием «Записка» и важный фактор нашей деятельности на Востоке — Духовную Миссию, но не старается задобрить обещанием собственного помещения для жительства и поручением наших будущих странноприимных заведений «главному руководству начальника Миссии и русского консула», но с условием: «в деле управления оным должно участвовать и пароходное общество, как для придания приюту менее политического и более коммерческого характера, так и потому, что общество будет участвовать в значительной мере в содержании и построении заведения»[40]. Чтобы все эти три фактора «в достижении общей цели помогали друг другу и не могли спорить между собою о преимуществе прав в власти», «Записка» старается заранее разграничить их деятельность. «Политическое покровительство и помощь в делах гражданской общественной жизни, — по словам ее, — будет относиться к обязанности консула; попечение о нравственности и религиозной деятельности поклонников должно лежать на прямой ответственности Духовной Миссии; наконец, заботливость о материальных нуждах и благосостоянии поклонников возлагаются на Духовную Миссию совместно с агенциею пароходного общества (sic), ибо в этой стороне дела заключается его собственная выгода и более доступная для него обязанность»[41].

В заключение нельзя не отметить, хотя бы ради курьеза, ту мысль, что русское Общество пароходства и торговли, стремившееся затушевать наше правительство на Востоке и прикрыть его своим коммерческим спекулятивным флагом, предлагает «маскировать по возможности роль правительства в новой деятельности» и в Петербурге и серьезно считает это даже «необходимым». Автор «Записки» свое желание формулирует в такой странной даже фразе: «одним словом, нужно облечь все дело в Петербурге в форму частного благотворительного предприятия, образовавшегося по указанию коммерческих выгод пароходного общества, но покровительствуемого правительством ради богоугодной цели и "ради сочувствия его к успехам общества"»[42].

Мы не без намерения долго сравнительно остановили ваше просвещенное внимание на главных положениях этой любопытной «Записки» — отчета Б. П. Мансурова о своей поездке в Палестину в 1857 году, так как она была встречена в Петербурге акционерами Общества пароходства и торговли с полным восторгом, и автор ее был признан самым подходящим человеком для осуществления проектируемых им мер и учреждений в Палестине, с желательными для нее полным доверием и с расчетом на его «личную ловкость и опытность». Неудивительно поэтому, что из-

[39] Там же. С. 140—142.

[40] Там же. С. 142—151.

[41] Там же. С. 151.

[42] Там же. С. 152.

ложенные руководящие идеи этой «Записки», как они целиком были положены в основу нашей деятельности на православном Востоке, с настойчивостью и даже редким упорством проводились так называемым Палестинским Комитетом, преобразовавшимся в 1864 году в Палестинскую Комиссию, в жизни стирая и уничтожая все, что стояло на пути в этом движении вперед, с служением двум господам: Богу и мамоне, Церкви и спекуляции. Под напором этого упрямства погиб в Иерусалиме талантливый и преданный делу Миссии епископ Кирилл, таков почти конец был и другого нашего в Иерусалиме деятеля — отца архимандрита Леонида (Кавелина котором мы, несмотря на краткость его пребывания там, намерены повести нашу речь в настоящем собрании.

В начале 1858 года создался с Высочайшего утверждения Палестинский Комитет под председательством великого князя Константина Николаевича, имевший целью заботиться об улучшении положения наших паломников в Палестине, а в конце того же года учреждены «кружки для сбора подаяния на улучшение быта Православия в тех местах, откуда разлились лучи истинной веры на весь свет, то есть принесение посильной вещественной лепты на святое дело и принятие некоторыми избранными лицами подвижничества в деле богоугодном»[43]. Расчет оказался вполне верным. Из отчета Палестинского Комитета с 1858 года по 15 апреля 1860 года видно, что поступило за это время пожертвований вместе с кружечными сборами в количестве 176.623 рубля 37 коп., наросло процентов на собранный капитал 7.000 рублей; русское Общество пароходства и торговли, сулившее в вышецитированной нами «Записке» ежегодно по 30.000 рублей серебром, в конце концов ассигновало на Иерусалимское дело 30.000 руб., но «со взносом всей суммы в течение трех лет» и, наконец, из личных средств Государя Императора пожаловано на то же дело 500.000 руб. В руках Палестинского Комитета быстро накопилась, таким образом, солидная сумма пожертвований, на которую уже можно было начинать приобретение необходимого земельного участка и возведение на нем русских странноприимных богоугодных заведений. Для окончательного решения этого важного вопроса в жизни русской колонизации в Палестине ожидался предположенный приезд в Иерусалим председателя Палестинского Комитета, великого князя Константина Николаевича, который должен был личным осмотром одобрить выбор подходящего участка для задуманных сооружений. Приезд этот, как известно, состоялся в конце апреля, с пребыванием в Иерусалиме до 9 мая, когда все предположения Б. П. Мансурова и его сотрудников, прибывших в Палестину заранее до приезда великого князя, получили одобрение и утверждение. Во все это время оставался в тени и как бы в пренебрежении лишь бывший главный распорядитель судьбами наших поклонников в Иерусалиме начальник Миссии епископ Кирилл, если не иметь в виду любезного личного внимания великого князя и Высочайше ему пожалованных наград.

Такое игнорирование нашего начальника Миссии тем более странно и непонятно, что из Иерусалима уже шли горячие жалобы и протесты на невозможные отношения между начальником нашей Миссии и агентом русского Общества пароходства и торговли в роли консула в Иерусалиме и что об этих дрязгах и жалобах сделалось уже известно и Государю Императору, положившему на письме к министру иностранных дел от 17 марта 1859 года следующую резолюцию: «Буду ждать, что брат мне напишет...»[44].

В августе 1858 года Палестинский Комитет командировал в Иерусалим «чиновника морского министерства, никогда не занимавшегося ни Палестиною, ни церковными, ни восточными делами», В. И. Доргобужинова[45], без всякой дипломати-

---

[43] Мансуров Б. П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858. С. 105.

[44] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. 1858. № 389.

ческой школы, взятого из канцелярии для исполнения обязанностей агента Русского пароходства и торговли с правами русского консула.

Новый деятель в Палестине прежним хозяином и распорядителем наших здешних дел епископом Кириллом встречен был, весьма естественно, с недоверием и с недоумением относительно своего настоящего «неясного нового положения». «Распоряжения министерства, сведения из Константинопольского посольства посредственные через посольство от г. Мансурова, без всяких предварительных извещений, без всякого объяснения, касающихся моего назначения и положения перемен, ставят меня, — писал 19 июня 1858 года епископ Кирилл Е. П. Ковалевскому, директору Азиатского департамента, — в крайнее смущение. Читая и перечитывая инструкции и соображая их со вновь полученными сведениями, я, наконец, совершенно теряюсь, не зная, за что взяться, не понимая, для чего я существую здесь. Доселе я понимаю две вещи, которые однако ж сами по себе тоже не очень ясны. Во-первых, вижу некоторую перемену принципа, на котором утверждается существование моей Миссии. Нас предполагают покрыть фирмою Общества пароходства и торговли. Но или я совершенно отупел или, в самом деле, есть нечто неясное в новом принципе, только во всяком случае я не вижу свету около себя, сколько ни напрягаю свой умственный взор. Среди различных открытых и независимых учреждений религиозных самостоятельная русская Миссия заняла почетное место и, храня свое достоинство, успела заслужить общее доверие и уважение. Я полагаю, что только в этом виде она может оставаться достойною представительницею Русской Церкви и — позвольте досказать мысль сполна — только под этим уставом она может существовать, по крайней мере, в теперешнем ее составе с архиереем во главе. Скажу больше: пароходно-торговые учреждения, весьма уместные по прибрежью Средиземного моря, явившись в поклонническом городе Иерусалиме, скорее удивят свет и возбудят наибольшие подозрения: что это, скажут, Россия все укрывается за поклонниками? Для поклонников устроила Духовную Миссию, для поклонников учредила торговое общество»[46].

Впрочем, Преосвященный Кирилл встретил представителей «нового принципа» в Иерусалиме Б. П. Мансурова и его ставленника Доргобужинова на первых порах любезно, не скрывая однако же своих тревог «за возможность некоторых поводов к недоразумениям». Послу нашему в Константинополе А. П. Бутеневу 7 октября 1858 года епископ Кирилл уже прямо заявлял, что он «предвидит даже зарождение этих вопросов»[47]. И действительно, ожидать предполагавшихся конфликтов между старыми хозяевами в Иерусалиме и новыми пришлось весьма недолго. «Все, чего только когда-либо я мог опасаться в отношении к делу нашему на Востоке от смешения начал, — писал епископ Кирилл в отчете своем 19 февраля 1859 года, — все это вышло наружу, именно наружу, что плачевнее всего. Не только поклонники наши, но и греки, и турки бросались ко мне после моего приезда (из Дамаска) <с> восторженными изъявлениями своей радости о моем возвращении, а вместе с громким ропотом на консула за то, что он действует против меня... Оказалось, вопрос был о самом принципе, о представительстве в Иерусалиме, о значении консула в связи с Архиереем — начальником Миссии. Не знаю, в какой степени убедился г. агент общества, управляющий консульством, в истине высказанного ему мною положения, что меня нельзя ставить на одну доску с последним поклонником в Иерусалиме, что если флаг "покрывает всех русских, то меня только защищает"... не знаю, до чего мы дойдем дальше, но теперь дела наши в Иерусалиме идут весьма нехорошо. Крайне неосмотрительный образ действий г. управляющего консульст-

[45] Хитрово В. Н. Неделя в Палестине. (Из путевых впечатлений). СПб., 1876. С. 62.

[46] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл Наумов... С. 400—401.

[47] Там же. С. 404.

вом более и более поддерживает в Иерусалимском обществе мысль, что мы с ним идем не по одной дороге; отношения наши натянуты до того, что я боюсь выйти из дома, боюсь взяться за какое-нибудь дело даже о поклонниках, опасаясь вновь поднять какой-либо вопрос, которого мы не порешим, или подать повод к подозрениям, которыми раз был уже оскорблен совершенно незаслуженно...» «Следствия не прекратятся, — заключает епископ Кирилл совершенно основательно, — доколе причина будет существовать, и это уже крайне худо для нашего дела на Востоке. Как агент общества, г. Доргобужинов идет со мной уже не по одной дороге, не под одним начальством состоим мы, не одно дело делаем, а если и одно, то совершенно с различными видами, что еще хуже. Я имел успокоительные уверения г. Мансурова насчет вмешательства общества в наше дело; дело теперь говорит яснее слов и оправдывает мои давнишние опасения более, чем уверения Его Превосходительства. Слияние званий в одном лице г. Доргобужинова не уничтожило в нем различия стремлений по службе в двух ведомствах: начало действительного разделения здесь, и разделение это не кончится ни с переменою лиц, ни с течением времени. Могло бы оно обнаружиться не так рано и не так грустно, но это уже небольшое зло.

Усвоив себе многочисленные цели, не весьма соприкосновенные с делом торговли, Общество пароходства и торговли дало своим агентам идею какого-то полуявного, полутайного представительства на Востоке и назначение быть наблюдателями за ходом дел политических и церковных по всему Востоку. Агенты введены, таким образом, в круг деятельности чиновников Министерства иностранных дел и, получив для большей представительности денежные средства, естественно, претендуют на деятельность: столкновение здесь неизбежно, разве со временем все консульские места перейдут в руки агентов общества»[48].

Но представители «нового принципа», прибывшие в Иерусалим, постарались тесно сплотиться воедино, имея душею своею главного деятеля палестинских русских дел Б. П. Мансурова, с целью нанести чувствительный удар прежнему принципу и старому хозяину — начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

Образовался, таким образом, единодушный «триумвират»[49], как называет этих деятелей автор «Воспоминаний поклонника Святого Гроба» В. Каминский, — «триумвират», состоящий из Б. П. Мансурова, В. И. Доргобужинова и главного строителя наших построек академика-архитектора М. И. Эппингера. Второстепенные наши деятели, принимавшие участие в сооружении русских богоугодных заведений, вполне естественно, как люди зависимые и подчиненные, группировались вокруг своих принципалов и поддерживали «названный триумвират». Члены «триумвирата» постарались всеми зависящими от них силами захватить распоряжение нашими делами в Палестине в свои цепкие руки и устранить всякое вмешательство в них начальника Русской Духовной Миссии епископа Кирилла, крайне стеснявшего их своим высоким саном и тем авторитетом, который он приобрел своею предыдущею весьма плодотворною и почтенною деятельностью в Палестине. Устрояя новые приюты для русских паломников в частных домах города Иерусалима на деньги, хотя и собранные в кружки русских православных храмов, но попавшие в их полное распоряжение, по своим планам и вкусам, деятели «триумвирата» во главе с Б. П. Мансуровым постарались поставить эти приюты и их обитателей, наших паломников, вне всякого даже косвенного влияния на них своего опасного для них соперника — начальника Миссии. Занятые приисканием удобных земельных участков для устроения проектируемых русских богоугодных заведений внутри города и прилегающих к нему пригородных местностях, члены «триумвирата» ни разу не постарались, хотя бы из приличия, пригласить в свои собрания начальника

[48] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. 1858. № 889.

[49] Триумвират этот г. Каминский называет «умным и полезным». (Записки поклонн. Св. Гроба. Ч. III. Л. 40).

Миссии епископа Кирилла, несмотря на то, что одновременно с устройством странноприимных приютов шла речь и о создании величественного русского Свято-Троицкого собора.

Ничего поэтому нет странного и в том, что, когда появился в Иерусалиме с паломническою и иными целями председатель Палестинского Комитета великий князь Константин Николаевич, деятели «триумвирата» не сочли для себя полезным вмешать в задуманное предприятие нашего начальника Миссии и постарались всячески отвлечь внимание Августейшего поклонника от этой резко бросающейся в глаза анормальности, предоставив последнему выражения знаков личного своего внимания и передачу Высочайше ему пожалованных наград. Ловко обойдя для себя этот щекотливый и трудный вопрос во время пребывания великого князя в Иерусалиме, Б. П. Мансуров и его товарищи, по отъезде князя, уже свободно могли приступить к постройкам без всякого участия в них епископа Кирилла, пригласив его лишь на церковную церемонию при закладке собора. Неудивительно, что этот антиканонический, неестественный и непонятный для людей непредубежденных акт невежливости по отношению к русскому епископу возбудил полное недоумение со стороны митрополита Московского Филарета. «Агенция Общества пароходства и торговли в Иерусалиме, городе не приморском, не торговом, — писал Владыка в Петербург по поводу отчета епископа Кирилла за 1858 год, — так анормальна, что сама не может не чувствовать себя в довольно неловком положении без товарищей, без дела. Нет ли здесь не правды? Что делает или что хочет делать пароходное общество? Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не более ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу пароходства и торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество пароходства и торговли имеет в своих руках и заботится, как бы и впредь в большем количестве получать в свои руки. Иностранные правительства употребляют сотни рублей на агентство, чтобы обеспечить движение и приобретение тысяч; что если мы, истратив на агенство тысячи, не приобретем и сотен»[50]. Но этим печальным фактом полный разлад среди русских деятелей в Палестине с явным пренебрежением к начальнику Русской Духовной Миссии не исчерпывается. По отъезде из Иерусалима великого князя члены «триумвирата» сделались в своих действиях еще более сильны и решительны. Г<господин> Доргобужинов, опираясь на поддержку Б. П. Мансурова, отобрал у епископа Кирилла и последний опорный пункт его влияния на паломников — русский госпиталь, созданный старанием начальника Миссии на средства, пожертвованные на этот предмет в его руки и полное распоряжение Государынею Императрицею[51].

Однако же неудовлетворительным ходом русских дел в Палестине и личным желанием Государя Императора, до сведения которого, как мы знаем, были доведены неблагоприятные слухи о положении этих дел в Палестине, наши палестинские деятели вызывались к настойчивой необходимости издать специальные меры, которые точно разграничивали бы в Иерусалиме сферы деятельности наших представителей: начальника Миссии и агента Общества пароходства и торговли с обязанностями русского консула. Едва ли нужно прибавлять, что и в этих мерах, Высочайше одобренных «к исполнению» 11 декабря 1859 года, Палестинский Комитет постарался всячески сохранить свой основной принцип свободы действий неприкосновенным.

«На обязанность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, — говорится в журнале Комитета, — возложить нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, управление делами Миссии, пастырское наблюдение за нашими поклонниками и всеми нрав-

---

[50] Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 348.

[51] Протоиерей Ф. И. Титов. Преосвященный Кирилл (Наумов)... С. 417-418.

ственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения наших богомольцев, передачу консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников.

Подчинить все русские страннопримные заведения в Палестине заведыванию власти гражданской, т. е. русского императорского консульства, в обязанности которого относится все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление — все приобретения земель и домов, все хозяйственное заведывание приютами, госпиталем и строениями на основании инструкции Министерства иностранных дел»[52].

Палестинский Комитет исправил затем свою первую важную ошибку агента пароходства и торговли с правами консула и чиновника морского министерства г. Доргобужинова, возбудившего против себя недовольство и недоверие начальника Миссии, заменил чиновником Министерства иностранных дел К. А. Соколовым, а за его смертию, вскоре воспоследовавшею, А. Н. Карцевым, уже служившим до того времени на Востоке.

Желание Миссии иметь настоящего консула в Иерусалиме из чиновников Министерства иностранных дел таким образом осуществилось, но с заменою агента консулом дела Иерусалимские не пошли лучше. А. Н. Карцев, сохранивший в своем лице с званием дипломатического агента и обязанности агента Общества пароходства и торговли с вознаграждением за это из средств Палестинского Комитета добавочных 2.000 рублей, прибыл в Палестину хорошо уже осведомленным в делах наших и получил в Петербурге от лиц, близко стоящих к Комитету, весьма обстоятельные инструкции на счет образа действий здесь. Существовавший дотоле и заправлявший всеми делами «триумвират» получил лишь замену одного лица другим, но остался по-прежнему в полной силе, причем приобретение чиновника-нигилиста, «без всякой веры и нравственности», как характеризовал А. Н. Карцева архимандрит Леонид, отразилось самым плачевным образом на дальнейшем ходе наших дел в Палестине. Консул Иерусалимский, опираясь на свои связи, бюрократические и аристократические, пустил в ход все средства: и инсинуации и злословие, и клевету и сплетни, чтобы дискредитировать личность начальника Духовной Миссии епископа Кирилла и сделать дальнейшее его пребывание в Иерусалиме рядом с собою невозможным.

В донесении от 19 мая 1863 года в Азиатский департамент «о безнравственном поведении начальника Русской Духовной Миссии» консул «умного и осторожного, умеющего обворожить архипастырскими добродетелями», — так он характеризует епископа Кирилла, — не стесняется обзывать человеком «с актерскими способностями», обвинять в алкоголизме «до припадков белой горячки» и считать «бессловесным и покорным орудием» в руках греков, якобы «дозволяющих ему невозмутимо предаваться всем слабостям и страстям». В частном письме к Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву в своих инсинуациях г. Карцев идет еще дальше. Епископ Кирилл, по его словам «скоморох», пьяница, любитель прекрасного пола и т. д. и т. д. Но сочность всех этих красок необходима для Иерусалимского консула лишь для того, чтобы в конце концов убрать из Иерусалима нежелательное для него высокопоставленное духовное лицо. «В заключение, — пишет А. Н. Карцев в донесении в Азиатский департамент, — если Императорское министерство благоволит принять настоящее мое доношение во внимание и сделать распоряжение об отозвании из Иерусалима епископа Кирилла, то я считал бы более полезным для единства наших действий и русских интересов в Палестине новым начальником Духовной Миссии назначить не епископа, а архимандрита, известного не одними только умственными способностями, но и добрым, честным поведением и строгою примерною жизнью; на это необходимо обратить особое внимание при выборе

[52] Дела Палестинской Комиссии. 1884. № 44. Л. 74.

главы для Духовной Миссии, которая местом пребывания своего имеет город Иерусалим»[53].

Заключение это ни в какой связи не стоит с сущностью донесения и, конечно, не дело светского лица — консула — указывать высшему духовному чиноначалию, а вкупе и своему ближайшему высшему начальству — Министерству иностранных дел — в каком сане оно признает более полезным для дела послать нового начальника нашей Миссии в Иерусалим — в епископском или архимандричьем. Дело не в сане, а в личных достоинствах будущего начальника, но в этом сказалась затаенное давнишнее желание наших русских деятелей в Палестине отделаться раз и навсегда от представительного сановника Русской Церкви около себя, стеснявшего их своим высоким иерархическим положением, и заменить его более скромным по титулу в иерархии лицом. К чести Министерства иностранных дел нужно отнести, что оно к инсинуациям Иерусалимского консула отнеслось не с полным доверием и горячо вступилось за своего избранника в начальники Миссии — епископа Кирилла. Министерство, основываясь на донесениях своих агентов, и по политическим соображениям не признало пребывание епископа Мелитопольского Кирилла в Иерусалиме «излишним и тем менее вредным», и самый вопрос — «необходимо ли заменить его другим лицом», совершенно резонно и основательно предоставляло «решить высшему духовному начальству», а замещение епископа архимандритом в Иерусалиме, по мнению Министерства, даже «представит много неудобств» и при настоящих обстоятельствах «будет иметь вид резкого, слишком крутого оборота дела»[54].

Но кому это было интересно и желательно, те постарались инкриминирующее донесение консула А. Н. Карцева довести до сведения Государя Императора Александра II, который, по прочтении его, написал на нем следующую Высочайшую резолюцию: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов сих было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте».

В Святейшем Синоде епископ Кирилл не имел никакой поддержки в данное время, а митрополит Московский Филарет и обер-прокурор А. П. Ахматов относились к нему весьма неблагосклонно, и судьба епископа Кирилла была решена. 22 июня 1863 года он был смещен с должности начальника Миссии в Иерусалиме и назначен в ведение Казанского архиепископа[55]. Дальнейшая печальная судьба епископа Кирилла, ожидавшего формального суда с целью оправдания себя пред Святейшим Синодом и возбудившего к себе самые искренние и горячие симпатии и в местном святогробском духовенстве, и среди туземных христиан, и турецких местных властей, и даже у предстоятелей западных вероисповеданий, нас уже не может интересовать, так как прямого отношения к предмету нашей речи не относится, но мы не можем игнорировать "Записки" от лиц близко стоящих к Палестинскому Комитету и поданной в Святейший Синод с целью определить максимум требований к будущему начальнику нашей Духовной Миссии. <прп.>

«Главные качества, которые будут требоваться от настоятеля странноприимной лавры в Иерусалиме, — по мнению этой «Записки», — должны быть: строгое благочестие, твердость характера, умение обращаться с русским простым народом и опытность в деле монастырского хозяйства. От такого духовного лица не нужно вовсе требовать ни выспренней учености, ни умения вынести условие общительности с иностранцами, ни даже познания греческого и арабского языка. Настоятель будет иметь дело исключительно с русскими поклонниками в пределах русской обители, следовательно, главное условие заключается в умении управлять поклонниками и

[53] Архив Святейшего Синода по Канцелярии обер-прокурора. 1863. № 160.

[54] Архив Святейшего Синода. 1857. Дело № 4214.

[55] Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 401.

хозяйством на том же основании, как это делается в монастырях в России. Все местные сношения с греческим духовенством и иерусалимскими властями останутся уделом дипломатического представителя правительства, т. е. консула (sic) и отчасти начальника Духовной Миссии»[56].

Далее в «Записке» напрягаются все усилия доказать, что «слишком высокое значение» по своему сану начальника Миссии, несмотря на то, что простолюдины богомольцы «легко подчиняются власти духовного характера», мешает ему принять на себя ежедневные заботы о благосостоянии материальных нужд поклонников», а поэтому проектируется особая духовная должность — настоятеля наместника или игумена, который состоял бы на общем основании непосредственно под властью Святейшего Правительствующего Синода, и прямо через консула отчитывался бы в деньгах пред Палестинским Комитетом, от коего он будет получать суммы на содержание приютов»[57]. Анализируемая нами «Записка» подверглась со стороны митрополита Филарета серьезному критическому разбору «в особом мнении», и мудрым Владыкою по делам Иерусалимским высказано совершенно справедливое заключение: «Российская Духовная Миссия в Иерусалиме и построение там церковных и странноприимных зданий, которые по предмету и цели должны составлять одно, произведены двумя действователями: 1) духовным начальством с согласия Министерства иностранных дел и 2) Иерусалимским Комитетом, составленным из светских особ. Сии действователи шли каждый своим отдельным путем, и неудивительно, если не пришли к единству... Трудно удовлетвориться и тем, что существует, и тем, что предполагается»[58]. Назначение начальником вместо епископа архимандрита митрополит Филарет, в частности, признавал для нашей Миссии хотя и «видом падения», а не «восхождения от силы в силу»[59], однако же уступил настойчивому желанию наших деятелей в Палестине и рекомендовал, как мы знаем, в начальники Миссии «первым кандидатом» иеромонаха Леонида (Кавелина) как человека «основательного и опытного».

<Конец экскурса>

Указом Святейшего Синода от 29 ноября 1863 года иеромонах Оптиной пустыни Леонид, с Высочайшего соизволения, назначен начальником Духовной Миссии в Иерусалиме с возведением в сан архимандрита и с присвоением степени настоятеля первоклассного монастыря[60]. Вызванный из Курска в Петербург, 25 июля он прибыл на «свой счет» и был рассчитан здесь прогонными деньгами: две лошади в 63 руб. 39 коп., суточных по 30 коп. за 36 суток — 6 руб. 90 коп., а всего 70 руб. 29 коп., и на содержание в столице по сентябрь месяц 105 руб., а всего 180 руб.[61]. 6 декабря того же года отец Леонид был возведен в сан архимандрита, причем ему Высочайше пожалованы были 23-го декабря месяца митра и золотой наперсный крест с драгоценными камнями из Кабинета Его Величества[62].

Таким образом, сбывались мечты деятелей Палестинского Комитета насчет замены в Иерусалиме епископа архимандритом. Об этом говорит обстоятельно «Записка» от 15 апреля 1860 года, заслушанная в Комитете и представленная великому князю Константину Николаевичу. «При восстановлении в 1857 году Русской Ду-

[56] Там же. С. 401.

[57] Там же. С. 398—400.

[58] Там же. С. 420.

[59] Там же. С. 421.

[60] Архив Св. Синода. (Дело А. А. Дмитриевским не указано. — *Н. Л.*).

[61] Там же. С. 110.

[62] Там же. С. 163.

ховной Миссии в Иерусалиме, — читаем мы в этой «Записке», — во главе ее был поставлен, вместо бывшего прежде архимандрита, епископ. Дело сие было решено и инструкция Иерусалимской Миссии составлена без сношения с митрополитами Московским и С. -Петербургским. Теперь опыт показал и почти все духовенство и многие государственные мужи убедились, что назначение начальником Миссии епископа, а не архимандрита было ошибкой. Со стороны Духовного ведомства в этой ошибке виновен один обер-прокурор Святейшего Синода, который был приглашаем в Азиатский департамент Министерства иностранных дел для прочтения инструкции, после чего инструкция сия была прислана в Святейший Синод уже высочайше утвержденною для зависящих от него распоряжений.

В Высочайше утвержденном Комитете для принятия мер к устройству богоугодных заведений в Палестине 11 декабря 1859 года под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Генерал-Адмирала Константина Николаевича, вопрос о сем возникал при рассуждении о необходимости прекратить недоразумение между Преосвященным Кириллом и действительным статским советником Доргобужиновым, получившее столь печальную огласку.

При сем все члены Комитета и, между прочим, обер-прокурор Святейшего Синода, который и тогда признал свою ошибку, приписывали сии недоразумения преимущественно неправильному положению русского епископа в Иерусалимском Патриархате.

Долговременное пребывание и самостоятельное действование епископа в чужой епархии представляется как бы нарушением уважения местной иерархии, противно церковным канонам и допускается только Латинскою Церковью, в которой так часто видим смешение церковных дел с политическими расчетами. Посему члены Комитета находили, что епископский сан начальника нашей Миссии дает представителям других держав ошибочное понятие о самой цели Миссии и возможность чистосердечно или лукаво придавать нашему епископу такое же значение, какое имеют в святых местах инославные епископы, цензоры и враги Православной Греческой Церкви.

По сим причинам члены Комитета полагали, что единственное верное и коренное средство отвратить на будущее время недоразумения между нашею духовною и гражданскою властию в Иерусалиме состоит в том, чтобы начальником Миссии по-прежнему назначить архимандрита вместо епископа. Такое мнение было согласно с мыслью, вынесенною из Иерусалима Августейшим поклонником, Великим Князем Генерал-Адмиралом Константином Николаевичем.

В записке статс-секретаря Мансурова до Духовного ведомства касаются предположения об увеличении состава Миссии и о построении отдельного соборного храма. Предположения сии имеют видимою целью познакомить православных жителей Востока с теми особенностями, которые с течением времени появились в нашем богослужении.

Не говоря об увеличении расходов, которое бы потребовалось для приведения в исполнение сих предположений и которое составляет лишь второстепенное неудобство, укажем на другие обстоятельства, которые необходимо в сем случае принять в соображение.

В делах Церкви и богослужения большое и малое получает достоинство и привязывает к себе православный народ по мере своей древности. Можно утвердительно сказать, что в противность прочим мирским делам, совершенствование церковных установлений должно состоять в возвращении к первым векам христианства, а не к удалению от них. В этом отношении Греческая Церковь имеет неотъемлемое преимущество, купленное, может быть, ее угнетенным положением: преимущество древности и самого крайнего стремления к сохранению древних обычаев. Так, например, в духовном пении она заботится только о том, чтобы напевами не заглушать ни одно слово молитвенных песней; еще в недавнее время появились особые

Патриаршие послания о воспрещении вводить Венский напев в греческих церквах. В других подробностях, при чтении Евангелия при малом и большом входе, Греческая Церковь также сохранила древность, которая дорога нашим поклонникам. Посему нет никакой причины нам в Иерусалиме выставлять на вид наши богослужебные особенности, тем более что в настоящее царствование и в самой России, к отраде всех православных, мы стремимся заменить в музыке и живописи западные новизны восточною трезвенностью.

Сверх того, мысль о построении нового благолепного храма, кажется, не вполне согласуется с мыслями и чувствами, которые влекут поклонников к земле смирения и Гробу Искупителя. Не перетолкуется ли сие как нашими западными врагами, так и нашими соплеменниками, при настоящем возбуждении страстей, знамением некоторой отдаленности от общего корня всей Вселенской Церкви? Мысли сии, если бы они были и ошибочны, так тесно связаны с соображениями чисто церковными, что, без сомнения, признано будет членами Комитета необходимым испросить предварительно по этим предметам мнения митрополитов, если не всех, то, для сокращения времени, Московского и С.-Петербургского»[63].

Новый начальник Духовной Миссии иеромонах Леонид 23 сентября 1863 года представил обер-прокурору Святейшего Синода князю С. Н. Урусову докладную записку по вопросу о том, что «необходимо для духовного и материального устройства Иерусалимской Миссии». В этой записке мы находим весьма много важных мыслей и характеристик для уяснения последующих печальных событий в этой Миссии. Вот ее дословный текст:

«1. Для устройства Миссии в духовном отношении существенно необходимо переменить наличный состав оной, как вовсе не соответствующий своему назначению.

В настоящее время Миссия состоит из трех членов: двух иеромонахов, одного иеродиакона и <кроме того> 6 певчих[64]. Наличные члены Миссии, удовлетворяя не вполне своему назначению в духовно-нравственном отношении, вовсе не имеют тех способностей для служения в Миссии, которые составляют существенную необходимость для членов малой общины, долженствующей, по силе обстоятельств, нравственно и материально держать себя изолированно как от иноверцев (католиков и армян), так и от единоверцев (греков) и, что всего труднее, от самой той среды (обор.), которой должна служить духовно, разумея среду наших паломников; об испорченности же этой среды довольно всем известно из официальных и частных сведений. При таком положении очевидно, что чем члены Миссии более будут сближены нравственно между собою, тем и дело Миссии пойдет успешнее, а этого-то сознания и единства недостает нынешней Миссии, составленной из лиц разнородных и собранных совершенно случайно, без должного внимания к их внутренним достоинствам и внешним способностям. От этого и произошло, между прочим, то, что Духовная Миссия, в которой положено по штату быть шести певчим, ныне не имеет вовсе певчих в прямом смысле этого слова[65], на что справедливо сетуют посетители святых мест, а некоторые заявляли о сем и печатно.

---

[63] Дело Архива Святейшего Синода. (Номер дела не указан. — *Н. Л.).*

[64] Из лиц, составляющих нынешнюю Миссию, при увольнении их из оной, кажется, имеют неотъемлемое право на пособие к возвращению в Россию лишь четверо: иеромонах Христофор (из Калужской епархии), иеродиакон Анастасий (из Одессы) и двое студентов:

Михаил Якиманский и Иван Крылов (из Петербурга), а остальные, как поступившие на службу по собственной просьбе из среды богомольцев, могут просить единовременное пособие как милости, но не по праву.

[65] В числе певчих состоят: два студента, вовсе не имеющие голоса; дьячок с спавшим и неприятным голосом; два монашествующие: иеродиакон Максим и монах Даниил, удаление которых необходимо по известным причинам.

2. Относительно материальных нужд. Миссии, по близкому знакомству с местными (лист 4) обстоятельствами, можно бы сказать многое, но, при недостатке финансовых средств, необходимо ходатайствовать лишь о том, чтобы и для новой Миссии был сохранен настоящий бюджет ее.

При известной и ежегодно увеличивающейся в Иерусалиме дороговизне первых жизненных потребностей, при необходимости выписывать многое из России, для начальника Иерусалимской Духовной Миссии не представляется возможным удовлетворять из личного жалованья неизбежные расходы представительства, как то: ежедневный прием туземных посетителей, сопряженный по восточному обычаю с угощением каждого, содержание лошади и саиса, наем лошадей для членов Миссии и певчих при встречах и проводах Патриарха и др. значительных особ и путешественников, поездки для служения и посещения окрестных святых мест, канцелярские расходы и отправка корреспонденции до Яффы и, наконец, неизбежные бакшиши — подарки за всякую услугу, большую и малую. На все это Преосвященный Кирилл имел в своем распоряжении (обор.) кроме 3.500 руб. жалования особые суммы. Консул же получает добавочное содержание от Палестинского Комитета в 2.500 руб. серебром. Ввиду вышеупомянутых издержек, вынуждаемых особенностью местных обстоятельств и предзанятым положением начальника Миссии в Иерусалиме в отношении представительства, необходимо к жалованию начальника Миссии добавить особую сумму (500 руб. серебром) на «экстренные надобности», чем хотя отчасти покроются те издержки.

Таким образом, нынешний бюджет Миссии (14.650 руб.) может быть распределен между членами оной в следующем виде:

Начальнику Миссии Архимандриту жалование	2.000 руб.
На экстренные надобности	500 руб.
2 иеромонахам (по 1000 рублей)	2.000 руб.
1 иеродиакону	500 руб.
Драгоману из местных христиан	600 руб.
6 певчим вольнонаемным, каждому по 500 руб.	3.000 руб.
Наемному пономарю из монашествующих	300 руб.
На наем прислуги	500 руб.
На содержание церкви	1.000 руб.
На общий стол[66] для начальника Миссии 1.000 руб., 2 иеромонахам и 1 иеродиакону по 500 руб. каждому, а драгоману и 6 певчим по 250 руб. каждому, всего	4.250 руб.
Итого:	14.650 руб.

3. Относительно певчих должно заметить: опыт и время показали, что в Иерусалимской Миссии, при условии ежедневной службы для богомольцев, невозможно в выборе певчих достигнуть той свойственной цели (с которой [обор.] положено было по штату иметь певчих из студентов)[67] без увеличения численного состава Миссии. А как по финансовым затруднениям о сем не может быть и речи, то в настоящем случае остается лишь содержать при Миссии хор певчих из шести положенных по штату

[66] При сем необходимо иметь в виду, что члены Миссии из монашествующих не должны употреблять мясного стола, дабы не соблазнять сим богомольцев; по местным обстоятельствам края необходимо все потребное для монашеской трапезы выписывать из Одессы, через что расходы на содержание общей трапезы увеличиваются почти вдвое.

[67] В прежнюю Миссию с научными целями было взято в числе певчих трое студентов: один вскоре выбыл по собственному желанию, а о двух остающихся там и доселе Преосвященный Кирилл, пригласивший их в Миссию, вынужден был отозваться в письме к г. обер-прокурору от 17 апреля 1858 года, что при настоящем составе Миссии они не приносят той пользы, какую от них можно было ожидать.

человек, которые бы по своему выбору удовлетворяли существенно двум главным условиям: были люди благонадежные по поведению, хорошие певчие по голосам и знанию пения. Собрать певчих исключительно из монашествующих, хотя было бы весьма желательно (лист 6) это, но представляет непреодолимые затруднения, если принять во внимание, как наши иноческие обители дорожат хорошими певчими и с каким трудом образуют и поддерживают свои небольшие хоры. По всем этим соображениям возможно лишь одно: не выходя из пределов штатного содержания, составить для новой Миссии небольшой хор из шести (вольнонаемных) певчих.

Время и опыт также доказали, что каков бы ни был состав певчих, они как лица, не составляющие собственно Миссию, а лишь принадлежащие к ней по необходимости, должны быть отличены от членов Миссии и по личным своим правам, чтобы увольнение неблагонадежных и неспособных и замещение их новыми (из среды богомольцев) зависело бы непосредственно от начальника Миссии, не заставляя его прибегать к продолжительной о сем переписке. В видах же поощрения одних и побуждений других не излишне также было бы предоставить начальнику Миссии право распределения между певчими содержания по степени способности и усердия каждого, равно также и штрафовать за небрежение к своим обязанностям единовременными вычетами из жалованья (с возвращением удержанного по исправлении). Одним словом, необходимо вменять в обязанность начальнику Миссии содержать при оной не менее положенного числа певчих, с отпуском положенной на содержание их штатной суммы (4.500 руб.) в его полное распоряжение, с правом как самого распределения между ними этой суммы, так и увольнения и замещения одних лиц другими по его личному усмотрению. Через это, кроме нравственной гарантии относительно того, чтобы поведение певчих (будут ли они состоять из (лист 7) монашествующих или из светских лиц) не бросало невыгодного света собственно на Миссию, приобретается еще и та выгода, что при таких условиях увольнение оказавшихся неспособными или неблагонадежными не будет на будущее время сопряжено ни с какими издержками для правительства; необходимость вышеозначенной меры сознавал и Преосвященный Кирилл, о чем и входил с представлением к Министру иностранных дел 17 ноября 1860 года, в коем, между прочим, писал: "для избежания затруднений, какие встречал и доселе продолжительной перепиской о членах Миссии, я бы осмелился просить себе права отстранять по крайней мере певчих и заменять по нужде новыми лицами, не дожидаясь особых разрешений начальства".

4. Для ограждения материальных интересов Миссии необходимо устранить потерю, проистекающую от нынешнего порядка высылки ей жалования не звонкою монетою, а векселями (обор.), причем Миссия теряет от 10 до 15 % из суммы, назначенной на содержание, что при дороговизне первых по трудности жизни в Иерусалиме не может быть не ощутительным.

При отправлении к месту служения нужно предоставить и ныне те же самые средства и пособия на необходимые издержки, какие получали члены прежней Миссии, согласно со сметою единовременных издержек по отправлению Духовной Миссии в Иерусалиме, Высочайше утвержденной в 30 день марта 1867 г.»[68].

«Записка о лицах, из которых предполагается образовать Иерусалимскую Миссию нового состава.

I. Члены Миссии

1. *Иеромонахи*

а) Смоленского Архиерейского Дома иеромонах Иоанн, родом из дворян, по фамилии Бойко, пользуется особою доверенностью и личным расположением Пре-

[68] Дело Святейшего Синода № 1563 (по Архиву № 4355).

освященного Антония и с духовной стороны известен мне лично по своим способностям и нравственным свойствам. Если Бог благословит, желал бы приготовить из него преемника себе по Иерусалимской Миссии, который мог бы заменить меня в случае болезни, смерти, отозвания и т. п. случайным обстоятельствам, а в настоящее время, кроме служения, будет помогать мне в письменных занятиях и употребляться для поручений по внешним делам Миссии духовно-политического характера. Имею уведомление телеграммою из Смоленска, что Преосвященный Антоний на служение Миссии благословляет его.

б) Задонского Богородицкого монастыря иеромонах Гедеон известен мне лично как по своим нравственным качествам, так и по способностям, существенно необходимым для Миссии по ее ограниченному составу: он знает хорошо (обор.) Церковный Устав, по распорядительности и хозяйственной части может заведывать общею трапезою Миссии, быть духовником для богомольцев и надзирать за благочинием в самом доме Миссии, где предполагается помещать богомольцев из белого духовенства и монашествующих. Относительно о. Гедеона имею сведения, что если он будет удостоен от Св. Синода назначения в члены Миссии, то он примет беспрекословно изъявление о нем воли Божией.

2. *Иеродиаконы*

в) Козельской Введенской Оптиной Пустыни иеродиакон Досифей был бы полезен Миссии в оной, весьма ответственной по местным обстоятельствам, должности ризничного, к чему имеет особую способность и подготовку; по нравственным своим качествам известен мне с отличной стороны. Относительно назначения имею сведение, что если будет удостоен онаго Святейшим Синодом, примет беспрекословно и притом с удовольствием, ибо был предназначаем и в первую Миссию Преосвященным Поликарпом.

г) Состоящий при С. Петербургской Духовной Академии иеродиакон Арсений, бывший в числе членов Иерусалимской Духовной Миссии до 1860 г. (л. 10), мог бы быть полезен Миссии знанием церковной службы на греческом языке, особенно при частых общих служениях с греками, которые, в видах церковного общения, успели обучить своих иеродиаконов службе на славянском языке, ожидая того же взаимно и от нас. Способен также вести счетную часть по общему хозяйству Миссии. По любви к св. местам, прося меня принять его в число членов Миссии, о. иеродиакон Арсений обещает исправить некоторые, бросающиеся в глаза, недостатки, или, лучше сказать, странности, которые, по моему замечанию, проистекают от недостатка правильного руководства в начале его иноческого пути и потому легко могут быть исправлены при желании подчинить себя этому руководству на будущее время, на что о. Арсений изъявляет полную и искреннюю готовность. Вообще же он известен мне за человека скромного и способного к занятию языками.

Сверх того прошу позволения взять с собою в Иерусалим для состояния при мне келейником известного мне лично по своим способностям и нравственным качествам (обор.) рясофорного монаха Гавриила, имеющего увольнительный вид из Иркутского Архиерейского Дома, каковой вид для перемены на другой для поклонения св. местам при сем представить честь имею.

II. Певчие

Для составления певческого хора я пригласил пять вольнонаемных певчих и для управления ими в качестве регента из придворных певчих Сергея Вознесенского с званием псаломщика и предоставлением ему по службе тех прав и преимуществ, которыми пользуются псаломщики других наших заграничных Миссий.

При таком составе певческого хора (из певчих, в числе которых один с званием псаломщика будет регентом), я надеюсь на первое время, до поступления в ведение

Миссии обширного Троицкого собора, не затрудняться исправлением соборных ежедневных богослужений и доставить нашим богомольцам утешение услаждать свое религиозное чувство стройным и благоговейным пением при правильном и неспешном чтении.

Примечание. Означенные в сей записке (л. II) лица принадлежат к след. епархиям: иеромонах Иоанн — к Смоленской (при Архиерейском Доме); иеромонах Гедеон — к Воронежской (в Задонском Богородицком монастыре); иеродиакон Досифей — к Калужской (Козельской Оптиной Пустыни); рясофорный послушник Гавриил — к Иркутской епархии; иеродиакон Арсений (в С. Петербургской Духовной Академии); певчий Сергей Вознесенский находится здесь (в С. Петербурге).

Если поименованные лица будут удостоены назначения в Миссию, то я предполагал бы отправить их из места настоящего их пребывания прямо в Одессу, где, соединясь с начальником Миссии, они отправятся вместе с ним в дальнейший путь.

В заключение имею честь присовокупить, что дальнейшее пребывание в Иерусалиме прикомандированного к Миссии профессора Левинсона, по отношению к Миссии более чем безполезно по известным (обор.) конфиденциально причинам, с чем также согласно Министерство иностранных дел»[69].

Другая записка от того же числа отца Леонида касалась хора певчих для Миссии и, в частности, назначения регента этого хора С. Вознесенского «с правами и преимуществами коронной службы».

«Имея в виду, — говорится в этой записке, — что одна из причин неудовлетворительного состояния нынешнего певческого хора при Иерусалимской Духовной Миссии состоит в том, что хор этот не имеет такого регента, который бы как по знанию искусства пения, так и по своему благонравию мог бы руководить ими в обоих этих отношениях, я, для восполнения сего недостатка, пригласил на служение в Иерусалимскую Миссию нового состава для управления хором певчих, придворной певческой капеллы певчего Сергея Вознесенского из духовного звания, кончившего курс наук в Московской Духовной Семинарии, который известен мне с отличной стороны как по своим познаниям в пении, так и по примерному благонравию, через что он может иметь нравственное влияние на остальных певчих. Соглашаясь по моему приглашению поступить на службу в Иерусалимскую Духовную Миссию, для чего он предварительно должен был выйти и вышел в отставку из хора придворных певчих, С. Вознесенский с своей стороны предъявил лишь одно условие (обор.): чтобы он, состоя в Миссии, продолжал пользоваться правами и преимуществами коронной службы. А посему, имея в виду ту пользу, которую может принести нашей Миссии приобретение для управления хором певчих столь искусного и благонравного регента, я считаю своим долгом усерднейше просить о зачислении г. Сергея Вознесенского на службу Миссии с званием псаломщика и с предоставлением ему тех прав и преимуществ, какими пользуются псаломщики других наших заграничных Миссий. Бумаги, представленные г. Вознесенским вместе с его прошением о зачислении на службу Иерусалимской Духовной Миссии, при сем представить честь имею».

Назначение в состав Миссии регента, окончившего курс Московской Духовной Семинарии Сергея Вознесенского, по штату не положенного, вызвало со стороны отца Леонида ходатайство перед Палестинским Комитетом о назначении ему содержания 600 руб. жалованья, 250 руб. столовых с выдачею ему вперед из этого содержания 150 рублей из средств сего Комитета. Несмотря однако на то, что Б. П. Мансуров находил, что «благоустроенный хор певчих составляет один из тех предметов, коими наши паломники дорожат всего более, и что это дело прямо входит в разряд мер, касающихся улучшения быта православных поклонников в Иеру-

[69] Там же.

салиме», со своей стороны «полезным удовлетворить», тем не менее оно не было уважено Комитетом, не было уважено в виду резолюции от 26 сентября 1863 года Председателя его, статс-секретаря Головина, следующего содержания: «Вследствие известного Высочайшего положения, в котором ясно выражено, что Палестинский Комитет есть учреждение временное, об управлении коего следует составить соображение по окончании Иерусалимских построек, я не считаю вправе разрешать расходы постоянные, которые должны повторяться ежегодно»[70]. Выдано было из Комитета лишь 150 руб. г. Вознесенскому «в счет платы по найму его с 1 сентября», причем и эта выдача была мотивирована тем, что г. Вознесенский «как регент, должен был отправиться в Иерусалим ныне же и по необходимости воспользоваться возможностью взять в эту должность надежное лицо»[71]. Обратное нечто произошло в Комитете, когда отец Леонид возбудил вопрос о назначении единовременных средств на отправку в Иерусалим певчих и членов Миссии. Несмотря на согласие Председателя Комитета принять эти расходы на его счет, Б. П. Мансуров известил князя С. Н. Урусова, что «на суммы Комитета не могут быть отнесены расходы на путевые издержки членов Духовной Миссии и что Комитет может принять на себя только такие расходы, которые прямо относятся до улучшения быта православных поклонников в Палестине и до устройства возводимых там русских зданий»[72]. Чтобы выполнить данное отцу Леониду обещание, Председатель Комитета, министр народного просвещения, отношением от 28 августа 1863 года за № 794 на имя министра финансов Рейтерна, после всеподданнейшего доклада, известил, что Государь Император «разрешить соизволил выдать иеромонаху Леониду на сей предмет единовременно 5.000 руб. из Государственного казначейства в том случае, если министр финансов признает это возможным», причем указал даже и источник для сего — из остатков, предназначенных на открытие Новороссийского университета, отложенное в 22 день августа месяца «до будущего года». Министр финансов 31 августа выразил свое согласие. 11 ноября письмом на имя Б. П. Мансурова отец Леонид, извещая о том, что он «должен немедленно приготовиться к отъезду, а потому имеет надобность в деньгах как лично для себя, так и для певчих»[73], просил выдать эти деньги, которые и были получены отцом Леонидом. Все вышеуказанные предположения и ходатайства отца Леонида, согласно определению Святейшего Синода от 21 октября — 1 ноября с. г. за № 2481, были доведены обер-прокурором Святейшего Синода до Высочайшего сведения и в 18-й день ноября месяца удостоились Государя Императора утверждения с тою, однако, разницею, что на отправление в Иерусалим новых членов Миссии и на отозвание прежних назначено 8.000 руб., «на основании Высочайшего повеления 22 декабря 1862 г. по равной части на счет сумм, ассигнованных на экстраординарные расходы по духовному ведомству и на суммы из Государственного казначейства»[74].

В ноябре 1863 года архимандрит Леонид перед Палестинским Комитетом ходатайствовал о назначении из сумм его: 1) от 1.000 до 1.500 руб. на содержание вновь устроенной церкви, ризницы, помещения ее и на наем пономаря и церковных сторожей, 2) об увеличении на 500 руб. сумм на наем прислуги и на содержание дома Миссии, 3) о высылке одного или двух комплектов облачений и о пополнении старых комплектов, 4) о приобретении второго напрестольного Евангелия для ежедневного употребления, креста напрестольного, купели, брачных венцов и полного круга богослужебных книг. Члены Комитета, «приняв во внимание, что в распоря-

[70] Дело Палестинского Комитета № 43; по Азиатскому департаменту № 957. Л. 1.

[71] Там же. Л. 2, 6.

[72] Дело Палестинского Комитета № 29; по Азиатскому департаменту № 931. Л. 16—17.

[73] Там же. Л. 16 об.-27.

[74] Архив Святейшего Синода № 4355, а дело Св. Синода № 1563 (4355 — по Архиву). Л.

жении отца архимандрита Леонида находятся суммы, отпускаемые ежегодно от Ее Императорского Величества Государыни Императрицы для удовлетворения различных нужд Духовной Миссии (главным образом для выдачи пособий бедным туземцам и их храмам), отказали в средствах на содержание храма и улучшения ризницы, наем пономаря и церковных служителей, предоставив ему делать <это> на сумму, собирающуюся из «кружечного сбора», ходатайство о новых ризах и церковной утвари повергнуть на всемилостивейшее усмотрение Государыни Императрицы через ее секретаря г. Морица, а круг богослужебных книг просить безмездно через обер-прокурора Святейшего Синода князя Урусова у Святейшего Синода»[75].

В тех же видах «существенно необходимого» улучшения материального быта Русской Духовной Миссии в Иерусалиме отец Леонид поднял вопрос перед Министерством иностранных дел о том, чтобы деньги на содержание Миссии высылались в Иерусалим не векселями, а звонкою монетою и что расходы по пересылке и страхованию этой монеты он признает выгоднее Миссии принять на бюджет ее, чем «те потери, которые она несет при размене векселей у местного банкира-монополиста». Пересылка на общих основаниях может совершаться через пароходы Общества пароходства и торговли[76]. Но, несмотря на согласие Министерства, дело это, как увидим ниже, осталось без выполнения на практике и деньги по-прежнему посылались векселями.

Продолжая заботы об устроении дел вверенной его попечению и руководству Миссии, отец Леонид возбудил 7 мая 1864 года и вопрос об учреждении при Миссии «первоначального училища для бесплатного обучения местных туземцев грамоте с назначением наставником при оном состоявшего певчим при означенной Миссии студента Крылова», коего он предполагал было возвратить на родину. Свои соображения по этому вопросу весьма обстоятельно изложил отец Леонид в особом представлении в Святейший Синод, заслушанном в заседании 19/28 августа 1864 года.

«В Инструкции, присланной мне от Святейшего Синода, между прочим, сказано, — говорится в этом представлении, — что в числе мер к успешному действию на туземное, большею частью бедное и угнетенное народонаселение, для его просвещения бесплатное обучение его детей грамоте, без сомнения, было бы мерою самою лучшею и наиболее надежною, но, к сожалению, такого училища при нашей Миссии еще не заведено, посему рекомендуется начальнику Миссии войти в соображение на месте, не может ли быть открыто при Иерусалимской Миссии подобное училище, на каких началах, в каком размере и каких потребовало бы оно на свое содержание ежегодных издержек, и свои по сему предмету предположения представить г. обер-прокурору Святейшего Синода. <...>

Для осуществления выраженного здесь желания Святейшего Синода необходимо, — по мнению архимандрита Леонида, — прежде всего озаботиться приобретением учителя, русского по происхождению и православного по вере, который, при практическом знании туземных (арабского и греческого) языков, соединял бы способность к школьному обучению на сих языках детей туземцев начальным предметам народных школ: чтению, письму, Закону Божию, счетоводству и церковному пению. Найти такого учителя готового и согласить его ехать в Иерусалим трудно и дорого, а приготовить — надобно время и средства.

В настоящее время в составе прежней Миссии лично известный ему, архимандриту Леониду, и удовлетворяющий всем необходимым для сего условиям человек — студент (обор.) семинарии Иван Крылов, который, как певчий, не приносит Миссии никакой существенной пользы при весьма слабом голосе, не способен и для громкого церковного чтения по врожденной застенчивости, но к учительской

[75] Дело Святейшего Синода.

[76] Там же.

должности весьма способен, восточные языки (арабский и греческий) знает хорошо и поведение доброе и честное. А как об отчислении его вместе с прочими певчими из состава Миссии состоялось ходатайство начальника Миссии единственно оттого, что при ограниченном числе певчих (6 человек) при ежедневной службе положительно невозможно содержать в числе певчих хотя одного человека, не удовлетворяющего главным условиям: отчетливому знанию церковного пения и чтения и готовности исключительно посвятить себя этому занятию, то ныне, усмотрев из преподанной Инструкции (л. 185), что желание Святейшего Синода о заведении при Миссии первоначальной школы не может быть осуществлено иначе, как заблаговременным приобретением для оной способного и благонадежного учителя, архимандрит Леонид ходатайствует, дабы благоволено было студента Крылова, как уже отчисленного от Миссии, во внимание вышеизложенных причин, оставить при оной сверх штата для заведения первоначальной школы, в звании смотрителя и учителя оной: 1) с сохранением по службе тех прав и преимуществ, которыми он пользовался доселе в звании штатного певчего Миссии, 2) с присвоением ему того самого содержания, которое он получал доселе по званию певчего, т. е. 500 руб. жалованья и 250 руб. оклада, который получал из сумм Духовного ведомства состоявший при Миссии для учебных занятий профессор Левинсон, 3) на заведение и ежегодное содержание первоначальной школы в таком размере, какой по местным обстоятельствам признан будет возможным и удобным, назначить остальные 750 руб. (из того же вышепоказанного оклада Левинсона)».

К сему начальник Миссии присовокупляет, что на Востоке заведение школы не ограничивается одним внешним ее устройством и приглашением родителей посылать их детей в новоустроенную школу, но состоит главным образом в привлечении детей бедных родителей к бесплатному обучению путем материальных пособий их бедным семействам, почему при всех местных школах: греческой, православной, католической, протестантской и армянской — имеются кухни, снабжающие детей даровою пищею, которую они по выходе из классов уносят с собою домой и делят там со своими бедными родителями, братьями и сестрами, избавляя тем свои семейства от труда заботиться о дневном пропитании. Сверх того ученики каждой из этих школ получают от оных бесплатно все учебные пособия и, в виде поощрения и конкуренции с другими, частые подарки, имеющие целью также обеспечение главных материальных нужд их и их семейств: т. е. денежные пособия или вещи — белье, платье и т. д. Посему означенную выше сумму на ежегодное пособие школ — 750 руб. еще нельзя считать вполне достаточною, она может лишь послужить к тому, чтобы положить начало будущей школе, развитие и успех которой будет зависеть от той нравственной и материальной поддержки (обор.), в которой, вероятно, не откажут ей люди, сочувствующие высокой цели, выраженной в желании Святейшего Синода о заведении подобной школы, потребность которой действительно давно ощущается туземным православным населением. До получения решения Святейшего Синода касательно сих предположений, на случай одобрения оных, для избежания излишних издержек для казны, начальник Миссии намерен пригласить студента Крылова отсрочить свой отъезд из Иерусалима; если же он будет оставлен при Миссии, то сумма, назначенная ему на путевые издержки (400 руб. серебром) может быть зачтена ему в полугодие прошлого, 1864 года.

Примечание. Из дел Хозяйственного Управления видно:

1) бывшему ординарному профессору (л. 187) С. Петербургской Духовной Академии, надворному советнику Левинсону, состоявшему при Иерусалимской Миссии, положено было содержание в количестве 1.500 рублей из специальных средств Духовного ведомства;

2) Высочайшим Его Императорского Величества повелением, последовавшим в 20-й день июля 1864 года, разрешено производить профессору Левинсону за свыше чем 24-летнюю усердную его службу и особые труды, подъятые им для пользы

Церкви и духовного просвещения, пенсию по 1.000 рублей серебром в год из духовно-учебного капитала. <...>

Хозяйственное управление, принимая в соображение: 1) что, за назначением профессору Левинсону 1.000 рублей в пенсию, от прежнего жалованья его остается всего 500 руб., между тем как начальник Миссии просит (обор.) о ежегодном отпуске на содержание училища 1.500 руб. и притом сумму эту он признает недостаточною; она может служить, по его мнению, только для начала школы; 2) что при ограниченности средств успех школы может быть сомнителен, а закрытие ее впоследствии, после учреждения, произвело бы более неблагоприятное впечатление, нежели несуществование; и 3) что в Иерусалиме существует уже православная греческая школа, — полагает: предположение об устройстве школы при Миссии отложить до более благоприятных обстоятельств, но, в видах поддержания нравственного влияния Миссии, из остающихся от содержания профессора Левинсона 500 руб. предоставлять часть, в виде единовременного пособия, существующей уже греческой православной школе, по представлениям каждый раз начальника Миссии. <...>

Предположение об учреждении в Иерусалиме училища для бесплатного обучения детей бедных было сообщаемо на рассмотрение Палестинской Комиссии, и выраженное по сему предмету мнение членов Комиссии вполне согласно с изложенным здесь заключением Хозяйственного Управления, а посему Святейший Синод оставил это предположение без уважения»[77].

Другое ходатайство отца архимандрита Леонида о высылке для Миссии полного круга богослужебных книг из 117 наименований (в том числе Миней месячных) на сумму 114 руб. 93 коп., позаимствованных из бывших в наличности сумм в количестве 318 руб. 89 коп. «за поднесные книги Членам Императорской фамилии, назначенных, по Высочайшему повелению, для снабжения книгами православных церквей в турецких владениях» было уважено Святейшим Синодом, так как Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде «по неимению в виду других источников» признало законным отнести расход именно на эти средства[78]. Заключение это Хозяйственного Управления тем более странно, что отец Леонид 22 августа 1863 года подавал «Список книг (славянской печати), которые желательно бы иметь в распоряжении начальника Иерусалимской Духовной Миссии для раздачи нашим единоверцам славянского языка, посещающим ежегодно Святой Гроб в числе 7000 человек и более» в Палестинский Комитет, который не нашел для его удовлетворения средств и получил на себе помету руки Б. П. Мансурова: «Иметь в виду, когда будут необходимые деньги»[79]. Наименований в этом списке значилось 24 и среди книг, между прочим, названы: «Первое учение отрокам», «Начальное обучение человека» епископа Димитрия Ростовского — 20 книжек, св. Тихона Задонского и Воронежского «Слово о исходе души», «Алфавит духовный» — 12 книжек, «Цветы из сада» св. Ефрема Сирина, св. Геннадия о вере, «Начатки христианского учения», «О должностях христианина», и разные богослужебные книги и последования.

16 марта 1864 года, по указу Святейшего Синода, был возбужден вопрос об увольнении со службы вместе с прочими прежними членами Миссии и сверхштатного драгомана Миссии Фадлалы Сарруфа, в 1862 году награжденного чином коллежского регистратора[80], но архимандрит Леонид признал его службу в Миссии полезною и просил оставить его на прежнем месте и в письме на имя Н. П. Игнатьева

---

[77] Архив Святейшего Синода Л. 183—188.

[78] Архив Святейшего Синода. № 1563.

[79] Дело Палестинского Комитета № 925 (4355); по Азиатскому департаменту № 936. Л. 11—12.

[80] Архив Святейшего Синода № 1563/4355.

от 24 июня 1865 года аттестовал его с отличной стороны. «Я, — писал архимандрит Леонид, — по долгу совести должен сказать, что г. Сарруф делает свое дело честно и ведет себя совершенно прилично, занимаясь в свободное время своими учеными трудами[81].

Пока формировались штаты новой Миссии и изыскивались меры к духовному и материальному улучшению быта ее, в Министерстве иностранных дел и в Святейшем Синоде вырабатывались новые инструкции для начальника ее с тем, чтобы точнее очертить круг его обязанностей по отношению к управлению Миссией, в отношении к Патриарху, туземному арабскому духовенству и населению, к русскому консулу и к русским паломникам. Инструкции эти надолго оставались руководящими для начальников Миссии, а посему естественно ближе познакомиться с их содержанием в полном объеме. Нам неизвестен автор инструкции Министерства, но составление инструкции Святейшего Синода принадлежит митрополиту Киевскому Филарету, а замечания на нее принадлежат перу митрополита Московского Филарета и некоего П. И. Соломонова.

Февраля 27-го дня 1864 года <за> № 686 была выпущена инструкция начальнику Духовной нашей Миссии в Иерусалиме архимандриту Леониду из Министерства иностранных дел и в ней говорится: «По случаю назначения Духовным Начальством Вашего Высокопреподобия начальником нашей Д. Миссии в Иерусалиме, МИД считает нужным, в дополнение к тем указаниям, которые будут Вам преподаны от Св. Синода, объяснить, в чем, по его мнению, будет заключаться круг возлагаемых на Вас обязанностей.

По распоряжению Правительства, забота о новых постройках для обеспечения приютов нашим богомольцам, как надзор за всеми возведенными для этой цели зданиями, а также и попечение о материальных нуждах богомольцев возложены на особых лиц по усмотрению Палестинского Комитета. Императорское Консульство, по самому существу своих обязанностей, сносится с местными властями, заботится о безопасности и интересах наших подданных, разрешает возникающие между ними споры и т. п. Затем круг действий Духовной Миссии заключается, кроме отправления богослужения и удовлетворения духовных нужд наших подданных, равно как и тех православных всех народностей, которые обратились бы для сего к начальнику или членам Миссии, в поддержании дружественных сношений с местным духовенством, в передаче по принадлежности присылаемых из России пожертвований, а также и в содействии нашему Консульству в тех случаях, когда оно обратится к посредству Миссии.

К сему Министерство Иностранных Дел долгом считает присовокупить, что, по мнению оного, посредством благоразумного распределения предоставляемых в распоряжение Миссии пожертвований, Ваше Высокопреподобие можете удобно поддерживать добрые отношения к православному духовенству и вообще к православным, вникать в истинные нужды наших единоверцев, оказывать благосклонное содействие к устранению и прекращению тех враждебных отношений, которые, к сожалению, часто возникают между Греками, Армянами, Арабами, Сирийцами и прочими. При этом Вам необходимо неуклонно стараться, чтобы Ваши действия не возбуждали подозрения и ревности высшего Греческого Духовенства и не имели бы вида какого-либо вмешательства в их права.

В тех случаях, когда Ваше Высокопреподобие будете нуждаться в каких-либо распоряжениях местных властей, Вам следует обращаться с просьбою о том в наше Консульство, которое не преминет, по мере возможности, удовлетворять Ваши ходатайства.

Если Св. Синоду угодно будет принять во внимание Ваше ходатайство о снабжении Миссии книгами духовного содержания для продажи их церквам и учили-

[81] Архив Министерства иностранных дел в Москве. (Номер дела не указан). С. 39—40.

щам, равно как и частным лицам, по уменьшенной цене, то это даст Вам новое средство следить за развитием православных школ и входить в дружественные сношения с местным духовенством и с нашими единоверцами».

Вице-канцлер князь А. Горчаков
Директор Генерал-Адъютант Игнатьев

Указ Св. Правительствующего Синода
Начальнику Иер. Духовной Миссии Архимандриту Леониду. № 1143.

(дата не указана)

«По указу Е. И. В-а, Святейший Правительствующий Синод по поводу отправления Духовной Миссии нашей в Иерусалим приказали: снабдить Ваше Высокопреподобие следующею инструкциею.

1. По избранию Св. Синода вверяется Вам начальство над Духовною Миссией, в Иерусалиме находящеюся.

2. Существо возлагаемых на Вас по сему званию обязанностей в главных чертах изъяснено в инструкции, Высочайше утвержденной по докладу Министерства Иностранных Дел 21 декабря 1863 года.

3. Не выходя из начертанного в оной круга действий Ваших по званию Начальника Иерусалимской Миссии, Вы должны неуклонно озаботиться о поддержании духовного единения с Иерусалимским духовенством и укрепления в нем чувств уважения, доверия и любви к Церкви Российской, как единоверной с Иерусалимскою.

4. К Вашей заботе относится также при удобном случае оказывать возможное в Вашем положении содействие Греческому Духовенству в борьбе с Римскою и Протестантскою пропагандами и в распространении между туземными племенами просвещения в духе православия.

5. В числе мер к успешному действию на туземное, большею частью бедное и угнетенное народонаселение, для его просвещения, бесплатное обучение детей его грамоте, без сомнения, было бы мерою самою лучшею и наиболее надежною; но, к сожалению, такого училища при нашей Миссии еще не заведено; почему рекомендуется Вам войти в соображение на месте, не может ли быть открыто при Иерусалимской Миссии подобное училище, на каких началах и в каком размере, и каких потребовало бы оно на свое содержание ежегодных издержек, и свои по сему предмету предположения представить Господину Об. Прокурору Св. Синода.

6. Во время служения Вашего во Св. Граде Вы будете состоять в сношениях с находящимся там Имп. Росс. Консульством. Сохраняя в сих сношениях достоинство, духовному лицу приличествующее, Вы не оставите наблюдать притом должное единодушие и христианское согласие и не упустите из виду, что Консул есть официальный представитель нашего Правительства в Иерусалиме и орган всех сношений с местными светскими властями.

7. Удовлетворение духовных нужд русских поклонников составляет один из главных предметов попечения Миссии. В сем отношении Миссия должна всем, ищущим ее покровительства и руководства, оказывать радушие, внимание и сочувствие; она, конечно, озаботится также доставлять русским поклонникам возможно частые случаи слышать на св<ятых> местах богослужение на славянском языке; желающим она сообщает в устных беседах сведения и изъяснения о всех местных обычаях, знание коих для паломника полезно или необходимо, и о всех св<ятых> местах, чествуемых христианами; желающим посещать св<ятые> места в сопровождении опытного спутника Миссия оказывает зависящее от нее возможное содействие.

8. Разделяя заботы о русских поклонниках с состоящими в ведении Вашей членами Миссии, Вы должны стараться духовными назиданиями, советами, внуше-

ниями и примерами собственной жизни располагать их к благоговейному образу поведения. В случае же если кто из поклонников, дозволив себе явно соблазнительную жизнь, презрит совершенно Ваши пастырские предостережения, Вам остается тогда предупредить о том доверительно Консула.

9. При существовании в Иерусалимокой Миссии иных вероисповеданий, могут быть случаи встреч с лицами, принадлежащими к оным. Желательно, чтобы в сих и других случаях иноверное духовенство выносило убеждение, что Российская Церковь, заботясь о непреложном сохранении своей первобытной чистоты и целости, не престает питать ко всему христианскому миру те возвышенные чувства любви, участия и веротерпимости, которыми издревле красуется история России.

10. В порядке внутреннего управления Миссия наблюдает правило, что, в случае отсутствия куда-либо или тяжкой болезни начальника Миссии, заведывание имуществом оной и начальство над состоящими при Миссии переходит к старшему по нем, если по какому-либо особенному распоряжению высшего Духовного Начальства не будет назначено особое духовное лицо.

11. Вам, как начальнику Миссии, поручается наблюдение за поведением состоящих при оной лиц, распределение между ними обязанностей и занятий, и вообще руководство их, почему на Вашей обязанности лежит устранять возникающие между ними неудовольствия, если бы таковые случились, разбирать их жалобы, и производить беспристрастное законное удовлетворение.

12. В порядке высшего управления Миссия состоит в ведении Св. Синода, пользуясь в нужных случаях содействием Министерства Иностранных Дел.

13. Соответственно сему Начальник Миссии, в случаях, превышающих его власть, разрешения и распоряжения получает от Св. Синода.

14. Начальник Миссии с своей стороны в означенных случаях входит в Синод донесениями и представлениями.

15. По вступлении в управление Миссиею, Вы должны представить Синоду подробные описи всего принятого Вами имущества Иерусалимской Духовной Миссии, донося затем в конце года об изменениях в имущественных описях, если таковые помещения последуют.

16. В течение пребывания Вашего в Св. Граде Вам поручается собирать, по мере возможности, сведения о ходе церковных дел, о религиозных движениях и всяком примечательном в церковном отношении событии на Востоке, и своевременно представлять оные чрез посредство г. Синодального Обер-Прокурора. Сим же порядком представляются Вами сведения о тайных проделках иноверных пропаганд, коль скоро оне каким-либо путем Вам сделаются известны, о чем Вы должны тщательно заботиться, угрожающих опасностью совращения чад Церкви Православной, и о мерах, какие, по Вашему мнению, необходимы к ослаблению или разрушению оных, и вообще о всем, что в тесном кругу Вашего управления и в разноплеменной среде, Вас окружающей и к Вам соприкасающейся, будет происходить сколько-нибудь или почему-либо замечательного, но такого, что, по свойству своему, не может войти в официальное донесение Св. Синоду.

17. По прошествии каждого года, Вы должны представлять Св. Синоду отчет по управлению вверенной Вам Миссии. В состав сего отчета должны входить сведения о составе Миссии и ее действиях с указанием последствий деятельности Миссии; о числе русских поклонников; о пожертвованиях, посылаемых в Миссию как на ее нужды, так и на нужды местных христиан и в пользу Святогробской казны.

18. К годовым отчетам, в виде особых приложений, присоединяются сведения о составе лиц Греческого Духовенства и иноверных миссий, об отношении их к нашей Миссии, о состоянии духовного просвещения в Антиохийском, Иерусалимском и Александрийском Патриархатах и т. п.

19. Равным образом, в конце каждого года Вами представляются Св. Синоду вместе с собственным формулярным списком таковые же о службе членов Иеруса-

лимской Духовной Миссии, а также отчет в употреблении суммы, по штату отпущенной на Миссию.

20. В заключение всего, не излишне будет заметить вообще, что никакая инструкция не может и не должна обнимать всех случайностей, какие могут неожиданно встретиться в известной сфере действующему на пути его стремлению, иначе она слишком бы стеснила его свободу и во многих случаях повредила бы самому делу. Посему разумно действующий, имея в виду главную цель свою и путь к ней, в общих чертах обозначенный, может иное дополнить в ней и своим соображением, лишь бы только не уклоняться от цели, ему указанной, и не выходить из круга, ему предначертанного. Этим же правилом в нужных случаях можете руководствоваться и Вы. С приписанием каковой инструкции, для надлежащего исполнения, и в потребных случаях руководства, Вашему В-ию и послать указ. Марта 23 дня 1864 г.

Обер-Секретарь Н. Сергиевский
Секретарь Мих. Никольский»

Инструкция Св. Синода была дана ему при Указе от 23 марта того же года за № 1143.

Но отец архимандрит Леонид отлично понимал, что писанных инструкций, какими бы они ни были исчерпывающими и точно регламентирующими деятельность не автомата, а живого человека с здравым умом, горячим сердцем и твердою волею, — мало, а необходимо еще договориться и столковаться и с теми людьми, с которыми ему придется в своей деятельности встречаться постоянно и действовать, нередко уступая их взглядам и убеждениям. Ко времени водворения третьей Миссии в Иерусалиме Высочайше утвержденный Палестинский Комитет уже выполнил свою задачу, построил здесь предположенные богоугодные странноприимные здания. Августейший Председатель его, великий князь Константин Николаевич, получил назначение в Варшаву наместником Царства Польского и выбыл из Петербурга. В апреле 1864 года на смену Комитета появляется Высочайше утвержденная Палестинская Комиссия, состоящая при Министерстве иностранных дел. Членами ее, по Высочайшему указанию, были назначены, в качестве представителя от Министерства иностранных дел — директор Азиатского департамента, от Духовного ведомства — обер-прокурор Святейшего Синода или его товарищ, и хорошо осведомленный в иерусалимских делах Б. П. Мансуров. Председательство в Комитете было возложено на министра народного просвещения Головина. Так как члены Комиссии по своим сложным обязанностям не могли уделять много времени иерусалимским делам в Палестинской Комиссии, то фактическим распорядителем и вершителем этих дел и в Петербурге и даже в Палестине являлся Б. П. Мансуров, которого в Палестине прозвали «Мансур-пашею», а в Петербурге члены Комиссии большею частью писали в протоколах: «с мнением Б. П. Мансурова согласен. Такой-то». Естественно поэтому было отцу архимандриту Леониду перед отъездом в Палестину побеседовать с этим влиятельным членом Комиссии и получить от него необходимые указания по вопросам предстоящей своей деятельности. К этому его побуждало и личное знакомство с ним по первому своему пребыванию в Иерусалиме.

Но свидания и разговоры по вопросам иерусалимским мало принесли утешительного и отрадного для отца архимандрита Леонида. Это свидание убедило самым ясным образом, что для деятелей Палестинской Комиссии начальник Духовной Миссии в сане архимандрита, в котором счастливо сочетались и «строгое благочестие», и «твердость характера», и «уменье обращаться с русским простым народом», и «опытность в деле монастырского хозяйства», чего искали деятели Комитета в «докладной записке», поданной ими в Святейший Синод, с «ученостью, правильнее — с любовью к науке и с уменьем вынести условия общительности с иностранцами», благодаря знанию им языков французского, немецкого, английского, поль-

ского, отчасти греческого, латинского и сербского, что ставилось в условие предшественникам отца архимандрита Леонида Министерством иностранных дел, — все это было лишь одними красивыми словами, а на деле они, видимо, не были довольны новым выбором Высшим духовным начальством в начальники Миссии архимандрита Леонида и даже не стеснялись ему в глаза выразить это свое неудовольствие.

Об этих своих впечатлениях от бесед с Б. П. Мансуровым в Петербурге отец архимандрит Леонид живо вспоминал в письме к В. Н. Хитрово от 9 апреля 1879 года, когда дошли до него огорчительные слухи об уничтожении Иерусалимской Духовной Миссии: «...хотя я, — писал архимандрит Леонид, — давно уже предвидел это, а потому и не мне быть подобно вам удивленным таким исходом сего дела. *Всяк сад, его же не насади Отец Мой Небесный, искоренится* (Мф. 15, 13). Вся же эта затея была делом рук человеческих и испорчено с самого начала. Сколько ни говорили о сем вчинателям дела, они ничего слышать не хотели, считали себя мудрее нас, и продолжали портить дело, ими же начатое. Поставить начальника Миссии в подчинение безусловное консулам, зря назначаемым, — была их основная мысль. Один из главных деятелей по палестинскому делу, с нервным негодованием на мои почтительные, но твердые и сильные доводы о невозможности построить на этом гнилом основании прочное здание, воскликнул: "Да, я вижу, что надо сделать. Прогнать отсюда монахов (а я именно говорил, что надобно устроить бы странноприимные монастыри — мужской и женский) и назначить сюда попа с 12 человек детей — и тогда все будет хорошо". Ну вот, теперь к этому концу и сводится. Попомните мое слово, что и капеллан генерального консула из иеромонахов удержится недолго, и последнее слово мудрой программы исполнится буквально. Что же вы хотите с такими убеждениями? Не забудьте притом, что генеральное консульство будет продолжать одно: безконтрольно распоряжаться суммами, собираемыми со всего русского народа через церкви, тогда как монастыри странноприимные могли бы содержаться с малою поддержкою от правительства сами, добровольными приношениями. Но кому до сего дело. Было бы дело устроено по известному шаблону, а до остального нет никому никакого дела. Суди, Господи, обидящим нас»[82].

В записке «О происшествиях, случившихся в Иерусалимской Духовной Миссии со времени возвращения консула», поданной в Святейший Синод в 1865 году, и в письме к митрополиту Филарету 20 августа 1866 года эта беседа с Б. П. Мансуровым передана в фразе довольно резкой: «я вижу, что в Иерусалиме тогда только пойдет хорошо дело, когда на вашем месте будет пешка»[83]. Не обошлось без разговоров при этом и по вопросу об отношении начальника Миссии к нашим паломникам в Иерусалим, но, к удивлению, взгляды Б. П. Мансурова на этот вопрос более чем оригинальны, чтобы не выразиться сильнее. «Иерусалим, — говорил архимандриту Леониду Б. П. Мансуров, — все равно что Лондон и Париж, и потому, что бы ни делали в нем наши богомольцы, начальство духовное и гражданское может смотреть на это равнодушно»[84]. Одним словом, не подлежит никакому сомнению, что собеседники произвели друг на друга весьма неблагоприятное впечатление и расстались с полным убеждением, что добра ждать в Иерусалиме от

---

[82] В письме к В. Н. Хитрово от 1 января 1879 года архимандрит Леонид говорит то же самое, но с небольшим вариантом. «Консулу угодно, — пишет архимандрит Леонид, — разыгрывать роль полного хозяина не только в имущественном отношении, распоряжаясь бесконтрольно сбором, через церкви производимым, но и честью членов Миссии и ее отношениями».

[83] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156; Христианское чтение. 1900. Ч. I. С. 226.

[84] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

совместной их деятельности едва ли можно. Уже это одно не много хорошего предвещало архимандриту Леониду в его начинающейся самостоятельной службе в Иерусалиме в качестве начальника Миссии.

Из Петербурга архимандрит Леонид отправился в Иерусалим через Москву и Константинополь. В Москве он пожелал получить напутственное благословение от своего покровителя митрополита Филарета, который в молитвенную память архимандриту Леониду подарил молитвослов <выпуска> 1861 года с собственноручною надписью: «Даяй молитву молящемуся. Господи, даруй благоугодную Тебе молитву рабу Твоему, архимандриту Леониду, да обретет благодать пред Тобою и по благодати Твоей да ходит. В Москве. Марта 16. 1864 г.»[85].

Зная хорошо, что взгляды Б. П. Мансурова разделяются и Иерусалимским консулом А. Н. Карцевым, как главным проводником всех распоряжений бывшего Палестинского Комитета и нарождающейся Палестинской Комиссии, и притом лицом, пользовавшимся за свою «замечательную бережливость и редкое благоразумие» в ведении хозяйственных дел Комитета и признаваемого человеком не только достойным уважения, но еще и аттестованного «блистательно хорошим» за свои отчеты, отец архимандрит Леонид не без смущения принимал на себя обязанности начальника Миссии и, при свиданий с послом Н. П. Игнатьевым в Константинополе, не преминул выразить ему свои опасения насчет возможности столкновений с г. Карцевым. «Смею напомнить Вашему Превосходительству, — писал 25 мая 1865 года архимандрит Леонид Н. П. Игнатьеву, — и то, что, при самом моем назначении, я заявил Вам конфиденциально мое опасение, что, судя по дошедшим до меня сведениям, как дерзновенно действует г. консул в отношении моего предместника, я не могу ожидать от него ничего доброго в отношении ко мне. Вы ответили мне на это успокоительным обещанием, что г. Карцев пробудет в Иерусалиме недолго. Мои опасения сбылись вполне. Упоенный легкостью победы над моим предместником и задавши себе целью в моем лице окончательно поработить себе Духовную Миссию, но встретив сопротивление в том, на что менее всего рассчитывал, увлекшись личностью, он вступил в союз с греческою патриархиею (с которою был доселе во вражде по делу Преосвященного Кирилла) и, видя мою неохоту и неискусство (в чем не стыжусь признаться) бороться против интриг равным оружием, действует с бесцеремонностью, которой справедливо удивляются даже и посторонние наблюдатели, говоря, что так можно поступать с русскими духовными лицами, которые не имеют ниоткуда поддержки»[86]. Но и в лице Н. П. Игнатьева, как мы знаем хорошо из откровенной его переписки с отцом архимандритом Антонином и Карцевым, архимандрит Леонид не встретил мощной поддержки, так как он всецело стоял на стороне г. Карцева и всегда относился к нему покровительственно, считая его умным и деловитым дипломатом.

Перед отъездом на Восток архимандрит Леонид, кроме инструкций, получил от Святейшего Синода и рекомендательные письма к Патриархам: Вселенскому — Софронию и Иерусалимскому — Кириллу, так как Миссия должна следовать «через Константинополь, место пребывания» названных Патриархов; и к патриаршему наместнику в Иерусалиме Мелетию, митрополиту Петры Аравийской. Из этих грамот наибольший интерес представляет грамота к Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому Кириллу. Так как этот святитель выразил готовность, в бытность в Иерусалиме великого князя Константина Николаевича, присутствовать при освящении наших богоугодных зданий в Иерусалиме лично, и так как постройки эти приближались к концу и летом 1864 года предполагалось освятить домовую церковь Миссии во имя святой царицы Александры, на что и новому начальнику Миссии указывалось обратить свое внимание прежде всего, то в Министерстве

[85] ДЧ. 1891. Ч. III. С. 616.

[86] Архив Министерства иностранных дел... (Номер дела не указан). С. 32.

иностранных дел и возникал вопрос о приглашении на это торжество Главы Иерусалимской Церкви. Не встречая препятствий к приглашению Блаженнейшего Кирилла принять участие в церемонии освящения строящихся в Иерусалиме русских богоугодных заведений[87] и находя, что с нашей стороны было бы даже некоторым упущением не предуведомить Его Блаженство о предстоящем окончании работ и освящении наших богоугодных зданий, Министерство иностранных дел однако же находило «необходимым», чтобы «приглашение на участие Его Блаженства в освящении было выражено таким образом, чтобы впоследствии Иерусалимский Патриарх не извлек из оного право на непосредственное вмешательство в дела наших богоугодных заведений[88]. Ввиду этого Святейший Синод в грамоте Патриарху Кириллу писал следующее: «Заповеданная Начальником и Совершителем веры нашея Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом всесовершенная любовь, искони живущая во Святой Соборной и Апостольской Церкви Кафолической, не престанет видимо являть себя во взаимных отношениях Церкви Иерусалимской к много любящей Сестре ее, Церкви Всероссийской. Сей непреложной и поистине священной любви Ваше Блаженство явили новый знак, выразив Государю великому князю Константину Николаевичу, в бытность Его Высочества в Палестине, боголюбезное желание принять участие в освящении сооружаемых близ Св. Града церквей и зданий для приюта россиян, прибывающих в Иерусалим на поклонение св. Живоначальному Гробу Господню. С радостью о Христе приняли мы сие благое намерение Вашего Блаженства, тем паче, что оно поистине составляет и желание сердца нашего. Ныне же, известясь, что устроение некоторых из вышеупомянутых зданий, а также домовой церкви во имя св. великомученицы царицы Александры приближается к окончанию, мы к радостному воспоминанию об изъясненном намерении Вашей братской любви присоединяем нашу неизменную молитву ко Господу о сохранении Вашего здравия и благоденствия, дабы Ваше Блаженство тем беспрепятственнее могли, во исполнение общего нашего желания, призвать благословение Ваше на устрояемые близ Иерусалима русские богоугодные заведения при открытии оных... »

Архимандриту Леониду, кроме того, поручалось, при личном свидании с Патриархом Кириллом, повторить приглашение Патриарху от имени Святейшего Синода, и, «если со стороны Его Блаженства будут выражены какие-либо затруднения, изъяснять, что Св. Синод, в виду сих затруднений, конечно, будет признателен, если Его Блаженство сочтет возможным поручить наместнику своему в Иерусалиме, Преосвященному Мелетию, совершить освящение означенных построек»[89]. В поручительном или рекомендательном письме Иерусалимскому Патриарху Святейший Синод извещал кратко, что на место епископа Мелитопольского Кирилла «для того же смотрения и попечения о посещающих Св. Град во Христе чадах наших «избрал арх. Леонида», известного ему по своему благочестию и добрым качествам ума и сердца», и «препоручал» его «благорасположению» и «мудрому руководительству» Патриарха[90]. Рекомендательное письмо для отца архимандрита Леонида к митрополиту Петры Аравийской Мелетию, по желанию Святейшего Синода писал Исидор, митрополит Петербургский.

Проездом через Константинополь архимандрит Леонид выполнил в точности возложенные на него поручения Святейшего Синода, виделся с обоими Патриархами, и если судить по ответным письмам Патриархов — Вселенского Софрония и

[87] Дело Архива Святейшего Синода. 1864. № 763. (Лист не указан).

[88] Там же.

[89] Там же.

[90] Дело Архива Святейшего Синода 864. № 921.

Иерусалимского Кирилла к нашему Святейшему Синоду, то принят был ими радушно и любезно.

Патриарх Константинопольский Софроний в своем послании от 2 мая 1864 года в Святейший Синод заявлял, что он «снабдил надлежащими наставлениями достойного и доблестного арх. Леонида» и что он «и впредь не оставит в подобных случаях оказывать ему возможное содействие по долгу братского расположения к досточтимым братским вашим достоинствам»[91].

Патриарх Иерусалимский Кирилл, отказываясь от любезного приглашения на торжества в Иерусалиме по случаю открытия и освящения наших богоугодных заведений, дал в своей грамоте Святейшему Синоду и мотивированные основания для отказа, не лишенные исторического интереса. «Возлюбленнейший мой Священноархимандрит господин Леонид вручил нам два божественные Ваши послания, — писал 3 июня 1864 года Патриарх Иерусалимский Кирилл. — С живейшей духовною любовью мы облобызали их и радостно приняли, от души воссылая Благодателю Спасителю Нашему благодарение за то, что Он сохраняет Вас в святой Своей благодати здравым по душе и телу. Снабдивши священноархимандрита сердечными благопожеланиями, мы предпослали его во Святой Град Иерусалим, куда прибывши, по милости Божией, здравым, он принял уже на себя дела порученного ему служения, которое, конечно, и будет проходить достойно, так как он жил уже там прежде и явил пример нрава доброго и поведения безукоризненного, состоя под начальством Преосвященного собрата нашего епископа Мелитопольского. Напоминание же об обещании, данном нами благочестивейшему великому князю Константину Николаевичу, делаемое нам Вашею любовью в братском Вашем письме, относительно освящения уже устроенной домовой малой церкви в русской странноприимнице в Иерусалиме, мы приняли благодушно, и положили при удобнейшем случае доказать самым делом ту безграничную признательность, какою патриарший наш престол обязан в отношении к благодетельствующему Российскому Императорскому Дому. Но, к несчастью (как не безызвестно и Вашей во Христе любви) страшные бедствия, постигшие всю Восточную Церковь со стороны придунайских княжеств, еще и теперь ставящие нас и всю Церковь в самые тяжкие затруднения, не дают нам возможности предпринять ныне же путь в Иерусалим. Посему, со скорбию отлагая исполнение нашего обещания до времени устроения, при помощи Божией, большого храма, мы поручили наместнику нашему, Преосвященному митрополиту Петры господину Мелетию, совершить освящение малой церкви, когда он будет приглашен к тому святым архимандритом господином Леонидом. Святыми Вашими молитвами, в силу которых мы верим и которых от сердца просим, возлюбленные братья, да освободится Святая Христова Восточная Церковь от неправедных гонений и да владеет подобающим ей, при содействии и покровительстве державнейшего защитника православия, христолюбивого и светлейшего Императора, на которого после Бога возлагает надежды вся пораженная скорбию Православная Восточная Церковь. Благоденствующий же и обильный виноград, над которым благодать свыше поставила Вас, божественные иерархи, да сохранит Господь и Спаситель наш неповрежденным во веки и да распространяется он больше и больше, сияя славою благочестия к утешению и вспоможению Православных Церквей, отягчаемых бедствиями. Святейшего и Богом сохраняемого Вашего собрания смиренный во Христе брат и готовейший к услугам Патриарх Иерусалимский Кирилл. Константинополь. 3 июля 1864 г.»[92].

Приведенную грамоту Патриарха Кирилла нужно считать официальным выражением суждений о новом начальнике нашей Миссии как о человеке «нрава доброго и поведения безукоризненного», но имеются у нас и другие данные, тоже офи-

[91] Там же.

[92] Дело Архива Святейшего Синода. 1864. № 763 и 921.

циальные, хотя и попавшие в документы случайно, из коих можно видеть, что Патриарх Кирилл был недоволен назначением архимандрита Леонида начальником нашей Миссии и добра от этого назначения не чаял. «Очень может быть, — писал архимандрит Антонин (Капустин) в своем следственном донесении 1865 года в Святейший Синод по поводу беспорядков в Миссии, — что и предшествовавшая размолвка (1858 год) отца Леонида с Преосвященным Кириллом Мелитопольским и, вследствие ее, невыгодные рекомендации о нем последнего (к слову заметить, пользовавшегося симпатиями и расположениями всего святогробского духовенства) пред Патриархом, способствовали неблагорасположенности к новому начальнику Миссии членов Иерусалимской Патриархии. По крайней мере мне памятно, что в октябре 1863 года, когда уже известно стало в Константинополе о назначении отца Леонида начальником Иерусалимской Миссии, Его Блаженство отзывался при мне, что от сего «добра не будет». О тогдашнем отзыве своем, как некоторого рода пророчестве, он напомнил мне теперь здесь, когда я в первый раз представлялся ему 11 сентября» (т. е. 1865 года)[93].

Следовательно, и здесь также надлежит искать одну из причин неудачи, постигшей нашу третью Духовную Миссию в Иерусалиме.

Глава IV

Первые шаги отца Леонида в качестве начальника Миссии. Освящение домовой церкви во имя царицы Александры. Столкновение с греческим духовенством, деятелями и сотрудниками по сооружению богоугодных русских заведений в Иерусалиме Палестинской Комиссии. Консул А. Н. Карцев и столкновения с ним. Конфликт с членами Духовной Миссии

Архимандрит Леонид прибыл в Иерусалим 12 мая 1864 года и поселился со всеми членами Миссии не в греческом Архангельском монастыре, как было раньше с первыми нашими двумя Миссиями, а прямо в собственном помещении, уже оконченном постройкою, — в русских богоугодных зданиях, сдав немедленно Патриархии бывший во временном владении Миссии Архангельский монастырь и совершая богослужение то на Голгофе, то в Гефсимании у гроба Богоматери, то иногда даже в новых покоях Миссии, и мало-помалу подготовляясь к предстоящему освящению домовой миссийской церкви.

28 июня было назначено днем освящения русских богоугодных зданий и домовой церкви во имя святой царицы Александры. Накануне этого дня в миссийской церкви совершена была торжественная великая вечерня в присутствии Патриаршего наместника Мелетия, митрополита Петры Аравийской, приглашенного на это торжество по желанию Святейшего Синода начальником Миссии. Во время вечерни пели певчие русские и греческие. Приглашенные на торжество клирики Патриархии остались ночевать в Миссии. В час ночи 28 июня зазвонили к заутрене, а в 2 часа началась утреня. После пения *Слава в вышних Богу* митрополит Мелетий со всем духовенством вышел из храма с литаниею, трижды обходя дом Миссии и читая всякий раз против западного входа Евангелие. По окончании крестного хода начался чин освящения храма и затем следовала Литургия, на которую собрались толпы богомольцев разных национальностей: присутствовали русские, болгары, греки, арабы, копты, абиссинцы. Богослужение, исполненное, как и накануне, певцами греческими и русскими, окончилось в 9 часов утра.

В 12 часов дня в мужском поклонническом приюте состоялся торжественный обед на 125 человек. За длинными сервированными столами во главе поместился

[93] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

митрополит, имея по правую сторону пять греческих архиереев, а по левую — начальника Миссии и представителей греческого духовенства. Против митрополита занял место секретарь консульства Т. П. Юзефович, за отсутствием консула исполнявший обязанности хозяина; по сторонам его сидели служащие в консульстве, принимавшие участие в постройках, генерал В. В. Волошин (Волошинов) и много других почетных гостей. «О гостеприимстве русском и притом царском[94], — замечает участник этих торжеств, автор «Воспоминаний поклонника Св. Гроба» В. К. Каминский, — нечего и говорить, оно было так удовлетворительно, как только возможно, несмотря на то, что день этот принадлежал к Петрову посту и, следовательно, трапеза была постная, которая в Иерусалиме с большим трудом устраивается. В конце обеда Т. П. Юзефовичем предложены были тосты за Государя Императора, щедрого жертвователя на русские богоугодные заведения, на что присутствующие ответили восклицанием «ура», а певчие исполнили народный гимн. Начальник Миссии архимандрит Леонид возгласил тост в честь Блаженнейшего Патриарха Кирилла, митрополита Мелетия, Патриаршего наместника Иерусалимского Синода, всего православного духовенства, присутствующих гостей, создателей богоугодных заведений — Б. П. Мансурова, архитектора М. И. Эппингера и его ближайших сотрудников, причем певчие всякий тост сопровождали пением «многая лета». Исполнением греческого гимна певцами греческими обед закончился, и гости стали расходиться по домам»[95].

В том же помещении был потом накрыт второй стол для поклонников, пребывающих в Иерусалиме, служащих на наших постройках, и рабочих в количестве 73 человек. «Все они также угощены были, — по словам В. Каминского, — щедрою царскою трапезою, и с веселием разошлись». Многие, впрочем, оставались на русских постройках до вечера и присутствовали на всенощном бдении во вновь освященном храме по случаю праздника в честь апостолов Петра и Павла[96].

Из представленного нами описания торжеств по случаю освящения домовой миссийской церкви во имя царицы Александры ясно, что главный хозяин русских богоугодных построек, консул А. Н. Карцев, отсутствовал на этих торжествах, пользуясь отпуском с мая месяца по декабрь 1864 года. Между тем с осени начали функционировать и приюты, мужской и женский, на наших богоугодных постройках, принимая приезжающих из России богомольцев. Пользуясь положением единственного хозяина на постройках и руководствуясь имеющимися у него инструкциями Министерства иностранных дел и Святейшего Синода, архимандрит Леонид обратил серьезное внимание на порядки, существующие в наших приютах, особенно женском. По свойству своего решительного и настойчивого характера и по своим ригористическим монашеским воззрениям, архимандрит Леонид пожелал подтянуть всех насельников русских богоугодных заведений, подчиненных ему членов Миссии и случайно проживающих здесь с целью урегулировать внутренний нравственный быт их соответственно святости данного места и добровольно принятого на себя подвига паломничества. Эти благие намерения нового начальника Миссии не пришлись по сердцу случайным обитателям русских богоугодных заведений. Но мы предпочитаем говорить словами самого отца архимандрита Леонида: «С прибытием новой Миссии в Иерусалим и водворением ее в среде наших построек, я, — писал отец архимандрит в 1865 году в Святейший Синод, — не касаясь материальной сто-

---

[94] На подготовку церкви к освящению израсходовано 3.196 пиастров, или 159 р. 81 к., а расходы по освящению, включая сюда восковые свечи для раздачи богомольцам, деревянное масло и обеды для почетных гостей и служащих — первый и второй, равнялись 13.291 пиастров. или 664 р. 561/4 к. (Дела Палестинской Комиссии. 1864. № 80 выход. 1865. № 23).

[95] Духовное торжество по случаю освящения храма.

[96] Сообщение Императорского Православного Палестинского Общества (далее: ИППО). Т. XII. С. 68—72.

роны дела, порученной консульству, счел своим пастырским долгом обратить особое внимание на духовно-нравственную сторону дела. Личная наблюдательность, поверенная распросами у людей, живущих здесь постоянно, скоро показала мне, что убеждения главного деятеля иерусалимского дела г. Мансурова, выраженные мне лично словами, будто Иерусалим все равно что Лондон и Париж, и потому, что бы ни делали в нем наши богомольцы, начальство духовное и гражданское может смотреть на это равнодушно, — не были простыми словами. Эти личные убеждения были приняты в основу действий местных исполнителей воли г. Мансурова. Так, например, в женский приют лишь незадолго до моего приезда был запрещен свободный вход мужчинам, а в течение первых месяцев по его открытии туда ходили свободно проводить время даже консульские кавасы. Начальницей приюта была поставлена монахиня Магдалина, женщина строгая к себе и потому и к другим. Узнав ее ближе и убедясь в ее готовности честно исполнять свои обязанности, я стал через нее вводить в женском приюте нравственный порядок, соответственно назначению этого учреждения[97]. Между прочим, совершенно случайно открылось, что ближайшая помощница смотрительницы приюта, поставленная консульством, занималась постыдным ремеслом «сводницы», за что и пользовалась общим вниманием г. г. служащих в наших так назыв<аемых> странноприимных заведениях. С ужасом узнав об этом, я просил г. консула отставить ее от должности и выслать из Иерусалима. Он хотя видимо смутился моим открытием, но показал вид, что он находит справедливым исполнять мою просьбу, прося лишь об одном — чтобы эта женщина была выслана по его отъезде в отпуск. <...> По слухам, эта бесстыдная женщина, озлобившись на меня за потерю места и выгодного ремесла, в проезд через Константинополь явилась к Его Блаженству Патриарху Иерусалимскому и принесла на меня жалобу от лица русских поклонников за воздвигнутые будто бы мною и матерью Магдалиною гонения против них в Иерусалиме и тем смутила Его Блаженство».

Но этим дело не ограничилось. Архимандрит Леонид продолжал держать под своим «постоянным и бдительным надзором» женский приют и после, в чем ему оказывала свое полное содействие, по страху Божию, его духовная дочь мать Магдалина, изъявившая «полную готовность не допускать во вверенном ее управлению месте ничего противного христианскому долгу и совести». «Это, — пишет архимандрит Леонид, — возмутило против меня и всех служащих при наших заведениях и состоящих под протекциею г. Мансурова, и они стали вести против меня интригу, направленную, как заметно, издали, рукою меткою и искусною (что весьма возможно при их деятельной переписке с Петербургом), обнаружившуюся решительными действиями лишь с приездом консула».

Следует помнить, что с выбытием из Иерусалима главного строителя, архитектора М. И. Эппингера, награжденного чином и деньгами, иерусалимский «триумвират», так энергично и единодушно действовавший в деле борьбы с епископом Мелитопольским Кириллом, хотя и потерял одного из видных своих представителей, но не распался. С успехом место выбывшего в «триумвирате» занял помощник главного архитектора, архитектор В. А. Дорогулин, «неразлучный друг г. консула», как его характеризует архимандрит Леонид, имея своими единомысленниками и сторонниками архитектора М. Ф. Грановского, доктора русской больницы Мазараки и его супругу, а также бывшего учителя военно-учебных заведений, писателя-паломника В. Каминского, — людей, весьма облагодетельствованных Б. П. Мансу-

[97] Митрополит Филарет не вполне одобрил образ деятельности архимандрита Леонида. «Настоятель Миссии не говорит, — замечает митрополит Филарет по этому поводу, — обратил ли внимание на порядок мужского приюта, чем был бы охранен и женский, но с усилием проникает в нечистые тайны последнего и обнаруживает их». (Архиеп. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 424).

ровым и ему весьма преданных. Первые два, прямо полагать, были из числа тех, против которых были направлены главным образом суровые прещения ригориста — начальника Миссии, с целью прекратить их посещения женского приюта, и уже несомненно эти люди любили пожить и повеселиться, устраивать у себя по вечерам сборища певчих «для пения песен и романсов» и «обильных попоек», на коих злословию и сплетням не было конца. Не по сердцу им пришелся суровый аскет — начальник Миссии, и они стали все усилия напрягать, чтобы отделаться от него.

«Г. г. служащие здесь, — пишет архимандрит Леонид, — высказывают твердое намерение не терпеть среди себя ни одного мало-мальски не безгласного свидетеля их действий. Кто же, зная это, решится вести борьбу бессильную и бесплодную и притом вредную великим нашим интересам — и политическим и духовным; а с другой стороны, кто из людей, не потерявших стыд и совесть, решится быть безгласным свидетелем того, что здесь делается, чего именно и желают г. г. служащие на постройках?»[98] В частности, г. Мазараки встал во враждебные отношения к архимандриту Леониду из личных своих рассчетов, опасаясь потерять выгодное место при русской больнице, оплачиваемое квартирою и жалованьем в 2.250 руб. (впоследствии русские врачи, выписываемые из России, получали содержание только в 1.500 руб., так как архимандрит Леонид взял с собою из Петербурга воспитанника медико-хирургической академии сирийца Сарруфа в качестве миссийского драгомана, вопреки желанию Б. П. Мансурова, наметившего на эту должность другого человека, и так как в Иерусалиме ходила молва, что Сарруф займет со временам и должность врача при нашем госпитале Мазараки).

В. К. Каминский, бывший воспитанник Нежинского юридического лицея и учитель военно-учебных заведений, приобрел себе известность в литературе своими «Воспоминаниями поклонника Св. Гроба» (СПб., 1859), из коих в свет доселе появилась лишь одна первая часть, три же другие части, приготовленные к печати, остаются в рукописи и хранятся в библиотеке Православного Палестинского Общества без надежды, впрочем, в целом своем виде когда-нибудь видеть свет Божий. Последнее объясняется отсутствием у автора специальных сведений по вопросам палестиноведения, затрагиваемым в его «Воспоминаниях» довольно часто, а равно крайнею страстностью и даже желчностью, какими проникнуты его «Воспоминания», когда он касается современных палестинских деятелей и пишет свои непосредственные впечатления, наблюдения и характеристики. Так как В. К. Каминский принимал горячее участие в иерусалимских миссийских беспорядках как человек, вполне расположенный к «членам мансуровской партии», придавая всем доносам членов Миссии на отца архимандрита Леонида «литературную форму», и в обвинительных доносах на отца архимандрита Леонида упоминалось, что «ожесточенным преследованием» последнего «этот поклонник якобы доведен, как многие здесь (т. е. в Иерусалиме) убеждены, до гроба», то мы остановим внимание на этой личности несколько подробнее, благо мы располагаем ценным материалом для его беспристрастной характеристики в упомянутых неизданных его «Воспоминаниях».

«Много читал, — пишет в своих воспоминаниях о себе В. К. Каминский, — много размышлял, многое усвоил себе и многим пользуюсь; много делаю, по-видимому, доброго, и все сам как-будто уничтожаю; все плоды мои гибнут от моей раздражительности, вспыльчивость моя потемняет светлость ума (sic) и расстраивает меня и поставляет в опаснейшее положение»[99]. «Нервы мои, слабые от самого рождения, — говорит г. Каминский о себе в 1852 году, — совершенно расстроились

[98] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[99] Воспоминания поклонника Святого Гроба. Рукопись библиотеки ИППО. Ч. IV. Л. 60—61.

(sic), потерял сон, аппетит и весь сделался болен без всякой определенной болезни. Через три с половиною месяца я близок был к тому, чтобы слечь в постель и не встать уж более <...> на долголетие я никак не смел рассчитывать; здоровье мое было очень непрочно»[100].

Итак, это был дегенерат, больной физически и нравственно человек, не знавший, куда преклонить свою бедную одинокую голову и не имевший определенной сознательной цели, но околачивавшийся постоянно в пространстве между Черниговым и Иерусалимом и попавший всецело в руки наших деятелей на русских постройках во главе с Б. П. Мансуровым. Неудивительно поэтому, что он находился во всегдашней оппозиции и к епископу Мелитопольскому Кириллу и к его преемнику — архимандриту Леониду, которого он характеризует в своих воспоминаниях в самых неправильных чертах[101].

Смерть г. Каминского не была неожиданностью ни для кого, а тем более для самого Каминского, и в ней архимандрит Леонид повинен лишь постольку, поскольку она случилась именно в его бытность в Иерусалиме, и только недобросовестные клеветники могли ставить эту смерть в причинную связь с характером архимандрита Леонида. «И теперь мне, — пишет архимандрит Леонид в письме Н. П. Игнатьеву от 24 июня 1865 года, — положительно сделалось известным, что письма писались на меня от лица поклонников, сочинялись по заказу покойным Каминским, человеком до того мнительным (он еще до приезда Миссии писал в Петербург жалобы, что его свои хотят отравить, хотят женить его насильно, чтоб воспользоваться его пенсией и т. п. мечтания) и раздражительным, что его все боялись. Но, пользуясь этими, всем известными его болезненными свойствами, состоявшаяся против меня коалиция так восстановила его против меня, что он не будучи почти вовсе знаком со мною, был готов вредить мне чем только может как личному злейшему врагу. Умирая, он прислал мне сказать, что он ничего против меня не имеет, я же, зная о его беспричинной ненависти ко мне и желая с ним проститься по-христиански, т. е. простить ему лично его злобу на меня, для успокоения его души хотел навестить его, но он отказался принять меня. За такой антихристианский поступок, конечно, большая часть вины падает не на г. Каминского, а на тех, которые, зная болезненное его расположение духа, лукаво пользовались этим для своих темных целей, без всякой мысли о том, сколько тем повредили ему душевно»[102].

Архитектор В. А. Дорогулин и его помощник М. Ф. Грановский, «состоящие под протекцией г. Мансурова» и привыкшие жить в Иерусалиме, не сдерживая ни своих свободных нравов, ни горячего темперамента, когда встретились с суровыми ригористическими пресечениями их вожделений по отношению к женским приютам, возмутились против него и решились повести против него самую низкую интригу. С этою целью они привлекли на свою сторону не только миссийских певчих, которых «для этой цели они стали собирать по вечерам у себя для пения песен и романсов», оканчивая эти вечера «обильными попойками, за которыми осуждали

---

[100] Там же. Ч. III.

[101] «Новый начальник нашей Миссии, — пишет В. Каминский, — отравил всех и каждого спокойствие и вообще жизнь окончательно. Этот человек своими гнусными страстями: деспотизмом, властолюбием, гордостью, корыстолюбием, честолюбием, самолюбием, выражающимися в нем с неистовством и бешенством, сопровождаемым иногда лукавством и проч., и проч., превзошел всех прежде бывших и настоящих в католическом мире инквизиторов. Он требует себе нагло безусловной и ни на волос незаслуженной покорности, старается поработить себе каждого, овладеть душею и совестию всех, под предлогом духовности, и потом чтобы извлекать из кого только можно свои интересы, в противном случае готов стереть с лица земли; поднял всеобщее гонение на поклонничество, чтобы не засиживались в Иерусалиме и чтобы не могли разгадать его злобную коварную душу (Там же. Ч. IV. Л. 29.).

[102] Архив Министерства иностранных дел... (Номер дела не указан).

действия начальника, бранили его». В числе недовольных против архимандрита Леонида были привлечены и члены Духовной Миссии — иеромонахи Иоанн и Анатолий и иеродиакон Арсений, над чем потрудилась со рвением, достойным лучшего применения, семья доктора Мазараки и, главным образом, его набожная, но легковерная и словоохотливая супруга, русская по рождению, хорошо осведомленная со всеми мелочами иерусалимской жизни. Нужно однако сказать, что значительная доля вины в этой интриге помимо подчиненного ему клира лежит и на совести самого отца Леонида, который выбор сотрудников признавал своею «величайшею ошибкою».

Как только стал известен выбор новых членов Духовной Миссии, бывший начальник архимандрит Порфирий (Успенский) дал о членах этих такой отзыв: «В Иерусалим на место Мелитопольского епископа Кирилла назначен архимандрит Леонид (Кавелин) (из военных), а этому епископу велено ехать в Казань и жить там в каком-то монастыре. Леонид подобрал под свою масть иеромонахов, иеродиаконов и певцов из среды самой необразованной. Итак, третья Духовная Миссия наша во Св. Граде ноль»[103]. Эта характеристика человека желчного и крайне обиженного невниманием духовного начальства к его трудам в Духовной Миссии, несомненно, преувеличена, так как среди назначенных членов Миссии был иеромонах Иоанн из дворян, отец иеродиакон Арсений — кандидат богословия Петербургской Академии, регент Вознесенский, окончивший курс Духовной семинарии и придворный певческой капеллы, — но в конечном результате этой Миссии архимандрит Порфирий оказался пророчески правым. Архимандрит Леонид, несомненно, в рекомендациях своих при назначении в Миссию новых членов оказался неосторожным и в этом ему пришлось горько раскаяться. Отец иеромонах Иоанн, например, при назначении «с духовной стороны» известный отцу архимандриту Леониду «лично по своим способностям и нравственным свойствам», «полезным помощником в письменных занятиях» и «для поручений по внешним делам Миссии духовно-политического характера» и даже человеком, который мог бы заменить его в случае болезни, смерти, отозвания и т. п. случайным обстоятельствам» и из которого он «желал бы приготовить преемника по Иерусалимской Миссии»[104], по его докладной записке в Святейший Синод и послу в Константинополь Н. П. Игнатьеву, оказывается, «еще в бытность в гостях в Оптиной пустыни, при первом с ним знакомстве, в разговоре сознался о. Леониду, что, находясь при Смоленском архиерейском доме, по своей молодости ощущал великий душевный вред от неизбежных встреч и сношений с женским полом и желал бы посему удалиться оттуда»; человеком, принявшим назначение в Миссии «с видимым удовольствием и благодарностью, обещаясь быть искренно послушным и духовно-преданным сыном, но по приезде в Иерусалим «с первого же дня обнаружившим к нему чувства совершенно противоположные, т. е. злобу и ненависть, которые дошли до крайних пределов и привели его к действиям поистине безумным». Причина огорчения и неудовольствия иеромонаха Иоанна на архимандрита Леонида заключается в том, что, по приезде в Иерусалим, последний, в видах его же душевной пользы, воспретил ему исповедывать и принимать женщин[105], тогда как г-жа Мазараки «трубила по всему городу о его высоких достоинствах» (едва 30 лет, в монашестве с 1860 г.), и он сам «по высокому о себе мнению», вопреки запрещению, «стал принимать богомолок в своей келлии и входить с ними в знакомство под предлогом духовных назиданий, в которых он сам имел неотложную нужду, не сознавая, впрочем, этого».

---

[103] Архимандрит Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. СПб., 1902. Т. VIII. С. 56.

[104] Дело Святейшего Синода № 1563, по Архиву — № 4355. Л. 2.

[105] Там же.

Назначение в Миссию членом иеромонаха Иоанна «ошибкою, исправить которую было поздно», признавал и палестиновед А. Н. Муравьев[106].

Иеромонах Гедеон в представлении в Святейший Синод «лично известный» отцу архимандриту Леониду как «по своим нравственным качествам, так и по способностям, существенно необходимым для Миссии» как «знающий хорошо Церковный Устав» и «хозяйственную часть» и «могущий быть духовником для богомольцев и надзирать за благочинием в самом доме Миссии, где предполагается помещать богомольцев из белого духовенства»[107], по докладной записке в Синод и посланнику, оказался человеком, которого отец архимандрит Леонид «коротко не знал, а решился взять с собой по нужде, основываясь на рекомендации людей», по видимому благонамеренных, как о человеке способном, а по малочисленности настоящего состава Миссии, при ежедневном богослужении не мог не обратить внимания на силы, лета и способности к внешним послушаниям» и, как признавался откровенно с глубоким сожалением, «вопреки нравственным свойствам, которые необходимо бы поставить на первый план»[108], вел себя в отношении архимандрита Леонида «двоедушным» и, по ложно понимаемому духу товарищества, «колеблющимся» в своих отношениях к нему.

Иеродиакон Арсений, бывший член Духовной Миссии (до 1860 года), аттестованный в представлении в Святейший Синод с хорошей стороны как человек, полезный Миссии «знанием церковной службы на греческом языке», «способный вести счетную часть по общему хозяйству Миссии», «хотя и не без некоторых «странностей»», проистекающих от недостатка правильного руководства в начале его иноческого пути и легко исправимых при желании подчинить себя этому руководству»[109], а в докладной записке иеродиакон Арсений является уже перед нами постоянно «смущенным и неустроенным по своей жизни», принятым в состав третьей Миссии «по его усиленной просьбе» и из сострадания к его тесному положению в академии».

О регенте миссийского клира, окончившим курс Московской Духовной Семинарии, Сергее Вознесенском, в представлении обер-прокурору Святейшего Синода князю С. Н. Урусову, архимандрит Леонид говорит, что «он известен ему с отличной стороны как по своим познаниям в пении, так и по примерному благонравию, чрез что он может иметь нравственное влияние на остальных певчих[110], а в докладной записке о том же регенте говорится уже, что «он ведет себя нехорошо; пьет запоем по временам» и самый хор признается нуждающимся «в переформировании», так как «после подачи доноса певчие делают, что хотят, считая своим настоятелем консула»[111].

Все эти лица легко могли соорганизоваться и сговориться по вопросу о том, как повести атаку против энергичных действий нового начальника Миссии. Одни в эту коалицию вошли из личной мести, другие — из ложного оскорбленного самолюбия, а третьи — просто по ложно понимаемому духу товарищества. Для начала выступления необходимо было выждать благоприятное время, каковым и был признан приезд в Иерусалим из отпуска консула А. Н. Карцева, состоявшийся 7 декабря. 12 декабря, после всенощного бдения, консул уже имел первую конфиденциальную беседу, которую архимандрит Леонид в докладной записке в Святейший Синод и послу Игнатьеву воспроизвел «по возможности» подробно. «На вас все жа-

---

[106] Дело Архива Святейшего Синода 1865. № 3156.

[107] Дело Архива Святейшего Синода № 1563, по Архиву № 4355. Л. 2.

[108] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[109] Дело Святейшего Синода № 1563, по Архиву № 4355.

[110] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[111] Там же.

луются, — так начал консул свою беседу. — «Кто же эти все, вопросил я, — пишет архимандрит Леонид, — и на что они жалуются?» — «Да все», — было ответом. — «Я повторяю вам, что это слишком голословно, а если удостоите наименовать жалующихся и объяснить, на что именно они жалуются, то я по-братски готов вам отвечать». На это ответа не последовало.

Говоря по своей обычной манере шуточно о самых серьезных вещах, он вдруг перешел в другой тон и как будто мимоходом спросил: «Вот вы говорили обо мне секретарю, что вам не нравятся мои ночные отлучки в город и что я лучше бы сделал, если бы женился». Я на это отвечал: «Да, я по своему духовному долгу, при совете его со мною касательно его жениться, точно говорил ему, что лучше жениться, чем жить нечисто, но употреблено ли при этом указание на вас, не помню». На это консул уже с запальчивостью и цинизмом отвечал: «Так знайте же раз и навсегда, что я ваших убеждений на этот счет знать не желаю. Я не могу обойтись без женщин и потому привез с собою одну венгерку[112]. И предупреждаю, что вам не должно быть никакого дела до того, что будет делаться в моем доме». Я на эту выходку отвечал холодно: «Я, г. консул, знаю все, что вы говорите мне, как новость, и пользуюсь этим случаем по долгу совести и лежащей на мне пастырской обязанности заявить вам, что содержанка ваша, которую вы привезли с собою, уже успела заявить в городе, что вы обещали поместить ее в консульском доме, т. е. внутри русских богоугодных заведений, и даже обещались сделать директрисой женского приюта. На это я скажу вам прямо, что я не могу допустить такого явного соблазна, и если вы добровольно не откажитесь от вашего намерения, должен буду довести о сем до сведения тех лиц, которые могут вам это запретить». Стараясь скрыть видимо волновавшую его беседу, <он> опять перешел в шутливый тон и, между прочим, сказал: «Я ведь располагаю пробыть здесь недолго, не более двух лет». На это я отвечал: «А если так пойдут дела, как они поставлены теперь, желал бы пробыть и того менее». На это он с увлечением отвечал: «Да, но тогда уже начальника Миссии здесь не будет, но останутся два иеромонаха, из которых один за старшего»[113]. После этого напряженного разговора А. Н. Карцев поспешил сблизиться с низшими членами Духовной Миссии и их привлечь на свою сторону и сделать им визиты. В Миссии этого только и ждали, чтобы начать компанию против своего начальника. 29 декабря на имя консула была подана первая жалоба на архимандрита Леонида, которая, будучи наполнена фактами мелочными и даже иногда малоправдоподобными, не может однако быть пройдена молчанием, так как в ней взводятся на о. архимандрита Леонида такие жалобы, которые аналогичны с жалобами клириков Константинопольской церкви, о чем у нас будет речь впереди. Нужно поэтому допустить, что некая доля правды имеется в этой жалобе.

1. «Состояние о. Леонида кажется нам неестественным, — пишут в своей жалобе члены Миссии, — лицо его по временам багровеет, то раздуваясь, то опускаясь попеременно, а глаза совершенно делаются желтыми... Тогда взгляд на его лицо приводит в невольный ужас. В этом состоянии он иногда бегает по коридору в спальном костюме и ломится, сколько есть силы, (обор.) кулаками в двери своих подчиненных с криками и ругательствами. Встреча с ним в это время небезопасна, потому что он весь бывает проникнут в это время желанием наносить оскорбления.

2. Во время Божественной литургии — рассеян и забывчив, так что часто бывает нужно подсказывать ему возгласы. Часто служит в тревожном состоянии духа; опи-

---

[112] См. отв. лист: Н. П. Игнатьев хорошо знал веселый характер своего любимца -консула А. Н. Карцева, и снисходительно смотрел на его юношеские, нецеломудренного характера похождения, прощая их ради его талантливости на дипломатической службе после поездки в Париж А. Н. Карцева в 1866 г. и «успешного окончания возложенного на него поручения щекотливого».

[113] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Отд. II, по Архиву № 231.

рается на Св. Престол руками и допускает очень важные ошибки, о которых не упоминаем здесь. Во время Литургии одного чередного иеромонаха о. Леонид нарушает тишину Св. алтаря и невольно развлекает внимание служащего разными звуками, похожими на пение, занимается разговорами, дергает за облачение с желанием что-то поправить и, наконец, делает начальнические замечания, большею частью самые неосновательные и несправедливые, отдает разные домашние распоряжения и рассказывает новости. И все это не от простоты, которой не видно в о. Леониде, но от нескрываемого неуважения к святости места. Во время же богослужения во святых местах: у Гроба Господня, на Голгофе, в Гефсимании, о. Леонид, так сказать, поглощен суетливостью: бегает от своего места, грубо разговаривает с богомольцами (л. 4), толкает их своими руками или тащит с одного места на другое. Однажды, при архиерейском служении в алтаре храма Воскресения, во время пения Херувимской песни, о. Леонид привязался к служащему иеромонаху из прежней Миссии и завел с ним ссору. А перед временем приобщения он поклонился иеромонаху в ноги, прося прощения. Иеромонах же движением руки делал ему вразумления в виду всех служащих, которых было очень много. После вразумления и примирения о. Леонид подошел к Первенствующему архиерею с жалобою и претензиею на того же иеромонаха.

3. Однажды, перед самым моментом приобщения, о. Леонид призвал в алтарь Миссийской церкви и мирил мнимых врагов, не сказавших до того друг другу ни одного оскорбительного слова, и заставлял иеродиакона Арсения просить прощение у регента Вознесенского. Вместо того дело кончилось кратким объяснением недоразумения, причиной которого, как после оказалось, был сам о. Леонид. По окончании же Литургии, будучи раздражен простою формою объяснения, с криками и ругательствами, неожиданно вбежал в квартиру иеродиакона, и вне себя произнес богохульство. Об этом происшествии, особенно о последнем слове, будет написано (обор.) в отдельном письме от иеродиакона, потому что свидетелем этого слова о. архимандрита был только младший член Миссии, о. иеродиакон. Раз перед служением в Гефсимании о. Леонид спросил иеродиакона Арсения, исповедывался ли он вчера, чтобы сегодня приступить к причащению? И на ответ иеродиакона, что исповеди не было, но что он не имеет грехов, устраняющих от причащения, о. Леонид решительно объяснил, что он и сам не будет служить Литургии и его не допустит до служения, пока этот последний не исповедается. Затем предложил себя духовником и исповедовал иеродиакона в волнении, без епитрахили, почему и разрешительную молитву должен был прочитать после в церкви. Неожиданные принуждения к исповеди иеродиакона Арсения повторялись неоднократно, с целью удалить его от давнишнего духовника, Высокопреосвященнейшего Мелетия, когда прямые запрещения и угрозы не исповедоваться у Его Высокопреосвященства оказались недействительными.

4. Неоднократно о. Леонид бесчестил и злословил Высшую Греческую Иерусалимскуго иерархию: клеветал нам на святителей, полных благодати и духа, и делал смиренным архипастырям Иерусалима оскорбления, которые тяжело ложились на наше сердце, стыдом (л. 5) покрывали лицо и вызывали слезы; запрещал русским богомольцам останавливаться в греческих монастырях с целью, между прочим, отнять у греков доходы; вмешивался в управление греческих монастырей, порицал их благочиние, лично бранил игуменов монастырей, злословил игумений, внушал богомольцам делать копеечные пожертвования на св<ятых> местах, перетолковывал в другую сторону древний обычай поклонников ночевать в храме Гроба Господня. Во время соборной архиерейской службы в храме Воскресения занимается местничеством в виду народа и служащих архиереев; своими руками выводил иеромонахов Миссии с мест, назначенных экклисиархом, и ставил выше греческих игуменов, к явному неудовольствию греков и соблазну народа, уважающего нрав и распорядки местной иерархии.

5. 0<тец> Леонид не позволяет членам Миссии читать в своей церкви поучений, а народ, между тем, — цветок русского благочестия, наполняющий храм более четырехсот ежедневно, уподобляется земле жаждущей, просит иеромонахов напоить их водою жизни — благодатным учением Христовым в Иерусалиме, свободных (обор.) от всех житейских попечений, и по вниманию к трудам их дальнейшего странствования. Родители, приехавшие с детьми, просят поучить миссионеров детей Закону Божию, но о. Леонид запрещает это миссионерам на том основании, что мальчиков не следует пускать к монахам из опасения — стыдимся говорить — содомского греха. Это говорит начальник Миссии, архимандрит, Миссионеру-Академику, прямая обязанность которого распространять свет слова Божия и тем вознаградить траты Церкви на его воспитание. Впрочем, кажется, не в этом главная причина запрещения, что высказана о. архимандритом, а в ненависти его к монахам, кончившим курс в духовных заведениях, особенно в Академиях.

6. 0<тец> Леонид требовал от старшего иеромонаха Миссии о. Гедеона, чтобы тот не исповедовал чиновников и всех служащих при Консульстве и русских постройках, а отсылал бы их к нему. Когда же те не соглашались исповедоваться у о. Леонида, а желали <исповедоваться> у иеромонаха, то о. Леонид позволял себе делать им после неприятности, а иеромонаху выговаривал. Богомольцев, постоянно живущих в Иерусалиме, особенно заслуженного и (л. 6) ученого профессора г. Каминского, известного своим сочинением и незаменимого в Иерусалиме по его полному историческому изучению географии Обетованной Земли и в настоящее время неусыпным трудам по составлению указателя Палестины, — теснит, оскорбляет и гонит всевозможными мерами из Иерусалима. Других преследует подозрениями в худом поведении и нередко приходит в их келлии с тяжелою бранью. Много мы видели богомольцев, плакавших слезами глубокой горести, и слышали, как они называли нашего начальника именами, слишком тяжелыми для нашего духовенства. С членами Миссии о. архимандрит обращается надменно и презрительно, устраняет от всякого участия в делах Миссии и в то же время употребляет все усилия, чтобы членов Миссии перессорить между собою. 0<тца> иеродиакона Арсения три раза называл в глаза скотиной и подлецом, один раз при иеромонахе Миссии и певчих, другой раз — при регенте, третий раз — в квартире иеродиакона немедленно после своей службы, и удивительно то, что все это злословие было без всякого повода со стороны его жертвы. Такое обращение решительным образом потрясло и без того слабое здоровье иеродиакона, прибывшего в Иерусалим со следующим докторским свидетельством, предъявленным уже и Вам. Иеродиакону Арсению запрещал служить более двух раз в неделю, хотя тот мог бы и чаще (кажется, для того, чтобы иметь возможность просить второй штат иеродиакона и сослаться на факт, что одному иеродиакону ежедневное служение и приобщение невозможно). Потом намеревался представить его, против его воли, к иеромонашеству, чтобы таким образом без особого распоряжения Св. Синода (л. 7) исключить иеродиакона из Миссии, потому что третьего иеромонаха в штат Миссии не полагается. И вот ныне, после Вашего приезда, на днях уговаривал г. регента писать фальшивый донос на иеродиакона Арсения; обещал за это лжесвидетельство г. регенту свою дружбу и покровительство. Об этом г. регент уже заявил Вам в присутствии певчих Миссии. Незадолго до Вашего приезда второму иеромонаху о. Иоанну читал свое письмо в СПб., с уведомлением, что иеродиакон и некоторые из певчих заболели от неудобных и сырых квартир. Это совершенно несправедливо: квартиры наши со всеми удобствами и все мы помещением довольны. Певчих Миссии не удовлетворяет заслуженным жалованием. Они жалуются на невыдачу им обещанных подъемных и прогонных денег. Сумму денег получает от Правительства на 7 певчих, 4-м — по 750 р. и 3-м — по 500 р., а налицо всего певчих пять (не достает одного певчего со старшим окладом и одного с младшим). За недостающих певчих наличные певчие исполняли должность шесть месяцев в очевидный ущерб своему здоровью;

обращается с ними негуманно и грубо; корит их именами вольнонаемных, называет их в глаза свиньями, животными, подлецами и мышами, которых он всегда легко может раздавить.

7. Удержал у себя столовые деньги членов Миссии за декабрь месяц 1863 г. и не возвращает. Рассчитал прежнюю Миссию из жалованья членов и певчих новой Миссии, ничего не удержав из своего жалованья, и до сих пор удержанной суммы нам не возвращает, хотя мы и слышали давно о высылке этих денег о. Леониду для возвращения по принадлежности. Членам Миссии также известно, кому раздавались и раздавал ли о. Леонид деньги, полученные от Императорской фамилии для раздачи бедным: но мы не один раз видели, что о. Леонид гнал от себя без милосердия с обидными словами действительных бедняков, обращавшихся к нему с просьбою о пособии. Церковными суммами, весьма значительными, — свечною, кошельковою и кружечною, — распоряжается или произвольно и своекорыстно, или вовсе без ведома членов Миссии, которых даже просил, чтобы скрывали о существовании этих сумм от Консульства, объявил свое намерение представить отчет о расходе штатных сумм (на церковную прислугу, экстренные расходы и пономаря) в самых общих чертах, вероятно, с целью скрыть большие, известные нам, остатки. В удостоверение всего вышепрописанного честь имеем подписаться Вашего Благородия, Милостивого Государя покорнейшие слуги, члены Иерусалимской Духовной Миссии:

иеромонах Гедеон, иеромонах Иоанн, иеродиакон Арсений.
29 декабря 1864 г. Иерусалим»[114]

За этою жалобою последовали и другие жалобы и донесения: 31 декабря — донесение о произвольной ревизии церковных сумм и о захвате в свое распоряжение храма Миссии, и от 6 января 1865 года — жалоба на архимандрита Леонида о неправильном его доносе на членов Миссии, принятые консулом А. Н. Карцевым и пущенные затем для достижения задуманной цели, — удалить из Иерусалима архимандрита Леонида. Затем, когда члены Миссии отказали своему начальнику в повиновении и он был вынужден на время прекратить даже участие в богослужении миссийского храма, последовал рапорт от 3 января на имя преосвященного митрополита Петры Аравийской Мелетия от членов Миссии и случайных богомольцев об оставлении церкви отцом Леонидом вследствие неудовольствия на ризничного, не пожелавшего переменить поручи на лучшие, и др. Как эти жалобы, так и другие, следовавшие на архимандрита Леонида потом от лиц, совершенно к нему не имеющих никакого отношения, как например, серба Евфимия или немца-булочника Р. Лентгольта, консул принимал «благосклонно» и давал понять жалобщикам, что он «принимает их под свое покровительство» и «препровождал по назначению», то есть в Константинополь послу Н. П. Игнатьеву, а оттуда они шли в Министерство иностранных дел и в Святейший Синод.

В Миссии благодаря этому появилась «полная деморализация» среди ее членов, о которой 31 декабря 1864 года архимандрит Леонид вынужден был подробно донести в Константинополь послу, так как надеялся, что оттуда «скорее мог быть восстановлен порядок, нарушенный вмешательством консульства столь бесцеремонно».

7 января 1865 года члены Миссии подали жалобу на архимандрита Леонида и. о. обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову, подкрепив ее новым доносом в письме на его же имя от 21 января того же года.

В объяснении отца архимандрита Леонида по этой совершенно неправильной жалобе рисуются перед нами любопытными чертами внутренний быт Иерусалимской Духовной Миссии при ее прежнем начальнике.

---

[114] Архив Святейшего Синода № 224/3156.

«Имея своею обязанностью устроить продовольствие служащих в Миссии монашествующих и певчих таким образом, чтобы отнять у них повод к посещению городских трактиров (локанд), я, — пишет отец архимандрит Леонид, — по примеру прежней Миссии, нанял повара-маркитанта (турецкий подданный, русский по вере и происхождению), Сильвестра Иванова, с платою ему из суммы, положенной на наем для Миссии служителей (500 р. серебром в год, 225 пиастров в месяц) и помощнику его 90 пиастров в месяц, предоставя ему при казенной посуде и дровах содержать на кухне Миссии стол для монашествующих и певчих с платою с каждого из монашествующих за обед по 15 р. сер. в месяц, а с певчих — за обед и ужин по 12 р., а за один обед по 10 р. сер. в месяц. Притом, чтобы со стороны певчих не было в ущерб ему задержки в плате, взял на себя уплачивать из их столовых денег следующую сумму вперед за каждый месяц, что и делал до 1 января текущего года (а с января месяца каждый платил маркитанту лично). Кроме членов Миссии и певчих, по просьбе маркитанта, я дозволял ему продовольствовать, на каких он хочет денежных условиях, богомольцев духовного звания, а также секретаря консульства г. Юзефовича и служащего в наших заведениях чиновника М. Ф. Грановского»[115].

Беспорядки в Миссии между тем продолжали расти, и 16 января члены Миссии письмом на имя архимандрита Леонида отказались совершать с ним богослужение в домовой церкви Миссии. Письмо это гласило следующее:

«Встреч с нами Вы избегаете; двери Ваших комнат для нас закрыты; единственные встречи у нас с Вами у престола Господня. Не правда ли, о. Архимандрит, что это весьма неестественно, противно духу христианского благочестия и канонам нашей Православной Церкви о Св. Таинстве Евхаристии? А когда проясним ненормальность Вашего Высокопреподобия во время Святейшего Богослужения, подводящую нас под ответственность, и когда размыслим, что Вы немедленно после службы и приобщения Св. Христовых Тайн позволяете себе делать несправедливые доносы и высказывать неосновательные жалобы на своих сослужащих, то уже не остается сомнений, что наша совокупная служба есть дерзкое оскорбление Господа. Почтим страхом Божиим своего Творца и Искупителя. Не будем служить вместе до более счастливого времени, когда Господь осенит миром свыше Ваше сердце и когда мы не будем опасаться при служении смертного греха. Итак, Ваше Высокопреподобие о. Архимандрит, возьмите на себя болезненный труд приглашать себе сослужителей откуда-либо, кроме нас, на день, когда угодно Вам служить Литургию. Молим Господа, чтобы это поистине плачевное состояние нашей Миссионерской Общины продлилось недолго.

16 января 1865 г.
Иеромонах Гедеон, иеромонах Иоанн, иеродиакон Арсений»[116].

На это дерзкое письмо членов Миссии 25 января архимандрит Леонид ответил «докладной запиской о мерах к скорейшему восстановлению законного порядка в Иерусалимской Миссии», рекомендуя Святейшему Синоду всех бунтовщиков удалить из Иерусалима и на их место назначить новых членов. «Восставшие против меня по наущению партии г. Мансурова и под покровительством г. Консула члены Миссии сами же и предрешили затеянное ими дело как самочинными действиями, так и тем, что рассказывают всем и каждому, что дело это может иметь лишь один исход: или мы выживем отсюда начальника Миссии, или же, если он останется, уедем сами. И действительно, после открытого восстания, за которым следовал ряд действий поистине неслыханных, каковы: завладение церковью, церковными сум-

[115] Донесение от 31 марта 1865 г. Архив Министерства иностранных дел. Л. 15 об.

[116] Архив Святейшего Синода № 224/3156.

мами и имуществом и продолжающееся до сего дня самовольное распоряжение, далее отлучение меня от сослужения с ними актом (вроде соборного определения), множество дерзостей, деланных совокупно и отдельно, не только у меня в квартире, и в храме Божием, перед самым богослужением, открытого неповиновения, доведенного до крайности на соблазн всем, пренебрежение власти, — дальнейшее служение в Миссии ни мне с ними, ни им со мною сделалось положительно невозможно.

И потому, если Высшему Начальству угодно будет на основании их совокупных доносов отозвать меня, то после всего претерпевшего и терпимого мною от них доселе, я приму это увольнение как награду за скорбь в терпении, посланную свыше. Если же Высшему Начальству угодно будет для восстановления порядка отозвать восставших и самовольно низвративших законный порядок членов Миссии, то считаю долгом совести указать, как можно устроить все сие без новых издержек для правительства (обор). На место двух нынешних иеромонахов рекомендую:

а) Состоящего при Миссии (на певческой вакансии) Московской епархии Николо-Угрешского монастыря иеромонаха Анатолия, которого знаю с отличной стороны, ибо жил с ним в скиту при Оптиной пустыни в течение 12 лет; он, как инок духовной жизни, может быть особенно полезен в звании духовника.

б) Находящегося в настоящее время на богомолии (до Пасхи) в Иерусалиме, живущего на покое в Киево-Печерской Лавре игумена Димитрия, который может принести особую пользу Миссии, как отличный знаток церковного пения, и способствовать реформированию нынешнего певческого хора, приведенного происшедшим беспорядком в расстройство. Тем более, что нынешний регент, уклонившись в нетрезвую жизнь, не может быть более терпим здесь.

в) На место нынешнего иеродиакона Миссии о. Арсения, отказывающегося, по мнимой болезни, а в сущности — по лености и упрямству, от всякого послушания, кроме церковных служений, постоянно смущенного (страстью сребролюбия), прекословного и ропщущего, и имеющего по этим качествам самое вредное влияние на певчих (как людей одного с ним звания: он их возмущал, писал им доносы и т. п.), можно пригласить на временное служение при Миссии (с производством положенного по штату содержания) из Греческой Патриархии иеродиакона Гавриила, хорошо знающего службу на славянском языке; он племянник Митрополита Мелетия и потому приглашение его будет приятно грекам и послужит к укреплению духовной связи с ними. Этот иеродиакон может служить при Миссии или до появления на богомолье человека, способного к занятию этой должности, или до прибытия кого-либо по моему приглашению и на мой собственный счет.

Таким образом, определение новых членов Миссии (если решено будет до Пасхи), вполне заменяющих нынешних по своим способностям и качествам, обойдется без всяких новых издержек. Касательно же увольнения отказывающихся от всякого повиновения и действиями извративших законный порядок, должно заметить, что так как они будут уволены не по какой-либо посторонней уважительной причине (болезни и т. п.), а именно за стачку и восстание против начальника, то их не будет несправедливо снабдить на дорогу денежными средствами лишь в таком размере, какой действительно необходим для возвращения туда, куда будет им назначено, на что полагаю вполне достаточным: иеромонахам — по 400, а иеродиакону — 300 р. сер. На этот предмет можно употребить: 1) 15%-билет в 500 р. сер., хранящийся в кассе Миссии и пожертвованный в ее пользу частным лицом; 2) 304 р. сер. из певческой суммы, имеющиеся в наличности (от накопления по случаю оставления одного певчего в Одессе за болезнью). А недостающие 300 р. сер. предлагаю дополнить из моего жалованья, ибо я один виноват в вызове таких лиц, хотя по сказанному в Писании: «никто не знает человека, только дух человека, живущий в нем».

По высылке главных смутьянов, певчие, возбужденные ими, легко успокоятся; кто же из них пожелает сам уехать, держать нет причин, ибо после Пасхи особой нужды в них нет целое лето, а через игумена Димитрия легко выписать к зиме нужные голоса на те деньги, которые Ваше Превосходительство по моей усиленной просьбе ассигновали в пользу певчих и которые, согласно моему представлению, должны будут послужить в обеспечение условий, заключенных мною с вольнонаемным певчим на 7 лет.

По восстановлении законного порядка необходимо воспретить г. Консулу вмешиваться во внутренние дела Миссии не только по личности и интриге (как это подробно объяснено в моей докладной записке) для уничтожения в Св. Граде вовсе Духовного представительства, но и не по какой другой причине, ибо по местным обстоятельствам, при ежедневном соприкосновении с беспорядочной поклоническою средой, при неустанных интригах извне и извнутри, начальнику Миссии, кто бы он ни был (обор.), без полного к нему доверия со стороны высшего начальства, нет никакой возможности держать в должном повиновении и благочинии своих подчиненных, если они будут надеяться выйти из повиновения и найти себе явную (как это случилось ныне) опору в другой власти, руководящей делами и воззрениями вовсе не духовными.

Тем более, что место консула в столь важном по своему значению пункте, по несчастью для Миссии, занимает человек молодой, неопытный, преданный всем страстям до цинизма, который, будучи упоен своим легким успехом в борьбе с моим предместником и желая после этого властвовать здесь нераздельно и безгранично, не может терпеть рядом с собой человека не вовсе безгласного и ничтожного, и потому желает уничтожить не только меня, но и самое место начальника Духовной Миссии, передав оное своим протеже.

Иерусалим, января 1865 года»[117]

В письме на имя посла в Константинополе, давая подробные объяснения по поводу жалоб членов Миссии на него за неправильную выдачу им жалованья, о. Леонид повторяет мысли своей докладной записки в Святейший Синод с просьбою или его отозвать из Иерусалима, или удалить возмутившихся членов Миссии.

В Иерусалиме однако интрига продолжала свою коварную работу. Консул А. Н. Карцев, как видно из письма иеродиакона Арсения на его имя от 8 февраля 1865 года, продолжал «любопытствовать узнать все события, выходящие из ряда обыкновенных, все равно, относились ли они к целому обществу или к отдельной личности, и неоднократным напоминанием о моем обещании ускорил и его решимость исполнить это обещание». «Прекрасным финалом громкой партитуры, разыгранной перед консулом по его возвращении из России хором разнородных страдальцев», по словам отца иеродиакона Арсения, и было его «огромное» письмо на имя А. Н. Карцева. Неудивительно поэтому нисколько, если, как выражается этот красноречивый сочинитель доносов, начальник Духовной Миссии стал *притчею во языцех* в прямом смысле фразы. «Можно сказать, — добавляет отец Арсений, — языком священной поэзии, что стогны Иерусалима наполнились славою о. архимандрита, о нем беседуют праздолюбцы, сидящие при вратах; о нем пустословят друзья пиршеств, пиющие вино. Турки начали называть червонных королей (в картах) уже не королями, а русским архимандритом»[118].

Положение архимандрита Леонида в Иерусалиме было в высшей степени тяжелое в это время. Переживая глубокие нравственные потрясения и нуждаясь в по-

[117] Источник цитаты А. А. Дмитриевским не указан. — *Н. Л.*

[118] Источник цитаты А. А. Дмитриевским не указан. — *Н. Л.*

стороннем совете, он конфиденциально сообщил о событиях, происходящих в Миссии, Патриаршему наместнику митрополиту Мелетию, который дал такой совет: «Если бы консул был на вашей стороне, то, конечно, смирить их было легко. А теперь мой совет вам молчать и терпеть». С большою сердечностью и теплотою отнесся (11 января 1865 г.) к архимандриту Леониду его духовник, «смиренномудрый настоятель лавры пр. Саввы Освященного, 70-летний старец авва Иоасаф, которому, как духовному отцу и руководителю, были известны не только все его действия, но и самые чувства и мысли, так же, как и покойному его старцу» (Макарию). «Вспомни, — утешал авва Иоасаф архимандрита Леонида, — слова Спасителя: *Если Меня изгнали, то и вас изгонят; если слово Мое соблюдали, то и ваше соблюдут*... Кто был пр. Савва Освященный? А в житии его читаем, что его два раза изгоняла из обители, им устроенной, братия, им же собранная, и настоятельно требовали у патриарха себе другого начальника, клевеща на преподобного. Но приведены были в смущение вопросом: «Вы ли его избрали, или он вас?» Так и с тобою: тебе досаждают, запрещают и изгоняют те самые, которых ты же избрал и указал на них начальству. Что делать... Молчи и терпи, пока начальство разберет дело»[119].

О своем безотрадно тяжелом положении жаловался отец Леонид и константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву, который, к глубокому сожалению, восхищаясь личными и дипломатическими дарованиями А. Н. Карцева, стоял не на стороне архимандрита Леонида и не проявлял, нужно сказать правду, в этом деле должного беспристрастия и корректности. «Я, — писал архимандрит Леонид посланнику от 4 февраля, — будучи тесним со всех сторон: лично враждебными против меня действиями консула и его подчиненных и моими бывшими подчиненными, которые, в ожидании обещанных им благ, сделались покорными орудиями в руках первых, — я нахожусь в положении командира в заграничном плавании, против которого взбунтовался экипаж и, связав его, бросил в каюту до прибытия к порту. Так и я, будучи нравственно связан по рукам и ногам, т. е. поставлен в невозможность и нравственно, и физически исправлять возложенные на меня обязанности, должен был, уступая насилию и чтобы не усилить неприятности и озлобления (дошедших до крайних пределов под влиянием страстей), устранился от официальных обязанностей начальника Миссии до восстановления законного порядка, низвращенного до корня, и, будучи действительно нездоров, сижу в своей квартире безвыходно, в ожидании, пока Господу угодно будет положить предел этой неслыханной дерзости и своеволию...»

«Трудно изобразить словами, — говорится в этом письме далее, — беспорядки паломнической среды, при отсутствии всякой заботы о нравственной стороне дела со стороны консула и при положительной невозможности мне в моем настоящем положении противодействовать злу не только тайному, но и явному. (Все пути сношения моего с богомольцами пресеклись). Никто не осмеливается ходить ко мне явно, ибо такого под каким-нибудь предлогом обзовут шпионом и вышлют вон из Иерусалима, а некоторые приходят в сумерки. На вопрос же мой: «Что значит посещение в такое время»? — отвечают: «Вы сами знаете...» Остается, по совету опытных, терпеть и молчать, пока Господу угодно будет или извести из этой нравственной тины душу мою, или укротить бурю, восставшую против меня грехов моих ради, хотя и не тех, в которых обвиняют меня водимые гордостью и самочинием доносчики, но, к сожалению, не слепые и сознательное орудие хитрой и злобной

[119] «Отец Иоасаф, которому, когда бывало поведаешь свои скорби и недоумения, он, — вспоминает архимандрит Леонид, — улыбнется своею неземною улыбкою и скажет: «потерпи малко (немного), будет лучше. Есть Бог». Что может быть проще сих слов, но какой бальзам они проливали на сердце, жаждущее иной пищи, иных утешений, чем те, которые предлагает нам изолгавшийся мир». (Из письма архим. Леонида к В. Н. Хитрово от 24 декабря 1887 г.)

интриги честолюбцев. Впрочем, Господь силен, если Ему будет угодно, развязать и этот новый узел так называемого «Иерусалимского дела», ко славе святого Своего имени. Я же, предавая себя и дело это всецело воле Божией, всегда благой и совершенной, спокойно ожидаю распоряжений высшей власти, моля лишь Господа сократить время соблазнительного для меня своеволия»[120].

Упование и глубокое сознание своей правоты отца архимандрита Леонида не были тщетными. Высшее духовное начальство на действия консула в Иерусалиме посмотрело неблагосклонно и назвало их «непонятным домогательством для поддержания беспорядка в среде духовного состава Миссии и духа своеволия и неповиновения недостойных ее членов», а вышепоименованное нами письмо иеродиакона Арсения назвало «длинною статьею, содержания которой достало бы на несколько нумеров «Колокола» (Герцена) или «Искры»» (юмористического журнала), о чем 11 марта 1865 года отношением за № 1279 и. о. обер-прокурора Святейшего Синода было и доведено до сведения товарища Министра иностранных дел.

Нелишне здесь отметить и резолюцию на этом отношении, вышедшую из-под пера высшего светского начальства, принявшего, очевидно, сторону консула, следующего содержания: «Очень может быть, что выставляемое Арсением требование г. консула не более как выдумка с его стороны, чтобы показать духовному начальству, что будто бы представитель правительства на стороне бунтующих против начальника. По словам Арсения и действиям можно признать это сбыточным»[121]. В Святейшем Синоде, уже до получения этого письма иеродиакона Арсения, состоялось еще 15 февраля решение иерусалимского вопроса и постановлено было: «1) г. Синодальному обер-прокурору войти в сношение с Министерством иностранных дел и просить распоряжения оного о немедленном отправлении иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения в Одессу; 2) поместить их в монастыре вверенной ему епархии впредь до дальнейшего относительно сих лиц распоряжения; 3) предоставить начальнику Иерусалимской Духовной Миссии архимандриту Леониду до времени замещения иеромонашеской и иеродиаконской вакансий при Миссии для отправления при оной священнослужения приглашать монашествующих из числа поклонников или местного духовенства, об определении же на сии вакансии новых членов Миссии войти в Святейший Синод с особым представлением»[122].

Решение это Святейшего Синода было препровождено в Министерство иностранных дел при отношении обер-прокурора Святейшего Синода от 10 марта с. г. за № 56, в коем, осуждая действия иерусалимского консула, сей последний пишет товарищу Министра: «Ваше Превосходительство изволите согласиться, что для сохранения достоинства Русской Церкви в Святой Земле необходимы два условия: предоставление ее представителю исполнять духовные обязанности, возложенные на него Святейшим Синодом, совершенно самостоятельно и независимо, и такой образ действий со стороны представителя нашего правительства в Иерусалиме, который бы клонился к поддержке, а не к расстройству Духовной Миссии. Между тем из действий г. Карцева, судя по собственным словам его (письмо от 10 января), можно заключить, что консульство наше действовало под влиянием, по-видимому, совершенно иных соображений... Консульству не только не следовало бы принимать жалоб на архимандрита Леонида от лиц, непосредственно ему подчиненных, и подавать им советы изложить ему их претензии письменно, но следовало немедленным внушением и наблюдением принять меры

[120] Архив Министерства иностранных дел. (Номер дела не указан) Л. 55—56

[121] Там же. Л. 13

[122] Там же. Л. 19.

к обращению возбужденных и возмутившихся на путь законного подчинения. До получения ответа (от правительства) он всегда мог своим влиянием поддержать порядок и тем избегнуть неминуемых порицаний нашей Церкви и народности, соблазна для поклонников и единоверцев и торжества для иноверцев, быть может, и для греков. Вместо того г. Карцев принимает от членов и певчих Духовной Миссии подаваемые на его имя письменно и словесно жалобы на прямого и непосредственного начальника, хотя эти жалобы подавались скопом от всех членов или певчих Миссии, и уже по тому одному не должны были по закону иметь никакого хода.

Не трудно было предвидеть, что принятие этих жалоб, естестественно, подает недовольным повод думать, что консульство берет их под свое покровительство... Нельзя, думаю, отрицать влияния на последние иерусалимские события, во-первых, прискорбного обстоятельства смены Преосвященного Кирилла, подавши мысль о домогательстве уничтожения Духовной Миссии; во-вторых, неудачного выбора наших представителей по неопытности и недостатку серьезного авторитета, не удовлетворяющих строгим условиям трудного во Святом Граде положения; и, в третьих, личных ошибок и недостатка такта со стороны отца архимандрита Леонида как при выборе людей, им взятых, так и при отношениях к среде, его окружающей...»[123].

«Я, — прибавил обер-прокурор Святейшего Синода, — не принимаю на себя безусловной защиты действий настоящего начальника Иерусалимской Духовной Миссии. В виду моем, как и Министерства иностранных дел, одна цель — сохранение достоинства Российской Церкви и русского имени, — цель, пред которой личности исчезают. Но желание достижения этой именно цели приводит к необходимости поддержать значение начальника Русской Духовной Миссии»[124].

Вполне естественно было со стороны отца архимандрита Леонида желание выйти из этого положения, крайне оскорбительного лично для него и унизительного для Русской Церкви, представителем которой он являлся в Иерусалиме, и горячая просьба освободить его от занимаемого места. «Что касается до меня, — писал Н. П. Игнатьеву архимандрит Леонид в письме от 20 января 1865 года, — то я, будучи в последнее время не более как почетным узником в наших странноприимных заведениях, осужденным без суда и прямой вины, так отягчен печалью от всего, что вижу и слышу вокруг себя, что, если угодно будет уволить меня отсюда, приму это известие как отраду, посланную Богом за потерпевшие скорби, тем более, что, оставаясь здесь, ничего не предвижу хорошего: цель искусно веденной интриги вполовину уже достигнута — это поставить меня в глазах всех в положение, унизительное для моего звания и сана, и тем самым парализовать в начале и в корне ту деятельность, на которую я позван волею духовного начальства... Усердно прошу, ради Его Святого Имени, поспешить избавить меня от настоящего, унизительного не для моей личности, открытой для всех ударов, но и для Церкви, которой угодно было почтить меня званием своего представителя во Святом Граде. А между тем едва ли кто из низшего клира нашей иерархии в настоящее время подвергся такому опозорению и поруганию, как я. И кто же все это сделал? Люди, мною приглашенные, получившие через меня честь, которой до этого не пользовались, средства к жизни, о которых и мечтать не смели, но люди молодые, неопытные, и потому легко сделавшиеся, с помощью льстивых обещаний, орудиями темной интриги, имеющей свои собственные цели».

«Я, — повторяет отец Леонид в письме к нему же от 21 мая, — с удовольствием готов уступить свое место кому угодно и считаю несчастнейшим в своей жизни тот день, в который решился принять за послушание высшей иерархической власти

[123] Там же. Л. 109—111.

[124] Дело Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода. Отд. 11. № 231.

место, окруженное столькими интригами и от своих, и от лжебратии, льстивой, по словам нашего историка, даже до сего дня. Веря сердечно Промыслу Божию, не сомневаюсь, что время откроет истину, а правосудие Божие не оставит без наказания тех, которые ныне, при напоминании о сем, отвечают неистовым глумлением и смехом»[125].

Глава V

Патриарх Иерусалимский Кирилл и его отношение к архимандриту Леониду. Запрещение священнослужения на святых местах в Страстную и Пасхальную седмицы. Участие в этом деле консула Карцева, посла Н. П. Игнатьева, митрополитов: Московского Филарета и Петербургского Исидора, Министерства иностранных дел и Святейшего Синода

Но наши иерусалимские деятели добивались не просто удаления архимандрита Леонида из Иерусалима, а уничтожения самого звания начальника Миссии, вместо которого тогда и останутся при консульстве два иеромонаха, из которых один за старшего, чего не без вожделения ожидали и возмутившиеся члены Миссии — иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений — и что было весьма на руку Иерусалимской Патриархии. Вот почему консул и <Иерусалимская> Патриархия объединяются в своих дальнейших действиях, направленных к тому, чтобы дискредитировать окончательно личность архимандрита Леонида и указать русскому правительству лиц, достойных, по их мнению, заменить архимандрита Леонида. Из письма консула А. Н. Карцева к нашему послу в Константинополе от 6 марта 1865 года видно, что при встрече Патриарха 18 февраля в Риме, по его возвращении из Константинополя, консул слышал от Патриарха о каких-то «предосудительных поступках» архимандрита Леонида, якобы «требовавших церковного наказания, т. е. временного отлучения от священнодействий». По этому письму консула можно было думать, что архимандрит Леонид не выехал на встречу Патриарху с намерением, а не с выбытием своим в Лавру преподобного Саввы; что Патриарх накануне Недели Православия, когда явился к нему для аудиенции архимандрит Леонид, «отказал» ему в том и на другой день после процессии в святогробском храме, на приеме «был в обращении весьма сух»; что при посещении Патриархом русских построек и церкви с целью указать место для патриаршего трона архимандрит Леонид «заперся в своей квартире, откуда выслал даже келейника, говоря, что ему ничего не нужно, что он болен и не отопрет дверей для кого бы то ни было»; и что при прощании с ним, консулом, Патриарх не скрыл своего негодования на архимандрита и выразился, что «редко встретишь в одном лице такое сочетание бестактности и невежества»[126].

Правда, из письма архимандрита Леонида к посланнику в Константинополе от 18 марта 1865 года видно, что все это представлено консулом в извращенном виде. «Патриарх, — пишет архимандрит Леонид, — на аудиенции своей накануне Недели Православия, принял меня весьма благосклонно и с участием расспросил об окружающих меня обстоятельствах. Выслушав меня, он сказал: "Где пренебрежено послушание, там один шаг до дерзости. Мой совет вам — уступить силе, уклониться от официального исполнения ваших обязанностей (чтобы не представлять другим соблазнительное зрелище разделения) до восстановления порядка высшею властью". При этом я просил у Его Блаженства извинения, что, к крайнему моему огорчению, я не мог быть на официальной встрече Его Блаженства как начальник

[125] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. С. 30.

[126] Там же.

Миссии, открыто восставшей против своего начальника, чтобы не представлять единоверцам и иноверцам соблазнительного зрелища разделения и своеволия, и что по той же причине лишен буду утешения встретить Его Блаженство так, как бы желал и должен был (при нормальном положении дела) во время посещения нашей домовой церкви. Его Блаженство утешил меня отеческою внимательностью, повторил совет: терпеть молча, пока не будет восстановлен законный порядок».

Но Патриарх, видимо, был неискренен с отцом архимандритом Леонидом и в душе таил против него нерасположение за те сообщения Н. П. Игнатьеву о святогробском духовенстве, какие он сделал, по просьбе посла в письме, которое ему было показано последним перед выездом его из Константинополя. За это нам говорит ясно письмо Патриарха к Н. П. Игнатьеву в Константинополь от 11 марта 1865 года, рисующее перед нами, между прочим, довольно яркими штрихами замечательное единодушие и единомыслие в данном случае русского консула А. Н. Карцева и Иерусалимского Патриарха. Сообщая о благополучном достижении Святого Града и своей встрече «с полнотою духовного веселия» «со всем христоименитым православным обществом и со всем священным братством» и о совершении 21 февраля Торжества Православия, во время которого возносились молитвы за русский царствующий дом и за семью посла, «торжественно защищающего и предстательствующего священные интересы Святейшей Матери Церкви», Патриарх Кирилл продолжает: «засим, давши истомленному телу нашему малое успокоение, в течение нескольких дней занимались мною обычных визитов, принимая поздравительные привется всех здешних, из коих в особенности сохраняем (л. 79) по сих пор в слухе нашем живым и сладким сердечный поздравительный голос возлюбленного нам по духу сына, русского консула А. Н. Карцева, с которым в частые вступали сношения по поводу неприятного столкновения между Вашими, имевшего место здесь недавно. С сердечною скорбию удостоверившись собственным слухом и от своих единомышленников и от чужих насчет того, о чем мы разговаривали с Вашим Превосходительством устно в Константинополе относительно Настоятеля (раз только бывшего у нас до нынешнего дня) здешней Миссии Духовной, всячески желая сохранения согласия, которое пред глазами различных здесь народностей необходимо требуется между Императорским Консульством и здешнею Духовною Миссиею, для славы славного имени русского, мы думаем, что следует предотвратить продолжение подобного состояния, и мы уверены, что сколько Императорское Правительство, столько же и Святейший Синод, чрез посредство (обор.) благоразумия и политической мудрости Вашего Превосходительства, поспешит сделать нужное исправление, восстановив требуемый порядок и согласие, ради чего и наше отеческое сердце восчувствует великое духовное радование.

О том, что прежде сего писано было Вашему Превосходительству здешним архимандритом Леонидом, мы не оставили сделать надлежащее исследование пред Священнейшим собратом нашим Митрополитом Петрским Мелетием, который отечески молится о Вашем Превосходительстве.

Его Священность предъявил нам письменный документ Высокопреосвященного Митрополита Петербургского, которым одной поклоннице Петербургской дается позволение по ее пламенному желанию отправиться во Святой Град и облечься в монашеский образ на Святой и Страшной Голгофе, вследствие чего Его Священность и приступил к совершению обряда. О сем документе имеет сведения здешний русский консул г. Карцев, да и сам архимандрит Леонид.

Вот что об этом. Многое и другое рассказал нам по поводу сего Священнейший собрат наш Св. Петрский митрополит относительно поведения Его Высокопреподобия к монастырю нашему здесь, о чем устно представим Вашему Превосходительству, когда, с Богом, увидимся».

В письме от 18 марта архимандрит Леонид сообщает послу и о новых возмутительных действиях консула против него. «Узнав от своих единомышленников, —

пишет он, — что некоторые из богомольцев духовного чина, вопреки тайных и явных запрещений, осмеливаются навещать меня, г. консул поселил состоящего у него чиновника особых поручений М. Ф. Грановского при самом входе в дом Миссии (внизу) с поручением наблюдать за всеми, кто ходит ко мне, и одних просто прогонять, а других увещевать, чтобы не ходили; в то же время стороною дали знать некоторым из духовных лиц, у меня бывающих, что если они будут продолжать посещать меня, то под разными предлогами будут с бесчестием высланы из Иерусалима. (На все это я имею доказательства). Сверх того, по дошедшим до меня (секретно) сведениям, во время отлучки моей из Иерусалима в монастырь преподобного Саввы для исполнения христианского долга, члены Миссии, подобрав ключи к моему кабинету (для чего, как говорят, подкупили моего служащего), вошли в него и перерыли все бумаги, ища в них опоры для прежних и новых доносов»[127].

18 числа марта месяца было получено в Иерусалиме письмо из Петербурга[128] от митрополита Киевского Арсения, в котором он извещал архимандрита Леонида о том, что Святейший Синод возмутившихся членов Миссии удаляет из Иерусалима. Так как письмо это попало в руки консульства и было вскрыто, то содержание его сделалось тотчас известным в консульстве, в Патриархии и лицам заинтересованным, среди которых это известие весьма естественно произвело «страшное смятение». Чтобы не упустить случая досадить архимандриту Леониду, возмутившиеся члены Миссии представили Патриарху копии секретных писем архимандрита Леонида.

«Патриарх, с самого своего приезда возмущенный против меня г. Мазараки (в особенности) и некоторыми из своих, прочтя мои секретные донесения о ходе дела его Патриархии, об отношении греков к нам и в особенности об отношениях греческого духовенства к нашим поклонникам и поклонницам[129], пришел в

---

[127] Там же.

[128] Указ Святейшего Синода от 20 февраля был получен в Иерусалиме только 29 марта.

[129] «Доведенная до совершенства система эксплуатирования наших богомольцев, — писал архимандрит Леонид в 1866 году митрополиту Филарету, — есть дело одной партии, которая раскинула свои сети чуть не на всю Россию. Она ежегодно рассылает во все концы ее сборщиц на Святой Гроб, снабдила их вместо вида форменными расписками (за печатью и подписью митрополита Мелетия, так наз. обычно св. Петра), в том, что привезенные им из России вещи получены исправно; этим негласным посольством и объясняется, как я дознал, возвращение в Иерусалим некоторых запасных богомолок по три и четыре раза; другие, благонамеренные, и обременяются этими поручениями, но не смеют прослушать св. Петра, о котором три его племянника (молодые диаконы, нарочито отлично обученные русскому языку) внушают грешным простодушным поклонницам, что он и есть тот самый св. Петр, который имеет у себя ключи рая и ада; продажа разрешительных молитв, которым тоже негласно придается полное значение римских индульгенций, в последнее время усилилась еще более. Я сам удостоверился, что продаются они не только лично, но и на родных отсутствующих. Так, один поклонник хвалился, что он купил на всю семью: деду, отцу, матери и дядям по золотому за штуку. Св. Петр тайно постригает наших богомолок, но теперь лишь таких, которые могут хорошо заплатить ему (так, одна, окончившаяся на моих руках старушка-схимница заплатила ему за это несколько тысяч). Утаить это вполне трудно, а потому, по его примеру, и другие занимаются этим промыслом, так что из приезжающих ежегодно 600 женщин довольно являются домой с перемененными именами, не изменяя ни в чем своей соблазнительной и во Святом Граде жизни. Если представитель Русской Церкви в Иерусалиме сделается для нашего простонародия тем же, чем Париж для образованных классов, и теперь уже «русские безобразия» никому не в диковинку, а все нравственные меры, какие бы можно и должно было принять против разлива этого зла, греки считают посягательством на их доходы и ставят им непреодолимые препятствия, поощряя умышленно «мнимую свободу» для умножения числа мнимых богомольцев, в тысячном числе которых едва одна десятая часть заслуживает этого почетного названия». (Христ. Чтение. 1900. Ч. 17. С. 227—228).

страшное негодование и, как говорят, дал слово всеми мерами содействовать отозванию отсюда. В особенности не понравилось Его Блаженству письмо, писанное мною от 4 октября прошлого года к Высокопреосвященному Митрополиту Исидору, в котором, сделав верное (основанное на фактах) обозрение состояния нашего поклонничества и отношения к нему греческого духовенства, я просил у Его Высокопреосвященства советов, как мне действовать в окружающих меня обстоятельствах. Я хорошо понимаю, что картина, нарисованная мною в этом письме прямо с натуры, хотя и неискусною кистью, не могли понравиться Блаженнейшему, а тем более его наместнику, о котором шла речь. Что же мне делать, если стать скрывать правду от тех, которые для узнания ее и удостоили меня своего доверия».

20 марта, когда архимандрит Леонид решился просить через своего драгомана аудиенции и благословения «участвовать в предстоящих церковных процессиях Страстной седмицы, то Патриарх объявил, что он «недоволен архимандритом» и прямо указал как на причину на письма, в которых архимандрит Леонид «очернил всех нас и в особенности оскорбил моего наместника, а в лице его и меня самого»», в частности, на содержание письма от 4 октября к митрополиту Петербургскому Исидору. «Пусть теперь остается все как есть, а когда получится указ Святейшего Синода, то я потребую у архимандрита объяснения и затем посмотрим», — сказал Патриарх драгоману Миссии; драгоман заметил, что синодальный указ касается «внутренних дел Миссии», но Патриарх прекратил всякий дальнейший разговор.

26 марта архимандрит Леонид добился личной аудиенции у Патриарха, который, по-видимому, принял его благосклонно. На вопрос отца архимандрита, о каких письмах Его Блаженство упоминал в разговоре с драгоманом Миссии, Патриарх заявил, что при отъезде из Константинополя он читал у нашего посла письмо отца архимандрита «с некоторыми нареканиями на Патриархию». Архимандрит Леонид не только не отрицал существования такого письма, но даже пытался доказывать, что к нареканиям на Патриархию он имеет достаточно оснований, потому что «Патриархия в лице его наместника постоянно тайно и явно поддерживает восставших против него членов Миссии, чем поддерживается и питается беспорядок». Свидание это хотя и закончилось «по видимому ласково», но в тот же день от иеромонаха Гедеона, при поддержке доктора Мазараки, Патриархом была принята жалоба на архимандрита Леонида, однородная по содержанию с тою, какая раньше подана была им же Патриаршему наместнику.

В субботу на шестой Неделе секретарь консульства, по поручению консула, объявил архимандриту Леониду от имени Патриарха, что «до окончания дела он запрещает ему посещать его и участвовать в церковных церемониях и служениях Страстной седмицы».

Нам в настоящее время известно по этому делу любопытное письмо консула А. Н. Карцева к послу Н. П. Игнатьеву от 3/20 апреля 1865 года. «В Лазареву субботу, 27 марта, — пишет г. Карцев, — Патриарх прислал ко мне утром диакона своего Парфения с просьбою передать отцу Леониду, чтобы он во время предстоящих служений Страстной недели и Пасхи не приходил в храм для священнодействия, так как он воспрещает ему совершение таинства, а просит меня передать это архимандриту во избежание скандала публичного перед целым собором наложения на него запрещения, в предупреждение отца Леонида, который распустил слухи, что в Вербное воскресенье он явится на Литургию. Несмотря на все желание мое быть в стороне от этих духовных распрей, я должен был исполнить волю Патриарха, и предупреждение было сделано в тот же день через секретаря

вверенного мне консульства, так как в то время архимандрит отказывался меня принимать»[130].

Пытался было это распоряжение Патриарха архимандрит Леонид получить «точными словами» на бумаге, но в этом консульство ему отказало, ссылаясь на то, что приказ дан был словесно, через «третьи руки», и что оно «за точность слов ручаться не может». Между тем, к вящему оскорблению и унижению архимандрита Леонида, к церемониям Страстной седмицы в святогробском храме через доктора Мазараки были приглашены Патриархом все остальные члены Миссии. «Слух о запрещении, наложенном Патриархом на начальника Русской Духовной Миссии, не замедлил облететь весь Иерусалим и повториться с разными прибавлениями и пояснениями». Жестокою болью в сердце архимандрита Леонида отозвалось это незаслуженное новое оскорбление: «представитель Русской Церкви лишен в такие священные дни священнослужения и отлучен, как злодей или преступник, от церковного служения»[131].

29 марта получен был синодальный указ об удалении из Иерусалима возмутившихся членов Миссии против своего начальника и содержание его было сообщено консулу, который, как оказалось, уже имел копию с него, присланную из Азиатского департамента. Это обстоятельство усугубило нравственные страдания архимандрита Леонида, так как консул не воспрепятствовал отозванным уже членам Миссии жаловаться на него Патриарху и передавать от последнего запрещение в священнослужении «до окончания дела». «От вас прошу, — писал архимандрит Леонид обер-прокурору Святейшего Синода 30 марта 1865 года, — одной защиты: исполнить желание враждующих на меня скорейшим моим отозванием отсюда. Время же не замедлит и сказать, для чего это им было нужно. Принося Вашему Превосходительству поздравление с праздником Светлого Христова Воскресения, прошу милостиво вспомнить, что последний служитель алтаря в нашем отечестве проведет этот великий день радостнее, чем начальник Духовной Миссии в Иерусалиме, которому по интригам искусных в них запрещено священнодействие. Но где же сила, равняющаяся этому наказанию? Простите скорбному слову. Повторяю: «прискорбна душа моя даже до смерти»»[132].

В письме от 20 апреля на имя посла Н. П. Игнатьева архимандрит Леонид, приветствуя его со Светлым Праздником Пасхи, пишет, что для него этот великий

---

[130] Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 583. Из письма Н. П. Игнатьева к консулу Карцеву от 26 мая 1865 года мы узнаем, что посол находил объявление Иерусалимского Патриарха о запрещении архимандриту Леониду совершать богослужение в храме Святого Гроба «обидным как для него, так и для всего русского духовенства, и просил по этому поводу объяснения» (Карт. № 293. Архив Министерства иностранных дел 1865. Л. 33). Припертый к стене А. Н. Карцев, изворачиваясь на разные лады, объяснял свой нетактичный поступок утомлением после бессонной ночи, проведенной при возвращении с Иордана, отсутствием свободного времени до начала церковной службы в Святогробском храме видеться с Патриархом, чтобы переговорить с ним по поводу такого «неприятного поручения», на которое он будто бы даже высказал посланному Патриарха свое неудовольствие, присовокупляя, что если это крайнее решение Патриарха, то оно могло бы быть передано начальнику Духовной Миссии «помимо его» и что посланный будто бы заявил, что «Блаженнейший Кирилл решительно не желает иметь никакого дела с отцом Леонидом и что это предупреждение он счел полезным сделать мне, щадя лишь достоинство Русской Миссии, и дабы дать мне возможность спасти его от публичного скандала» (Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 37). Из рапорта архимандрита Леонида в Святейший Синод от 20 апреля мы узнаем, что им особым письмом потребовано было от консула подтверждение «запрещения ему до окончания дела участвовать в церковных церемониях и служениях Страстной седмицы и Пасхи» и что консул отказал ему в этом.

[131] Там же.

[132] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

праздник, «благодаря нашему консулу и его сотруднику доктору Мазараки, будет самым скорбным в его жизни»[133].

В эти-то тяжелые дни душевной муки, покинутый и оставленный всеми, отец архимандрит Леонид спешил под сень мирной обители преподобного Саввы Освященного, почерпая в жизни сего великого подвижника утешительные уроки терпения, а у ее «смиренномудрого» старца аввы Иоасафа в его бесхитростных, исходящих от сердца и сопровождаемых «неземною улыбкою» беседах, — «целительный бальзам» на страждущее сердце. «Отец Иоасаф, духовник всего иерусалимского освященного собора, — пишет митрополиту Филарету архимандрит Леонид, — не скрывал ни от кого своего сочувствия ко мне. Он знал, за что именно так возненавидел меня русский консул, а о Патриархе он отзывался так: «наш Патриарх человек добрый, но излишне доверчивый, он неограниченно верит своим приближенным, чем они пользуются. А как на тебя клеветал ему, как сам знаешь, кроме вашего консула, человек, к нему близкий и ему нужный (главное действующее лицо в интриге против меня, союзник г. консула и любимец г. Мансурова, доктор русского госпиталя г. Мазараки), то он и поверил всему без поверки». «Заносчивый поступок Патриарха с тобою, — говорил тот же старец, — не одобряется всеми теми, кому дорог мир церковный, все порицают его неуместное вмешательство в твои отношения к консульству». Касательно отношений моих к богомольцам, которые я тоже не раз поверял советам старца, он говорил: «наши никак не могут расстаться с мыслью, что русские богомольцы должны вполне принадлежать так же, как и прежде, когда число это не превышало 200 человек в год. Этого нельзя!»[134].

В письме архимандрита Леонида к обер-прокурору Святейшего Синода от 25 марта 1865 года мы находим нелестную характеристику консула как представителя России, и указания на средства водворить порядок и мир в русских богоугодных заведениях. «Если нет надежды (как обещал Н. П. Игнатьев), — писал архимандрит Леонид, — на замещение консульского места в Иерусалиме человеком семейным, солидным и с нравственно-религиозным взглядом на дело, то нет и надежды на улучшение дела. Нынешний же консул, по своим нравственным свойствам, не потерпит ни в чьем лице товарища, ему нужны и любезны льстецы и угодники, которыми он и окружен. Честь русского имени для него ничего не значит, и когда я заметил ему по поводу его действий, что надобно поберечь ее, он засмеялся мне под нос, как будто бы я сказал величайшую нелепицу. Нравственные кодексы его действий легко выражаются в следующих словах: "положим, я вас ненавижу и делаю все, что от меня зависит, для того чтобы повредить вам, но в официальных отношениях это не мешает, по моему мнению, быть нам друзьями". Признаюсь откровенно, что с человеком таких убеждений я не желал бы встретиться не только в Святом Граде Иерусалиме, но и на большой дороге. Посудите, каково же иметь с ним дело, имея многочисленные опыты, что по силе этих убеждений человек готов для достижения своих целей на самые низкие средства (что доказывает весь ход дела, мною вам подробно описанный)»[135].

С несколько иной стороны освещается личность консула в письме архимандрита Леонида к Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву. «Вы, — пишет отец архимандрит Леонид, — изволите отзываться об Иерусалимском консуле с лестною для него похвалою. Не отрицая его достоинств, как ловкого дипломатического чиновника и светского образованного человека, я ныне, по вашему приглашению, серьезно обдумав перед лицом всевидящего и всезнающего Бога, отношения ко мне Андрея Николаевича Карцева, не могу, к сожалению, отказаться от горькой

[133] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 15.

[134] Христ. Чтение. 1900. Ч. 1. С. 226, 227.

[135] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

жалобы на то, что он действовал и до сего дня продолжает действовать против меня как против своего личного врага и притом с забвением всего, что, казалось бы, так естественно было помнить: т. е. что мы русские и православные, оба принадлежим по происхождению к одному сословию, оба имеем общих уважаемых и уважающих нас знакомых, находимся на чужбине и имеем одно общее дело. Гордясь праздным титулом друга турецкого паши, наш г. консул не стыдится открыто заявлять о своей ненависти к начальнику Русской Духовной Миссии, думая видеть в нем одного из лиц, описанных в Mandite и других произведениях французской литературы. С декабря месяца прошлого, 1864 года, и до сего времени главная деятельность Андрея Николаевича устремлена на одно — во что бы то ни стало удалить меня из Иерусалима, и, что особенно тяжело видеть, — все средства, ведущие к этой цели, кажутся ему, как человеку нетвердому в христианских убеждениях, хорошими. Теперь я ясно понял, что значат однообразные вопросы, с которыми не раз обращались ко мне в Азиатском департаменте. Да, Вы ближе знаете Андрея Николаевича. О, если бы я знал его так близко, как теперь, то ничто не в силах было бы заставить меня служить с ним!!! — как человека ненавидящего от души интригу и хитрость всякого рода. Вы изволите предполагать, что мы не сошлись с г. консулом по недоразумению по каким-нибудь интригам. Нет, он воздвиг на меня систематическое гонение, единственно по самолюбию, из мести за мнимую обиду.

Смелость и бесцеремонность, с которыми все это делается, превосходят всякое описание, а уменье маскировать это где следует доказывает лишь, что г. Карцев, как умный человек, будучи хорошо застрахован от всяких случайностей своими светскими связями, считает себя вполне безопасным, как бы он ни действовал в отношении «простого архимандрита» (сладив недавно с хитрым архиереем), у которого нет другой защиты, кроме Бога и Его святой правды, но до этого, как и до всего святого, Андрею Николаевичу мало дела. Говоря это, я не говорю неправды и не упраздняю его неоспоримых достоинств как дельного чиновника, умного (и верующего только в свой ум) и образованного по-светски человека; но русским по душе назвать его не могу, ибо не вижу в нем коренных свойств русской души — прямоты и великодушия — даже и в отношении действительного врага, а его врагом не был и быть не желаю, тогда как он поступает со мною, как со врагом, которого положил себе уничтожить (по своим понятиям) "во что бы то ни стало"»[136].

В письме к митрополиту Московскому Филарету отец архимандрит Леонид еще раз возвращается к личности консула и рисует его нравственный облик во всю величину.

«В Иерусалиме, называясь представителем высшей духовной власти нашей, на деле я, — писал архимандрит Леонид митрополиту Московскому 20 августа 1866 года, — был почти подчинен совершенно не такому лицу, каков, например, г. посланник и министр в Константинополе, а чиновнику-нигилисту, без всякой веры и нравственности, который, пользуясь отдаленностью места и опираясь на свои аристократические и бюрократические связи в столице, увидав, что я не намерен быть его покорным орудием и слугою, воздвиг против меня формальное гонение, начав с того, что посредством своих агентов лично возмутил клир, обольстив их, как людей неопытных в жизни, такими обещаниями (управлять Миссиею вместо начальника), против которых они не могли устоять; подучил составить донос, который им исправлен и в его канцелярии переписан, руководил и дальнейшими их действиями до самого конца, получал и подкупал поклонников и в особенности поклонниц писать клеветнические письма в Константинополь к Патриарху (сочиненные одним и тем же лицом, т. е. В. Каминским); и, наконец, в довершение всего, в мое отсутствие выкрадены из моего кабинета с помощью двойных ключей иеродиаконом Арсением, в сообществе с состоявшим при консульстве господином (т. е.

[136] Карт. № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 19—20 и 23.

М. Ф. Грановским), секретные бумаги, с которых сняты копии и потом прочитаны Патриарху, чем и достигнута конечная цель интриги, ибо Его Блаженство едва успел прибыть в Иерусалим, <как> обрушил на меня свой гнев, не удостоив ни спросить, ни выслушать от меня никаких объяснений. Причем выразился открыто, что ему не нужна никакая Духовная Миссия, и что богомольцы должны удовольствоваться вполне духовным о них попечением Греческой Патриархии как единоверной им.

Дерзость г. консула и его уверенность в безнаказанности его действий против меня доходили до самой цинической бесцеремонности. Так, он позволил себе задерживать мои письма и вскрывать их, запретил служащим в наших заведениях исповедываться у меня, угрожая лишением места, запрещал богомольцам ходить ко мне под угрозою высылки с бесчестием из Иерусалима, наконец, сам не посещал и запрещал чиновникам Миссии посещать церковь Миссии во время моего служения. Однажды, разгорячась, позволил себе сказать мне в глаза: "я справился с архиереем, а с вами мне справиться нетрудно", "не забывайте, что я служу в таком ведомстве, где принято за правило защищать своих во что бы то ни стало". На эту циническую выходку мне не оставалось ответить ничего иного, что я считаю себя счастливым, что служу в таком ведомстве, где это правило не существует... Совокупное искание Греческой Патриархии и консульства о том, чтобы на мое место был назначен настоятелем простой иеромонах, с указанием и лица, показывает, какою ценою купил г. консул соучастие в своей интриге Греческой Патриархии»[137].

Все волнения в среде русских людей в Иерусалиме, возмущение членов Русской Духовной Миссии, препирательства с Духовною Миссиею и недоразумения архимандрита Леонида с Патриархом Кириллом и членами Святогробского братства в преувеличенном и одностороннем освещении А. Н. Карцева не могли не волновать нашего посла в Константинополе Н. П. Игнатьева.

В письме от 25 марта на имя архимандрита Леонида он со свойственною ему прямотою и решительностью, «не зная о которых, по словам самого отца архимандрита Леонида, он бы никогда не решился променять свое уединение на тяжелый крест Иерусалимской службы, службу Единому Богу на службу не одному, а многим господам», поставил отцу архимандриту Леониду «с благородным негодованием» вопрос: «Неужели не для прославления Православной Церкви, не для утверждения доброго мнения о русских, о представителях ее за границей, о русском духовенстве, о единодушии русских людей, ужели не для водворения мира, тишины, согласия и любви заехали Вы во Святой Град, а для явной ссоры». «С искренностью и доверием к тем благородным побуждениям, которые Вам внушили этот вопрос, отвечаю: «Да, Бог мне свидетель, что с этими благими намерениями, для достижения этих самых добрых целей решился я, — откровенно заявил в своем ответе архимандрит Леонид, — поднять на свои слабые плечи столь важное дело, но в то же время не скрывал ведь ни от себя, ни от Вас всю трудность предлежащей задачи, потому что, как не безызвестно и Вам: 1) первоначальное предположение мое о самом существенном преобразовании Миссии, то есть о придании ей монастырского устройства для ограждения раз навсегда прочности ее внутреннего порядка, — оставлен без исполнения; 2) с водворением новой Миссии в Иерусалиме и «Иерусалимское дело» вошло в новый фазис своего существования, вследствие чего не замедлили явиться и новые недоразумения и неудобства, которых прежде не было и нельзя было предусмотреть; 3) прошу, наконец, милостиво припомнить, что ведь мне не пришлось продолжать дело, благоустроенное сколько-нибудь моими предместниками: хозяйства какого-нибудь не было и следов, и мне пришлось чуть не со дна добывать или выпрашивать как милости самого необходимого для материального (обор.) устройства Миссии, что и вооружило на меня еще в Петер-

[137] Источник цитаты не указан. — *Н. Л.*

бурге тех, чье косвенное влияние и при нынешнем устройстве странноприимных заведений еще не лишилось своей силы. Что нашел я в нравственном отношении? Тоже полный хаос. Отношение к прежней Миссии консульства и Греческой Патриархии Вам известны и, кажется, не заслуживают подражания ни пути, ни средства, которыми шли постоянный разлад с первой и дружба — со второй. До последнего дня пребывания моего предместника в Иерусалиме он находился с консульством (в разъединении, очевидно?), а греческое духовенство, по своей исконной политике, старалось всеми силами поддерживать это выгодное для них разъединение; политики этой они продолжают держаться и теперь и, скажу с уверенностью, будут держаться ее постоянно, пока в русской среде есть такие люди, как г. Мазараки, ибо никому так не кажется опасным (опасности ложные, порожденные предубеждениями), как грекам, единодушие между Миссиею и консульством; они хорошо знают блестящую будущность, ожидающую здесь русское дело и влияние, когда во главе обоих учреждений станут люди, проникнутые теми высокими чувствами, которые выражены в Вашем письме, и есть слишком много доказательств того, что греки более всех не желают русскому делу этой будущности по своекорыстию...»

«Вы изволите упрекать меня, что я поставил Вас с безвыходное положение относительно дела, — продолжает отец Архимандрит, — а мне кажется, если кто в этом деле поставлен в безвыходное, т. е. трудное положение (ловкою интригою), — так это я один. Для дела же всегда найдется приличный выход: один — согласно настоятельному домогательству г. консула отозвать меня, о чем я просил Ваше Превосходительство при самом начале интриги (в декабре месяце), и чего, конечно, не сделал бы такой человек, каким хотят меня выставить мои недоброжелатели (ищущие одного: безмятежного спокойствия для себя). Другой выход тоже в Вашей воле: это — примирить меня с консулом. Я уже писал Вам, что все попытки мои к этому в настоящее время встречают непреодолимое препятствие в сделанном г. консулом на весь Иерусалим заявлении: во что бы то ни стало удалить меня из Иерусалима, причем моим добрым намерениям дастся толкование такое: «что, струсил, голубчик, смотрите, боится потерять место» (а боюсь ли я этого, Вы знаете), но Вы, если пожелаете, можете легко примирить нас. Для этого Вам стоит лишь написать нам коллективное письмо с увещанием к примирению, адресовать его на имя консула. Он позовет меня тогда к себе, и я готов по-христиански (без всяких, ни к чему не ведущих, объяснений), в удовлетворение его самолюбия, просить у него христианского прошения во всем, в чем он считает меня против него виноватым и дружески чистосердечно протянуть ему руку на содействие в общем нам деле. Вам же могу дать честное слово русского православного человека, что примирение мое будет полное и искреннее, с совершенным забвением прошлого. Консул же со своей стороны может доказать искренность свою и загладить прошлое тем, если постарается помирить меня с Его Блаженством, так как к этому нет других препятствий, кроме его интриги, в которой главная роль принадлежит г. Мазараки, ожидающему за это награды, которую легко обещать и за противоположное действие...»

«Доверительное письмо Ваше от 9-го имел честь получить в Иерусалиме 21-го числа сего июня месяца. Не скрою, — писал Архимандрит от 24 июня послу Н. П. Игнатьеву, — что меня всего более огорчило в Вашем письме высказанное Вами в его начале мнение, будто бы заочным увещанием нельзя водворить мир в Иерусалиме, тогда как в пользу этого благородного желания сделало так его и все смягчающее время. Не только теперь, когда пишу эти строки, но с половины мая месяца, когда, наконец, отсюда отчисленных от Миссии по указу Святейшего Синода, разводимое ими по злобе волнение стихло. В Миссии водворилась желаемая тишина и ни с консульством, ни с Греческою Патриархиею не было никакого открытого неудовольствия (со Святой недели), потому что я твердо решился ограждать себя от всех неприятностей внешних — молчанием и терпением, в чем имею

свидетелями своих сослужителей: иеромонаха Гедеона и Анатолия. Я уже писал Вашему Превосходительству, что по получении Вашего предыдущего письма первым душевным движением моим было: немедленно пойти к г. консулу и искренно протянуть ему руку, прося забвения всего, что нас разъединяло доселе, — но удержался от этого единственно потому, что он, задавшись мыслью изгнать меня из Иерусалима "во что бы то ни стало", не оценит благородного побуждения моего поступка, а припишет его другой, маскировочной причине, а потому я и вынужденным нашелся отложить это намерение до времени, прося Вашего благодетельного посредства. Патриарх, как я уже писал Вам, давно смягчился, принимает меня ласково и любовно, но удерживается высказать мне полное прощение лишь силою тайного союза с консулом, заключенного против меня через г. Мазараки. Не сомневаюсь, что несколько Ваших строк к нам (т. е. ко мне и консулу) с приглашением обоих нас к искреннему примирению во имя всего, что должно быть равно дорого нам обоим, могут покончить вполне это и здесь уже заметно всем действующим лицам наскучившее дело, которое затем, конечно, и не (об.) повторится, потому что Промысл Божий дал в нем каждому свой урок. Я, например, вовсе не думаю оправдывать себя в том, что, очутившись лицом к лицу с застарелым злом (нашей поклоннической среды), я, не соразмерив своих сил и средств, вступил в открытую с ними борьбу, тогда как с этим злом тесно связаны личные денежные интересы греческого духовенства (но не Патриархии как общины). Я надеюсь вполне раскрыть это Вам доверительно в особой записке для получения определенного совета, что именно можно и должно принести в жертву главному принципу — сохранению мира с греческим духовенством»[138].

«Повторяю, что время сделало так много в пользу устранения добрых отношений, что благородное желание Вашего Превосходительства вполне умирить нас с консулом «заочным увещанием» совершенно исполнимо, если только Вам угодно будет принять на себя высокую роль посредника-миротворца тем способом, на который я осмелился указать Вам (в предшествующем письме), вполне сочувствуя Вашему примирительному взгляду и будучи готов сделать с своей стороны все, что от меня зависит, для достижения указанной Вами цели»[139].

Но это обращение к послу Н. П. Игнатьеву — поднять на себя посредничество в примирении консула с архимандритом Леонидом — осталось «гласом вопиющего в пустыни» и не имело желаемого успеха. Посол слепо верил Иерусалимскому консулу и продолжал иерусалимскими донесениями с необыкновенною щедростью делиться с Министерством иностранных дел, а через него и со Священным Синодом; а в частном письме от 20 июня 1865 года на имя директора Азиатского департамента Стремоухова позволил себе сделать по адресу отца Леонида несколько иронических замечаний. «Архимандрит Леонид беспрестанно пишет из Иерусалима, — говорится в этом письме, — изъявляя желание жить со всеми в мире, прося открытого письма от меня для примирения с Карцевым и пр. Когда прочтешь его письма, исполненные христианского чувства смирения и проч., то невольно приходишь в недоумение касательно его душевных качеств и характера. Не верится, чтобы человек, толкующий все о чести, честности, правде и т. п., мог быть корыстолюбивым до такой степени, как о нем рассказывали. Архимандрит Леонид утверждает, что прошедшее послужит ему хорошим уроком и что, если ему суждено остаться в Иерусалиме, он никогда ссориться ни с кем не будет. Странный человек, почему же он не говорил этого раньше? Верно почуял беду... Про архимандрита Андрей Николаевич рассказывает баснословные вещи. Удивляться надо, как выбрали такого индивидуума. Карцев утверждает, что Леонид и Сарруф, если бы и ужились с

[138] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. Л. 39—40.

[139] Картон № 293. Архив Министерства иностранных дел. 1868.

консульством, то не могут остаться в Иерусалиме по отношениям к местному духовенству, потому что заплеваны всеми, а в особенности нашими поклонниками»[140].

При письме от 18—20 мая Н. П. Игнатьев доставил из Иерусалима на имя вице-канцлера князя А. М. Горчакова собственноручное письмо Патриарха Кирилла с характеристикою личности и поведения архимандрита Леонида. На это письмо Патриарха, служившее дополнением послания по тому же поводу к российскому Святейшему Синоду, возлагали большие надежды и в Иерусалиме, и в Константинополе, и, как увидим ниже, не без основания.

«Архимандрит Леонид, заступивший за год перед сим место настоятеля здешней Церковной Российской Миссии Преосвященного епископа Мелитопольского Кирилла, — писал Патриарх Кирилл послу в Константинополь, — стал своим беспорядочным и неправильным поведением и обращением не только соблазном между благоговейными русскими поклонниками и между самыми членами означенной Церковной Миссий, но, что всего прискорбнее, причиною неограниченного упрека Русскому имени со стороны с ненавистью следящих за нами и окружающих нас различных иноверческих народов и общин. Прибыв недавно в сей Святой Град из Константинополя, мы употребили разные способы для успокоения раздражения, овладевшего духом Русских поклонников нынешнего года, которые и частным, и общественным образом объявили нам клятвенно о поведении означенного архимандрита Леонида, который беспрерывно находится не только в холодных и спорных отношениях к членам Иерусалимской Церковной Миссии, состоящей под его настоянием, но и к самому Императорскому Российскому консульству, что производит наихудшее впечатление на всех, посещающих сей Святой Град со всех краев вселенной. Не терпя того, чтобы такое прискорбное положение дел продолжалось долее на наших глазах, мы пишем сего дня, движимые чистым чувством братской во Христе любви к Св<ятейшему> Правит<ельствующему> Синоду, и, изложив кратко сюда относящееся, повергаем на его рассмотрение, как меру действительную для исправления такого положения, замещение означенного архимандрита Леонида другим лицом, достаточно способным для достойного представительства со всеми различными здешними гражданами и Церковными властями. Сие мнение наше почли мы нужным сообщить по преимуществу и зарекомендовать сим отеческим письмом Вашему Сиятельству, так как Ваше известное глубокомыслие и политическая прозорливость, без сомнения, достойно взвешивают политическое значение Святого Града Иерусалимского по отношению к миру Европейскому, в уверенности, что таким путем будет оказано самое быстрое и твердое исцеление дурного положения дел, что обрадует в высшей степени и наше отеческое сердце, из которого посылаем Вашему Сиятельству отеческие благожелания и благословения, умоляя Царя Небесного, да пребудут драгоценные лета Ваши в здравии и благоденствии»[141].

К счастью, для пользы дела, на защиту достоинства Русской Православной Церкви и доброго имени архимандрита Леонида явились в Святейшем Синоде сильные словом и влиянием мощные защитники в лице незабвенного в летописях нашей иерархии Первосвятителя Московской Церкви митрополита Филарета и обер-прокурора Святейшего Синода А. П. Ахматова и его преемника графа Д. А. Толстого, находившихся в своих суждениях по «вопросу иерусалимскому», несомненно, под влиянием воззрений и взглядов Московского Владыки. Обер-прокурор А. П. Ахматов, ознакомившись с содержанием бумаг по вопросу о беспорядках в Русской Иерусалимской Духовной Миссии, доставленных послом Министерству иностранных дел до февраля 1865 года, сделал довольно веские, обличительного характера, замечания по адресу Иерусалимского консула А. Н. Карцева и замолвил свое доброе слово в защиту архимандрита Леонида. «Из моего отношения от 20 февраля за

[140] Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 187.

[141] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

№ 15, — писал он товарищу Министра иностранных дел, — Ваше Превосходительство изволите знать о мерах, признанных Святейшим Синодом необходимыми для восстановления порядка в Миссии, потрясенного дерзостью и своеволием ее членов, восставших против своего непосредственного начальника. От времени надобно будет ожидать указание, что следует предпринять далее. Ныне же я позволяю себе представить вниманию Вашего Превосходительства некоторые мои мысли по поводу положения, принятого нашим консулом в Иерусалиме в отношении к случившемуся. Ваше Превосходительство изволите согласиться, что для охранения достоинства Русской Церкви в Святой Земле необходимы два условия: предоставление ее представителю исполнять духовные обязанности, возложенные на него Святейшим Синодом, совершенно самостоятельно и независимо; и такой образ действий со стороны представителя нашего Правительства в Иерусалиме, который бы клонился к поддержке, а не расстройству Духовной Миссии. Между тем из действий г. Карцева, судя о них по собственным словам его (письмо от 10 января), можно заключить, что консульство наше действовало под влиянием, по-видимому, совершенно иных соображений. С обнаружением неудовольствий служащих при Миссии лиц на ее начальника, по моему убеждению, для консульства был единственный законный способ действования. При первом проявлении этого обстоятельства, одного из немногих могущих служить поводом вмешательства светской власти во внутренний быт Духовной Миссии, консульству не только не следовало принимать жалобы на архимандрита Леонида от лиц, непосредственно ему подчиненных, и подавать им совет изложить ему их претензии письменно, но следовало немедленным внушением и наблюдением принять меры к обращению возбужденных и возмутившихся на путь законного подчинения. При этом за г. консулом всегда оставалось право и прямая обязанность правительственного агента, не подавая о том вида на месте, донести или министру о всем, что, по его убеждению, должно было подлежать сведению, вниманию и решению Правительства. До получения же ответа он всегда мог своим влиянием поддержать порядок и тем избегнуть неминуемых порицаний нашей Церкви и народности, соблазна для поклонников и единоверцев и торжества для иноверцев, а тайно, быть может, и для греков. Вместо того г. Карцев принимал от членов и певчих Духовной Миссии подаваемые на его имя письменно и словесно жалобы на прямого и непосредственного их начальника, хотя эти жалобы подавались скопом от всех членов или певчих Миссии и уже по тому одному не должны были по закону иметь никакого хода. Нетрудно было предугадать, что принятие этих жалоб, естественно, подает недовольным повод думать, что консульство берет их под свое покровительство. При более же правильном и осторожном способе действования со стороны консульства можно было бы ожидать иных последствий. По крайней мере бунтующие, по всей вероятности, не зашли бы так далеко, как ныне, когда они вынудили архимандрита Леонида своими действиями совершенно устраниться от священнослужения, самовольно захватили в свое распоряжение церковное имущество и суммы и отказывают своему начальнику даже во внешних знаках уважения. Нельзя, думаю, отрицать влияния на последние Иерусалимские события: 1) прискорбных обстоятельств смены Преосвященного Кирилла, подававших мысль о домогательстве уничтожения Духовной Миссии, 2) неудачного выбора наших представителей по неопытности и недостатку серьезного авторитета, не удовлетворяющих строгим условиям трудного в Святом Граде положения, 3) личных ошибок и недостатка такта отца архимандрита Леонида как при выборе людей, им взятых, так и при отношениях к среде, его теперь окружающей.

Из этих слов Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что я не принимаю на себя безусловной защиты действий настоящего начальника Иерусалимской Духовной Миссии; в виду моем, как и Министерства иностранных дел, одна цель — охранение достоинства Русской Церкви и русского имени, цель, перед которою личности исчезают. Но желание достижения этой именно цели приводит к необхо-

димости поддержать значение Начальника Русской Духовной Миссии. Одни только эти соображения обусловили последние распоряжения Святейшего Синода и эти мысли, которые я счел обязанностью представить ныне Вашему вниманию. Министерству иностранных дел не может быть безызвестно, что во всей России жалобы духовных лиц на иерархическое начальство не могут быть принимаемы никакими ни судебными, ни административными местами или лицами, не исключая и обер-прокурора Святейшего Синода, ближе всех из числа правительственных деятелей поставленного к церковным учреждениям. Без этого условия не было бы Церкви, и я не принял бы ныне занимаемого мною места. В инструкции, данной архимандриту Порфирию при первоначальном учреждении Духовной Миссии в Иерусалиме, весьма правильно было сказано: § 17. Руководство лиц, состоящих при Миссии, предоставляется ему вполне, а консул не принимает жалоб их ни на архимандрита, ни друг на друга. Не знаю, почему этот § был исключен из последующих инструкций; можно думать, что это было сделано по предположению общеизвестности этого правила. К сожалению, такое предположение не оправдалось и сделалось поводом к весьма прискорбным событиям. Принимая прошение возмутившихся членов Духовной Миссии на их начальника, г. Карцев, может быть, думал, что отказом он лишит их возможности довести их жалобы законным путем. Если так, то он ошибался, ибо списки всех поданных членами и певчими Миссии прошений и писем ими присланы сюда по почте и с добавлением таких, которые неизвестны г. консулу или им еще не представлены Министерству. Весьма жаль также, что г. Карцев не предотвратил щекотливого обстоятельства обращения русских подданных и членов Русской Церкви к Патриаршему наместнику Митрополиту Мелетию с жалобою на свое начальство. Этот факт был уже последствием, и последствием понятным, полного в виду всех отвержения ими законной власти, над ними поставленной. Я позволил себе передать Вашему Превосходительству мой взгляд на положение нашего иерусалимского дела с той откровенностью, которую внушают мне еще более личное мое к князю Александру Михайловичу и Вам глубокое уважение и сочувствие, чем официальные отношения, зная, до какой степени Министерство иностранных дел всегда одушевлено патриотическим желанием содействовать зависящими от него способами ограждению интересов Православия и Русской Церкви, представляемой в Святом Граде нашею Духовною Миссиею»[142].

В дополнение к этому письму на следующий день обер-прокурор А. П. Ахматов по тому же адресу, имея в виду письмо иеродиакона Арсения к консулу А. Н. Карцеву, «любопытствовавшему узнать все события, выходящие из ряда обыкновенного» в жизни Духовной Миссии и могущие, по словам А. П. Ахматова, дать подходящее содержание для «Колокола» и «Искры»», уже обвиняет иерусалимского консула «в домогательстве для поддержания беспорядков в среде духовного состава Миссии и духа своеволия и неповиновения в недостойных ее членах», отказываясь в то же время от «суждения о нравственности действий г. консула»[143].

В мае 1865 года получено было в Святейшем Синоде послание Иерусалимского Патриарха Кирилла от 13 апреля 1865 года следующего содержания:

«Святейший Правительствующий Всероссийский Синод, во Христе Боге возлюбленный и вожделенный брат и сослужитель нашей мерности. Ваше возлюбленное нам Высокопреосвященство, братски в Господе объемля во святой любви лобызаем и сердечно приветствуем.

Когда назад тому более года послан был сюда начальником Русской Духовной здесь Миссии, на место Преосвященного собрата нашего во Христе, господина Кирилла, епископа Мелитопольского, Высокопреподобнейший архимандрит г. Леонид в сопровождении нового личного состава, мы приняли его Высокопреподобие, как

[142] Там же.

[143] Там же.

снабженного рекомендательными к нам письмами Святейшего Правительствующего Синода, как должно, — с отеческою любовью и сердечною радостью, и, временно находясь тогда в Константинополе, в том же духе рекомендовали его нашему наместнику, Преосвященному Митрополиту Петры Аравийския, господину Мелетию, питая себя приятными надеждами, что вновь определенные лица поставят для себя целью сохранять необходимую связь дружества и благорасположения в отношении к находящимся здесь духовным общинам и достойно представлять Российскую Церковь.

Но, к несчастью, наши надежды обманулись. Еще в бытность нашу в Константинополе мы слышали от разных русских благочестивых поклонников Всесвятого Гроба много жалоб на здешнюю Российскую Духовную Миссию, и особенно на поведение ее начальника архимандрита Леонида. О нем мы со скорбию говорили с Превосходительным посланником г. генералом Игнатьевым по поводу дошедших до Его Превосходительства донесений о разных сплетнях, имевших своим источником главным образом беспорядочное поведение Его Высокопреподобия. А когда, назад тому несколько времени, мы прибыли во Святой Град, нам принесены бесчисленные устные жалобы весьма многими русскими поклонниками обоего пола и, между прочим, клириками Духовной Миссии, на бесчинное и беззаконное поведение и действия архимандрита Леонида, на которого поступили также жалобы и в императорское российское консульство, с которым Его Высокопреподобие находится в открытом разрыве. Всеобщее неудовольствие русских поклонников против него и клятвенно удостоверяемые обвинения против него такого свойства, что вынудили нас, в видах укрощения общего раздражения, в силу принадлежащей нам патриаршей власти, воспретить Его Высокопреподобию принимать участие в священнодействиях, совершаемых на всесвятых местах.

Со смертельною скорбию в нашем отеческом сердце о таком положении дел мы исполняем ныне долг искреннего братолюбия, доводя о вышеизложенном до сведения Святейшего Правительствующего Синода, отчасти потому, что уступаем общему, обращенному к нам, голосу пришедших в нынешний год на поклонение Всесвятому Гробу благочестивейших русских поклонников, а отчасти по уверенности, что Святейший Правительствующий Синод, по благоразумию и благорассудительности своей, вполне озаботится положить конец такому худому положению дел, заменив сказанного архимандрита Леонида каким-либо другим лицом, так как Его Высокопреподобие своим дурным поведением не только в русских поклонниках возбуждает неудовольствие и нерасположение, но и находящимся в нашей области иноверцам дает повод к нареканиям против чести славного русского имени, о которой мы никогда не переставали и не перестанем заботиться.

В заключение рекомендуем вашей отеческой любви преподобнейшего иеромонаха г. Иоанна и преподобнейшего иеродиакона г. Арсения: оба эти члена Духовной Миссии незаслуженно страдают от несправедливой в отношении к ним жестокости сказанного архимандрита господина Леонида, и мы братски просим Ваше Высокопреосвященство быть милостивыми к ним и отечески даровать им прощение, если и они, как люди, погрешили. Нимало не сомневаюсь, что Ваше Высокопреосвященство оценит как должно важность написанного нами, прекращаем слово, прося вам от Бога дней долгих, здравых, спасительных.

Вашего превожделенного нам Высокопреосвященства во Христе Боге возлюбленный брат и всецело преданный Патриарх Иерусалимский Кирилл»[144]

Во Святом Граде Иерусалиме 13 апреля 1865 г.[145]

---

[144] Архив Святейшего Синода. № 139.Л. 133, 134.

[145] Грамота, в подлиннике и в переводе, имеется в деле Канцелярии Святейшего Синода. Отд. 2 , 1 ст. по наст. реестру № 119. (По рукописи непонятно, к какому месту относится эта сноска. — *Н. Л.).*

Послание это митрополит Московский Филарет назвал «немилостивым», «немирным» и «неприятным» и рекомендовал от 21 мая 1865 года через обер-прокурора «отвечать на него не от Святейшего Синода, а, по его поручению, через первенствующего члена оного «объяснительно и умиротворительно», «в самых скромных выражениях»»; а чтобы «яснее показать сию мысль», приложил и свой проект письма, «что и как можно написать Патриарху». Ответ этот составлен в следующих выражениях: «Блаженнейший Владыко, высокочтимый Архипастырь. Святейший Правительствующий Всероссийский Синод, обыкши принимать от Вашего Блаженства и простирать к нам слово мира и взаимного братолюбия и желая сохранить сие утешительное с Вами, Блаженнейший Владыко, общение неомраченным никакою постороннею тению, предоставил мне произнести перед Вами слово глубокой скорби, с которою он выслушал в послании Вашем изъявление весьма неблаговолительного воззрения на начальника Российской Духовной Миссии во Святом Граде Иерусалиме, архимандрита Леонида.

К скорби присоединилось удивление, что сей муж, некогда с достоинством находившийся в императорской службе, потом, по отречении от мира, долгое время, также с несомненным достоинством, проходивший монашескую жизнь в обители, преимущественно известной духовным благоустройством, в короткое время пребывания его в Иерусалиме подвергся обвинению в бесчинном и беззаконном поведении, впрочем без определенного указания: кем он обвиняется, какие позволил себе беззаконные действия, и подкреплены ли обвинения законными доказательствами.

Святейший Синод имеет на документах основанные сведения, что иеромонахи Иоанн и Гедеон и иеродиакон Арсений представили в консульство на архимандрита Леонида жалобы и доносы, частью такие, которые не могут быть рассматриваемы светским начальством, частью не заключающие в себе никакой действительной вины, частью обнаруживающие их противозаконное вмешательство в дела, для них посторонние, и, следственно, обвиняющие их самих: Архимандрит же ни в чем законным образом не обличен. Важнейшая же вина означенных двух иеромонахов и иеродиакона есть та, что они самовольно устранили архимандрита Леонида от начальствования и приняли на себя власть. Чтобы не обременить здесь Ваше Блаженство подробностями, но чтобы яснее доставить Вам удостоверение в истине, при сем прилагается выписка из имеющегося в Святейшем Синоде дела.

Святейший Синод не сомневается, что Ваше Блаженство, если бы имели в виду сии сведения, на несомненных документах основанные, то, с свойственным Вам великодушием и предусмотрительностью, удержались бы от решительного осуждения архимандрита Леонида до приведения дела в законную ясность.

По-видимому, к сему могло расположить Вас и то обстоятельство, что архимандрит Леонид есть духовный сын Преосвященного Мелетия Петрского, наместника вашего Престола. Сей досточтимый муж, без сомнения, не решился бы иметь духовным сыном человека «бесчинного и беззаконного поведения».

По всему, здесь изложенному, Святейший Синод нашел справедливым предоставить мне благопочтительнейше просить Вас, Блаженнейший Владыко, не лишать архимандрита Леонида Вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность.

Святейший Синод не допустит, чтобы пред лицом Вашим был кто-нибудь из священнослужителей Российской Церкви, действительно недостойный Вашего милостивого воззрения.

Ваша Благость и яже о Господе любовь не попустит, чтобы погрешности меньшей братии пали хотя бы пылинкою на чистую вековую взаимную любовь Священноначалий и Церквей.

26 мая 1865 г.»[146]

---

[146] Архив Святейшего Синода, опись. Л. 13; докум. № 18 и 24.

Послание это от имени Святейшего Синода имело длительную и не лишенную интереса историю[147].

В Константинополе «на пути» послание это было «остановлено» и это обстоятельство со стороны Митрополита Московского Филарета вызвало недоуменный вопрос (16 сентября 1865 г.) к обер-прокурору Св. Синода Толстому: «Неужели не должно Святейшему Синоду справедливым ответом со всею скромностию отнестись к защищающему несправедливую сторону и небережливость служащих в чужом пределе»[148], а из Святейшего Синода последовал к послу Н. П. Игнатьеву даже «официальный» запрос, «куда девалась грамота (митрополита Новгородского Исидора) и почему ответа нет до сих пор»[149]. В действительности же произошло следующее: Иерусалимский консул А. Н. Карцев, прибыв на короткое время в Константинополь «для личных объяснений по делу о. Леонида», по словам Н. П. Игнатьева, «пришел в отчаяние от содержания ответа Синода Патриарху, говоря, что последний «обидится и рассердится». Для успокоения консула посол «утешал его надеждою», что «письмо (послание), вероятно, не достигнет прежде получения в Иерусалиме разрешения (вопроса) об отзыве Леонида». Эту свою «надежду» Н. П. Игнатьев основывал на телеграмме директора Азиатского департамента Н. П. Стремоухова: «остановить синодальное послание Иерусалимскому Патриарху». В письме на имя директора Азиатского департамента от 20 июня, высказав свое недоумение относительно замечаемой им в этом вопросе непоследовательности и колебания, Н. П. Игнатьев ясно выразил свою «надежду» и свой взгляд по этому вопросу так: «Я очень рад, если это письмо заменят письмом более удачным и согласным с обстоятельствами»[150].

Но причина появления в Константинополе телеграммы Н. П. Стремоухова «об остановке на пути послания» и недоумения посла Н. П. Игнатьева разъясняются без затруднений. Доверительное письмо Н. П. Игнатьева товарищу Министра иностранных дел от 18/30 мая 1865 года, сообщенное Святейшему Синоду, хотя и дало несколько иной вид делу Иерусалимской Духовной Миссии, но «неясный» и «не довольно убеждающий». «По собранным мною сведениям от здешнего временного наместника Патриарха Иерусалимского, а также от нескольких русских поклонников, возвратившихся на этих днях из Иерусалима, оказывается, — писал в этом письме посол Константинопольский, — что Патриарх и не думал налагать запрещения на архимандрита Леонида, а, считая себя оскорбленным действиями начальника нашей Духовной Миссии, дозволил только ему участвовать в богослужении на святых местах, непосредственно зависящих от Патриарха. По существующему обы-

---

[147] К этому времени относится сочувственное письмо архимандрита Антонина. «Приношу Вам усердное благодарение за Ваше доброе письмецо, — писал отец архимандрит Леонид от 12 апреля 1865 года, — и выраженное в оном участие к моему положению, о котором если полюбопытствуете узнать подробнее, то рекомендую Вашему боголюбивому вниманию податель сего письмеца, отца игумена Димитрия, которому, как моему дорогому приятелю, известно многое яже о мне. Хотя и недостоин, но скажу словом великого Святителя: «Слава Богу о всем, ибо искушение соделывает искусство», и проч. Я хотя и немощен монах, но келлии не боюсь и считаю ее желанный край; честь мне знакома с ее терниями и потому проститься с нею могу без боли, ибо не искал и не желал, а поискан бых. Но унижать в своем лице достоинство духовной власти и жить в мире со злом, лукаво отговариваясь невозможностью и трудностью борьбы с ним, — не согласен, егда готов на все, и уверен, что никто из благомыслящих не в состоянии ничего сделать здесь, если не будет иметь своим товарищем человека мало-мальски с пониманием духовных интересов дела.., а здесь идет дело об одном: поработить и унизить духовное влияние во что бы то ни стало, с забвением чести русского имени и всего, что дорого и свято в глазах человека благомыслящего».

[148] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 444.

[149] Из письма гр. Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 29 декабря 1869 г.

[150] Дело Архива Святейшего Синода № 3113.

чаю никто из русских духовных лиц никогда не служит на святых местах, не испросив предварительно благословения патриаршего. Иначе, впрочем, и быть не может, по церковному чину. Архимандрит уже пригласил нескольких духовных лиц взамен уволенных Святейшим Синодом членов Миссии и совершает богослужение беспрепятственно в церкви русского приюта».

Обвиняют архимандрита Леонида, по словам Н. П. Игнатьева, в ненасытном явном корыстолюбии, грубости, непомерной вспыльчивости и заносчивости, беспокойном стремлении во все вмешиваться и забрать все и всех в свои руки, в обидном, недостойном монашеского звания, обращении с подчиненными, с поклонниками, с членами консульства и с самим консулом. Основательный повод (sic) заставляет подозревать архимандрита в неправильной раздаче денег, пожертвованных Государынею Императрицею и доставленных в Иерусалим г. Дохтуровым. Чиновник же здешней почтовой конторы Николаевский, возвратившийся также из Иерусалима, утверждает, что начальник Миссии «требует с лиц, которым выдает жалованье или пособия, расписки, не выдавая полностью следуемых им денег». Отношения архимандрита Леонида к Патриарху и греческому духовенству, по словам Н. П. Игнатьева, отличаются «необузданною ненавистью», его драгоман Сарруф «деятельно занимается возбуждением варварского населения против греческого духовенства», причем архимандрит Леонид «поддерживает его в этом направлении и старается вытеснить доктора Мазараки[151] из русского госпиталя преимущественно для того, чтобы определить туда медика Сарруфа и завладеть госпиталем».

Напротив, невиннейшем незлобивым агнцем и жертвою служебного долга изображается в письме посла Н. П. Игнатьева иерусалимский консул А. Н. Карцев. «Русские путешественники, — пишет генерал-адьютант Н. П. Игнатьев, — отдают полную справедливость консулу нашему и признают, что он, несмотря на выходки отца Леонида, продолжает оказывать ему подобающее наружное почтение и удовлетворяет внешними отношениями своими к Духовной Миссии самым придирчивым

---

[151] Несколько позже с личностью и нравственным обликом Иерусалимского дельца доктора Мазараки ближе познакомился и Н. П. Игнатьев, когда 1868 году, по поручению Патриарха Иерусалимского Кирилла, г. Мазараки приезжал в Константинополь хлопотать по вопросу о святогробских имениях в Румынии.

«Вот, не могу сказать «спасибо» за коварный совет Ваш, — писал отцу архимандриту Антонину в 1869 г. Н. П. Игнатьев, — Мазараки ехать в Константинополь. Пусть едет куда-нибудь в трущобу, а то здесь, пожалуй, мне греков помутит» (Письмо от 14 марта 1869 г.). Во время объявления «болгарской схизмы, когда Патриарх Иерусалимский Кирилл не подписал протокола константинопольского собора и был низложен с престола, ярым его противником оказался г. Мазараки». «Патриарх Кирилл держится молодцом, несмотря на разразившуюся над ним бурю. Вообразите, — пишет И. П. Игнатьев иерусалимскому консулу Юзефовичу, — во главе иерусалимской оппозиции, кроме заинтересованных духовных лиц, находится известный Вам Мазараки, бесстыдно заявляющий желание свое отомстить России за удаление свое из госпиталя (он был, по мысли Н. П. Игнатьева, заменен русским врачом) и неполучение каких-то денег, ему следовавших (будто бы, Мазараки облагодетельствовал Россию, женат на русской, обласкан был великим князем Константином Николаевичем, имеет несколько родственников в русской службе, но остался ярым греком в душе и ненавистником России и славянства). Он человек ловкий, умный, письменный, а потому опасный». (Письмо от 12/24 ноября 1872 г.). Питавший весьма недружелюбные чувства к семье Мазараки, архимандрит Леонид дает не лишенную интереса характеристику супруги г. Мазараки. После того как стало известно отцу Леониду, что «возвращение доктора с докторшей на постройки стало невозможно» (письмо архимандрита Антонина к архимандриту Леониду от 22 февраля 1869 г.), архимандрит Леонид пишет следующее отцу Антонину: «Посрамление низкого интригана Мазараки есть еще малое возмездие за то зло, которое он в течение нескольких лет наносил «русскому делу» в Иерусалиме.... Да, его Иезавели не пройдет даром ее ехидство, разумеется, если не покается, чего ей удобнее достигнуть вне русских построек». (Письмо от 18 февраля 1869 г.).

требованиям (?). Не допуская никакого лицеприятия и не стараясь оправдать консула нашего, который мог бы, может быть, более искусными действиями предупредить подобный соблазн, я считаю себя однако обязанным повторить Вашему Превосходительству мое глубокое убеждение, что дальнейшее пребывание отца Леонида в Иерусалиме не может быть терпимо и не соответствовало бы ни политическим, ни нравственным интересам нашим, ни достоинству Православной Церкви, ни чести русской, ни нашему доброму имени на Востоке. Чем скорее прекратится безобразное положение, в котором находится Русская Миссия в Иерусалиме, тем лучше».

Посол Н. П. Игнатьев в конце концов предлагает по телеграфу вызвать архимандрита Антонина <Капустина>, настоятеля посольской церкви в Константинополе, находившегося в это время в научной поездке по Румынии, чтобы отправить его в Иерусалим «для приведения в некоторый порядок Духовной Миссии нашей, для укрощения порывов о. Леонида и для личных переговоров с Патриархом»; о подчиненных отцу архимандриту Леониду членах Миссии посланник, в частности, прибавляет, что они отказываются возвратиться в Россию до получения ответа Преосвященного Херсонского на письма, с которыми они обратились к своему нынешнему начальнику, прося отпуска ко святым местам, и решается «приказать консулу выслать непослушных монахов с кавасами силою», хотя и признает, что эта крайняя мера «произведет значительное впечатление между местным духовенством православным и иноверным»[152].

Предложение посла Игнатьева о командировке архимандрита Антонина в Иерусалим для улажения «Иерусалимского вопроса» было встречено сочувственно и в Министерстве, и в Святейшем Синоде, рассчитывавшим личными переговорами уладить все недоразумения между Патриархом и Русскою Православною Церковью. С сомнением по этому вопросу и, как оказалось, не напрасно, остался лишь Московский Митрополит Филарет.

«Если послан будет в Иерусалим архимандрит Антонин, — спрашивал 9 июля в своей записке в Святейший Синод митрополит Филарет, — то с каким поручением? Если в качестве посредника и примирителя, то можно ли ожидать успеха? Действуя скромно и мирно, решится ли он притом сказать некоторые твердые слова Патриарху, чтобы разрешить его предубеждения против архимандрита Леонида, и консулу, чтобы изъяснил ему неправильность принятия доносов, переданных от него и следствия? Будет ли иметь довольно силы, чтобы сделать послушными возмутившихся монахов? — Трудно решиться утверждать сие. Надежно ли определить архимандрита Антонина на время начальником Миссии, а Леонида на то же время перевести на его место? В сем случае жребий Леонида не будет отягощен, неудовольствия Патриарха и консула лишены пищи; Антонину надобно будет только принять Миссию и управлять сю, извлекая из несчастного опыта предшественника правила осторожности»[153].

Указ Святейшего Синода, посланный архимандриту Антонину 16 июня как «временно заведующему Иерусалимскою Духовною Миссиею в Иерусалиме», предписывал, чтобы он: 1) приняв от архимандрита Леонида в возможно непродолжительное время дела, имущество и суммы Миссии, занялся, по ближайшему указанию посланника, приведением в должный порядок всего того, что окажется нужным к благоустройству Миссии; 2) в отправлении обязанностей, возложенных на начальника Миссии, равно и в сношениях с местным консульством и греческим духовенством, руководствовался инструкцией, данной от Святейшего Синода начальнику Миссии архимандриту Леониду; 3) в делах, кои будут подлежать неотложному сведению или потребуют немедленного распоряжения Святейшего Синода, входил в оный непосредственно рапортами или относился к г. обер-прокурору

[152] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

[153] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов ... С. 440—441.

Святейшего Синода, и 4) собирал на месте возможно обстоятельные и достоверные сведения о происшедших в Миссии неустройствах, каковые сведения с беспристрастным мнением представлял в Святейший Синод». В указе архимандриту Леониду от того же числа приказывалось сдать архимандриту Антонину дела, имущество и суммы Миссии и «немедленно отправиться в Константинополь и оставаться при тамошней посольской церкви впредь до особого распоряжения»[154].

В дополнительном указе от 6 июня, когда в Синоде стало известно, что иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений уже выехали из Иерусалима[155] и прибыли в

---

[154] Дело Архива Святейшего Синода № 224/3256. Л. 165.

[155] Иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений, несмотря на приказ Святейшего Синода от 20 февраля, не покинули Иерусалима и продолжали пользоваться благоволением Патриарха и консула. Последний находил возможным не спешить их отправлением в Россию, так как через него они подали на имя архиепископа Херсонского Димитрия прошение о невозможности им покинуть Палестину и вернуться на родину. «Я обязан, — писал иеромонах Иоанн, — исполнить свой данный мною обет у Гроба Господня поклониться всем Святым Местам в Палестине, чего, за послушанием при Миссии, доселе я не мог исполнить, и, страдая ревматизмом в ногах, я, по совету доктора, должен прожить настоящее лето в лазарете для купания на теплых ключевых водах».

Архиепископ Димитрий, во исполнение указа Святейшего Синода, отобрал от присланных к нему членов Миссии допросные пункты и, аттестовав их очень хорошо, предложил иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения определить, по их желанию, в какой-нибудь монастырь в России, а последний даже, по его мнению, «мог бы быть употреблен не без пользы и к училищной службе». За учиненные ими беспорядки в Иерусалиме строго обвинять их нельзя: «они объясняются не каким-либо недобрым намерением с той и другой стороны, а взаимным недоразумением, непониманием надлежащим образом друг друга», а посему благостный архиепископ рекомендовал ограничиться лишь «надлежащим внушением за произведенный делом их соблазн». (Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 176—177).

Что касается архимандрита Леонида, то Димитрий, архиепископ Херсонский, в том же донесении Святейшему Синоду за № 1340 признает, что архимандрита Леонида «определить настоятелем монастыря внутри России полезнее», но от «возвращения в Иерусалим всячески остеречься, так как он поставил себя в весьма неприятное положение с греческим духовенством», кроме дела своего со своими подчиненными, и возвращение это «не сделает ни чести Святейшему Синоду, ни пользы делу Миссии». «Для устройства Иерусалимской Миссии, — по его мнению, — необходимо задержать там года на два — на три отца архимандрита Антонина, который в настоящем случае решительно незаменим. К нему нужно избрать иеромонаха из бакалавров Академии или из инспекторов Семинарии, который под руководством отца Антонина мог бы хорошо не только ознакомиться, но и свыкнуться со всем, изучить язык, обычаи и порядки и потом благонадежно заменить отца Антонина. Другого иеромонаха или двух надобно выбрать хотя из простых, но добрых, благоговейных и благочестивых старцев, которые могли бы быть духовниками русских поклонников. В таком составе Миссия, можно надеяться, будет не только мирна сама в себе, но и способна к выполнению своего назначения».

В параллель не лишне привести здесь взгляд на постановку Иерусалимской Миссии в нормальное положение отца архимандрита Леонида, высказанный им с присущею ему откровенностию в письме к А. С. Норову от 2 ноября 1865 года: «Из всего, что мне сделалось известно в Иерусалиме о нашем русском деле, я вывожу горькое заключение, что нет на нем благословения Божия как на таком деле, в основу которого легла ложь и интрига, продолжающая ему вредить и доселе. Поправка состоит в одном: назначить туда консулом человека, во-первых, семейного; во-вторых, русского вполне, разумея, что не только русским не может называться человек «без веры и правил», каков настоящий консул, уверяющий всех своих, что русское влияние в Иерусалиме день ото дня укрепляется более и более тем, что он проводит ночи в безобразном кутеже и в карточной игре с пашей. Если этот искренно верит, то судите сами, как верен наш взгляд на Иерусалимское дело. Когда отложу более, что имел для этого времени доселе, то еще раз вернусь к Иерусалимским впечатлениям, чтобы нарисовать Вам грустное состояние Православия в Святом Граде и чего можно ожидать от такого состояния не в далеком будущем».

Одессу, где им назначено пребывание: иеромонаху Иоанну — в Архиерейском доме, а иеродиакону Арсению — в Успенском монастыре, то, «рассмотрев изложенные в последнем отзыве Министерства иностранных дел обстоятельства и по соображении оных с предшествующими, вообще с отношением для Иерусалимской Духовной Миссии нашей», Святейший Синод признал необходимым вместе с посланником нашим в Константинополе Н. П. Игнатьевым вызвать архимандрита Леонида из Иерусалима и послать туда архимандрита Антонина «не для одного только умиротворения и увещания непослушных членов Миссии нашей в Иерусалиме и личных переговоров по этому делу с тамошним Патриархом». «Отозвание архимандрита Леонида из Иерусалима оказывается необходимым, сверх изъясненных генерал-адъютантом Игнатьевым надобностей, и в видах предотвращения возможных столкновений с архимандритом Антонином, при исполнении возложенных на него поручений»[156].

Решение Святейшего Синода от 23 июня было, по просьбе Н. П. Игнатьева, сообщено ему по телеграфу, и он тут только «в первый раз сказал о мысли своей» отцу архимандриту Антонину, который от этой неожиданности «сильно струсил»[157]. Но, несмотря на телеграмму графа А. П. Толстого, указ о командировке отца Антонина был задержан в Святейшем Синоде. Причина сего заключалась в том, что Н. П. Игнатьев известил Святейший Синод в своем отношении от 10 августа, что он, «воспользовавшись кратковременным пребыванием в Константинополе консула нашего в Иерусалиме, убедил его содействовать примирению, по крайней мере, наружному, осязательному, между Патриархом и архимандритом Леонидом, дабы, в случае вызова сего последняго[158], не была приписана общественным мнением происшедшим прошлою весною неудовольствиям. Для достижения этого примирения, имеющего целью ограждение достоинства и власти Святейшего Синода, потребно однако некоторое время»[159].

«Если примирение может состояться, то, — совершенно справедливо заметил Митрополит Московский Филарет, — оно должно совершиться еще во время пребывания архимандрита Леонида в Иерусалиме, ибо иначе оно бы не имело значения и не произвело бы желаемого впечатления. Посему надлежало бы не очень спешить отбытием архимандрита Леонида из Иерусалима»[160].

Отсюда и заминка в Святейшем Синоде с отсылкою указов по назначению. Но так как «Синод замешкался решением командировки Антонина и участи Леонида, то придется первого, по словам Н. П. Игнатьева, задержать здесь до 30-го августа» по случаю высокоторжественного дня.

Любопытно, что Николай Павлович [Игнатьев] в частном письме на имя директора Азиатского департамента от 20 июня считал «необходимым разъяснить, что именно следует ему объяснить Леониду, когда он прибудет в Константинополь», то есть в каком положении он здесь будет находиться, что архимандрит Антонин «не согласится совсем перебраться в Иерусалим» и что следует «обе Миссии подчинить ему». Повторяет он этот свой вопрос «касательно окончательного назначения архимандрита Леонида и в отношении на имя исп<олняющего> должн<ость> товарища Министра иностранных дел от 10-го августа, уже по получении синодальных указов о перемещении архимандритов Антонина и Леонида одного на место другого».

---

[156] Архив Святейшего Синода.

[157] Дело Архива Святейшего Синода № 3153.

[158] Там же.

[159] Дело Архива Святейшего Синода № 224/3156. Л. 187.

[160] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 442—443.

«Своевременное о сем извещение, — писал посол, — избавило бы отца Леонида от долгого пребывания в Константинополе в неопределенном положении и доставило бы ему возможность до зимы еще предпринять дальнейшее путешествие». В постскриптуме посол добавляет: «Остаюсь при желании, чтобы неопределенное положение отца архимандрита Леонида в Константинополе не продолжалось, а, напротив, чтобы дальнейшее назначение было решено окончательно».

Для путешествия архимандрита Антонина встретились новые затруднения: пароходы Русского общества прекратили рейсы по случаю холеры и предстояла печальная необходимость ему во многих портах высиживать по несколько недель карантин. «Теперь такая сильная холера, — писал Н. П. Игнатьев в Азиатский департамент, — что человека болезненного, как Антонин, грешно отправлять в далекий путь. Притом везде учреждены продолжительные карантины и, по глупости Турции, один и тот же пароход заставляют выдерживать карантин во всех портах, куда он заходит. Прежде чем доберется Антонин до Яффы, может быть более месяца пройдет»[161].

Глава VI

Приезд архимандрита Антонина в Иерусалим и первые встречи с архимандритом Леонидом, консулом А. Н. Карцевым и Патриархом. Прием Миссии и отъезд из Иерусалима отца архимандрита Леонида. Первые распоряжения архимандрита Антонина для устройства Иерусалимского клира. Донесение в Святейший Синод о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии. Неудовольствие в Святейшем Синоде и митрополита Филарета донесением архимандрита Антонина. Переписка по этому поводу между послом Н. П. Игнатьевым и отцом Антонином. Объяснение А. Н. Карцевым причины, почему Патриарх не написал ответа Святейшему Синоду и его послание. Переписка обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого с вице-канцлером князем А. С. Горчаковым по поводу обещания Н. П. Игнатьева убедить Патриарха Кирилла написать письмо Святейшему Синоду. Побудительное письмо Н. П. Игнатьева к отцу Антонину дополнить свое донесение в Святейший Синод о беспорядках в Миссии частным письмом на его имя и побудить Патриарха Кирилла дать ответ на послание Святейшего Синода. Письмо отца Антонина на имя посла от 4 апреля и послание Патриарха Святейшему Синоду от 24 апреля. Крайнее неудовольствие на отца Антонина со стороны обер-прокурора Святейшего Синода за письмо от 4 апреля и в Святейшем Синоде — вторым посланием Патриарха Кирилла. Критика послания митрополитом Филаретом, который, отвергнув авторство Патриарха, предложил проект ответного послания Патриарху. Всеподданнейший доклад Государю Императору и. о. обер-прокурора Святейшего Синода о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии и по делу об отлучении Патриархом отца архимандрита Леонида от совместного служения на святых местах. Критический разбор этого всеподданейшего доклада со стороны директора Азиатского департамента Н. П. Стремоухова. Отказ обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого продолжать полемику с Министерством

[161] Дело Архива Святейшего Синода. 1865. № 3156.

иностранных дел и мысль его о закрытии Иерусалимской Духовной Миссии. Доводы митрополита Филарета в пользу сохранения Миссии. Жертвы со стороны посла Н. П. Игнатьева: удаление из Иерусалима любимого и, по его мнению, незаменимого консула А. Н. Карцева на Корфу, потеря навсегда для Константинополя архимандрита Антонина, оставленного начальником Миссии в Иерусалиме, и удовлетворение Святейшего Синода по делу архимандрита Леонида. Настойчивые и неоднократные письма Н. П. Игнатьева к отцу архимандриту Антонину добиться от Патриарха Кирилла извинительного письма и оставление их без ответа. Попытка архимандрита Леонида завершить «Иерусалимский вопрос» и ответ по сему из Святейшего Синода. Грамота Патриарха Кирилла в Святейший Синод и назначение начальником Иерусалимской Духовной Миссии архимандрита Антонина и недовольствие последнего ответом на эту грамоту

Указ о назначении отца архимандрита Антонина временно заведующим Иерусалимскою Духовною Миссиею был помечен 16 июня 1865 года, вступил же он в Иерусалим и поселился на Русских постройках в комнатах, «назначенных для важных посетителей Святого Места» лишь 11 сентября. «Точно перестает быть пустынею Град возлюбленный и неоставленный, — описывает свои первые иерусалимские впечатления архимандрит Антонин в дневнике. — Налево в стороне виднеется большое здание американских миссионеров, а впереди высятся красивые здания русские. Все промежуточное пространство раскуплено и начинает застраиваться частными лицами разных народностей и вероисповеданий».

Встреча прибывшему новому начальнику Миссии была устроена торжественная, как за городом, так и в храме Миссии. Архимандрит Леонид по-братски встретил своего преемника и следователя, угостил обедом, и вечером они, по словам архимандрита Антонина, «сидели с о. Леонидом далеко за полночь, перебирая мыслью и языком тысячу вещей и поминутно возвращаясь к главному предмету». Консул А. Н. Карцев сделал прибывшему визит, а на другой день устроил обед в честь его вкупе с архимандритом Леонидом... «Постный стол оказался таким тучным и обильным, что не знаю, право, что подумать о столе скоромном, — заметил архимандрит Антонин в своем дневнике об этом обеде. — Возвратившись, долго сидели с аввою, упражняясь в словоречии».

Об отношении архимандрита Антонина к Иерусалимскому консулу довольно выразительно, по нашему мнению, говорит одно из замечаний в его дневнике. По прочтении документов о куполе, он заметил: «честь уму и деятельности г. консула. Николай Павлович Игнатьев должен быть доволен им».

Консул А. Н. Карцев, после своего первого знакомства с личностью отца архимандрита Антонина, был в положительном восхищении от него и писал послу Н. П. Игнатьеву: «Я так убежден в беспристрастии отца Антонина, что заранее объявляю себя виновным во всем, в чем только он признает справедливым обвинить меня перед Вами»[162].

В отношениях с Патриархом Кириллом на первых порах дело не обошлось без недоразумений. «Старец, — по словам архимандрита Антонина, — огорчился тем, что я во время визита к нему все время молчал и ничего не прибавил к его обвинительному отзыву об отце архимандрите Леониде. Обидело его и то, что я не привез к нему никакой рекомендательной бумаги от Святейшего Синода».

---

[162] Русский Архив. 1913. Кн. 3-4. С. 587.

С 15 сентября архимандрит Леонид приступил к сдаче Миссии новому начальнику, причем оказалось, что и отчетность ее была найдена в образцовом порядке. «За полночное сидение у хозяина, — говорится в дневнике, — и принятие от него тех да других сумм все золотыми червончиками: австрийскими, китайскими, русскими и французскими — это значительно побольше будет, чем в Царьграде». Пересмотрена была разница. 17-го числа принят архив, 18-го — визит обоих архимандритов к армянскому Патриарху: 19-го архимандрит Леонид простился с Патриархом Кириллом и Владыками и ночевал у Святого Гроба, 20-го передал в дар Миссии свою библиотеку, а 21 сентября, после братской трапезы, архимандрит Леонид простился с архимандритом Антонином и выехал из Иерусалима.

«Оставляя Святой Град Иерусалим, я, — писал о своем отъезде из Иерусалима архимандрит Леонид А. С. Норову от 2 ноября 1865 года, — конечно, по долгу христианскому, простился со всеми, начиная с Блаженнейшего, и был весьма утешен тем искренним приветом и откровенным выражением сочувствия ко мне от всех благонамеренных лиц греческого духовенства, в особенности Преосвященного Никифора и Фаворского отца Иоасафа и всего Святогробского братства. Все русские поклонники с моим братством и отцом архимандритом Антонином провожали меня до Поклонной горы с благожеланиями и благословением».

Так закончила краткие дня своего злополучного бытия третья Русская Духовная Миссии в Иерусалиме.

Переселившись «в начальническое отделение и усевшись в малой зале, где обычно заседал, грыз перья и отгрызался от своих и чужих мой злополучный предместник», архимандрит Антонин приступил к выполнению своей срочной работы и к чтению архивных бумаг.

8 октября отец Антонин донес послу в Константинополе об отъезде туда из Иерусалима бывшего начальника Миссии архимандрита Леонида и о том, что он, во исполнение указа от 16 июня, донес 26 сентября Святейшему Синоду, что он вступил «во временное заведывание делами здешней Духовной Миссии», и с следующей почтой надеется представить «изложение того, в каком виде он нашел дела Миссии и что он находит нужным сделать для водворения в ней прочного порядка». Поблагодарив в этом же письме посла за назначение на иеродиаконские вакансии афонских монахов Виссариона и Мартирия[163] к Афинской миссийской церкви, о процветании коей по старой памяти он заботился, просил посла назначить певчих иерусалимской Миссии — Козубокого и Белавина — на их место в Афины. Отец Антонин при этом выразил и свой взгляд на певческие места при Миссии, какой он намеревается провести и в будущем донесении в Святейший Синод, что он считает более целесообразною «замену вообще всех принадлежавших к Миссии лиц светского звания монахами»; ходатайствует далее пред послом о награждении иеромонаха Анатолия, 60-ти лет, как лица, весьма пригодного для духовничества» и «оказавшего немалую услугу здешней церкви, заменив собой вполне и даже с из-

[163] Назначение этих лиц на диаконские вакансии состоялось даже вопреки аттестации арх. Петра, настоятеля Афинской Миссии, который писал о них 1 февраля 1866 года обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому следующим образом: «Певчие нашего хора, монахи Виссарион и Мартирий, по своей необразованности и соединенным с нею нравственным недостатком, по милости только терпимые в хоре и в качестве певчих, отнюдь недостойны занять диаконские места при церквах заграничных, где от каждого члена причта, для чести духовенства Российского, требуется своего рода представительность, т. е. приличное образование и жизнь не только честная, но и нравственно искусная». (Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 98). Отцы Мартирий и Виссарион поступили потом на штатное место иеродиаконов в Иерусалимскую Духовную Миссию, причем отец Виссарион пользовался здесь все время отличною репутациею среди русских паломников и был деятельным и преданным сотрудником отца архимандрита Антонина до последних дней своей жизни, оконченной в Иерусалиме.

бытком выбывшего иеромонаха Иоанна»; и, наконец, о назначении в штат Миссии весьма давно здесь известного лица, духовника иеромонаха Вениамина[164], о котором «кроме одних благоприятных отзывов он не слыхал здесь ничего». Отец Антонин прибавил: «На мой взгляд, отца Вениамина не только можно, но и необходимо нужно причислить к Миссии, чтобы парализовать тем стороннее духовническое влияние на поклонников наших в Иерусалиме».

18 октября донесение в Святейший Синод было переписано набело и с недоуменным вопрошанием: «А что из него выйдет — Бог весть» — сдано на почту.

Архимандрит Антонин хотя и не обнаружил в этом своем донесении о беспорядках в Миссии полного беспристрастия, но старался всячески никого не обидеть и каждому лицу, так или иначе причастному к делу беспорядков в Иерусалимской Миссии, сказать угодное и приятное. Это отчасти и вполне понятно, если принять во внимание, что он в конце концов «соглашался быть настоятелем Миссии и к чему, по словам Митрополита Филарета, "не имел для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны Патриарха"».

«Отец архимандрит, — доносил Святейшему Синоду архимандрит Антонин об архимандрите Леониде, — имел похвальную ревность о нравственности, добром имени и интересах бывающих и проживающих здесь русских. Г. консул не менее того заботился о их спокойствии, довольстве и безопасности, и более всего о мире. Отец архимандрит печалился о чести, достоинстве и истинных пользах Патриархии; не менее того и г. консул оказывал и ежедневно оказывает Патриархии добрые услуги своею ласковостью, почтительностью и отличным вниманием, так что, отдавая дань справедливой хвалы одному, не имеем в то же время причины похулить

[164] Молдаванин по происхождению, добившийся из обер-офицерских детей иеромонашеского сана на Афоне (1842 г.), будучи зачислен в 1840 году в число братства малороссийского Ильинского скита, отец Вениамин некоторое время служил во время осады в Севастополе при Крестовоздвиженской общине; в 1861 году, по представлению епископа Кирилла, был определен членом Миссии и состоял в этом звании до 1863 года, когда был уволен из ее состава. Увольнение это последовало после отзыва о нем нового начальника Миссии архимандрита Леонида, который аттестовал его так: «Не касаясь его нравственных качеств, по отношению к делу должен сказать, что неразвитость и ограниченность как для внешних служений по делам Миссии, так и для внутренних на пользу своей малой общине (напр., по части хозяйственной), делает это лицо вовсе несоответствующим моему назначению старшего члена Миссии заграничной». При увольнении ему назначено было единовременное пособие в 100 рублей и предоставлено самому заботиться «дальнейшим своим устройством». В 1864 году архимандрит Леонид жаловался в Святейший Синод, что отец Вениамин не уехал на Афон и продолжал жить в Иерусалиме, пытаясь «набросить тень на наших новых членов Миссии и посеять подозрения против них и их намерений в греческом духовенстве. Не ограничиваясь этим, из корыстных видов принимает к себе поклонниц для исповеди и беседы и, встречая поклонников, убеждает их не останавливаться в русских зданиях, страшая строгостью правил, там заведенных». К прежней своей характеристике отца Вениамина архимандрит Леонид прибавил нечто новое: «Это человек, предавшийся на служение мамоне, т. е. собиранию денег и приобретению наград окольными путями». В характеристике архимандрита Леонида значительная доля истины. Таким, по крайней мере," этот деятель нашей Миссии известен был и нам на закате дней своей жизни, в конце 80-х годов прошлого столетия, но он имел себе горячих защитников в лице посла И. П. Игнатьева, который характеризовал отца Вениамина человеком «незловредным, а только оклеветанным», имеющим полное право оставаться в Иерусалиме, в городе, в котором всякий ищет спасения души, — и отца Антонина, рекомендовавшего его на должность члена Миссии, в таких выражениях: «долг справедливости требует возвратить человеку без вины отнятое у него место». (Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 2. С. 4—6). Отец Вениамин окончил дни своей жизни в Иерусалиме, оставив по себе незабвенную память среди престарелых русских паломниц, доживающих здесь свой век, пожертвованием довольно обширного приюта для бесплатных квартир для них. Приют этот передан отцом Вениамином в Православное Палестинское Общество и носит наименование «Вениаминовского подворья».

другого. Разумеется, политический круг зрения консула был обширнее, чем духовно-служебный начальника Миссии, отчего и взгляд их на одни и те же предметы, естественно, не мог быть совершенно тот же. Кроме различия во взглядах, надобно предполагать и характерное несходство людей, призванных помогать друг другу и в большей части случаев сочувствовать. Отец архимандрит казался тяжелым, резким, подозрительным, бестактным и чуть не горделивым г. консулу, а сей в свою очередь представлялся первому недостаточно солидным, искренним и доброжелательным». «При разговорах с разными лицами, принадлежащими к Патриархии, хотя ни в ком мне не случалось встретить сочувствия к отцу архимандриту, все однако же отзывались с искренним уважением к его жизни, истинно иноческой». «Можно желать от всего сердца, чтобы его достоинство (т. е. архимандрита Леонида), как истинного инока, и его ревность, святая и досточтимая, нашли себе вполне открытое невозбранное поприще. Везде, где иноческая жизнь потребует себе у нас в отечестве устроителя, исправителя, обследователя, отец архимандрит может быть почитаем отлично пригодным деятелем».

Не лишены интереса мысли отца архимандрита Антонина о внутреннем устройстве нашей Миссии в Иерусалиме. «Было бы наилучшим делом возвратиться нам, — пишет он, — к первоначальному, самому удобному и естественному, и для Востока наиболее привычному и приличному, плану, — дать Духовной Миссии вид чисто монашеского учреждения, не делая на первый раз из нее ни общежития, ни так называемого у нас штатного монастыря, а просто обитель иноков с своеобразным уставом, приспособленным к условиям места, к роду службы. Можно бы думать, что при одушевляющей и влекущей идее «иерусалимского братства» и при блестящей материальной обстановке быта обители, а главное при установившемся нравственном и административном порядке вещей, она наполнится избранниками русского общества, людьми глубокого благочестия с неложным стремлением к тихой созерцательной жизни. Исподволь совершенствуясь и слагаясь в наисообразнейший состав, обитель наша, без всякого напрасного шума, могла бы стать некогда действительно Миссией, и не только Миссией, но и пропагандой Православия. Это, конечно, максимум желаний и предположений наших. До него надобно стремиться достичь, но и не достигая, есть возможность держать малую обитель иерусалимскую в полном и желанном чине, признавая за нею один общий аскетический характер и заселяя ее простецами в слове и разуме»[165].

«Начальство Миссии, если не навсегда, то в виде опыта можно соединить с существующим уже довольно видным и важным местом настоятеля посольской церкви нашей в Константинополе. Сей начальник по преимуществу будет представлять в себе характер миссионерский, закрываясь, где и от кого нужно, своим настоятельством. Часть года (напр., зимою, в период паломнический), он может проводить в Иерусалиме, а другую часть в Константинополе. В Иерусалиме же постоянно будет жить его наместник — иеромонах, еще случится — игумен, муж духовной жизни и административной опытности, не подавляющий своим весом местного консула и не раздражающий своим официальным начальством самолюбия Патриархии Иерусалимской. Остальное братство обители иерусалимской может состоять из двух иеродиаконов, семи певчих (с регентом) и двух псаломщиков, — всех с начальником 15 человек. Чтобы сколько возможно менее выходить из существующих теперь положений на содержание обители, можно отпускать ту же самую сумму годичного оклада, распределив ее наиболее соответственным образом».

---

[165] При назначении духовно-начальствующих лиц на места с политическим значением и разнообразными мирскими отношениями не было бы найдено терпимым жертвовать некоторым образом «достоинствами строгого иноческого подвижничества в пользу практической мудрости жизни».

«Нынешнему нашему консулу в Иерусалиме, — говорит в своем донесении отец Антонин об А. Н. Карцеве, — могло бы быть предложено другое равночестное место, частию во свидетельство того, что мы умеем следовать той всеобщей политике благоразумия, по которой не считается делом особенно похвальным своему соединиться с чужим для порабощения своего, а, напротив, внушается прекращать соблазн между своими, чтобы всячески отстранить вмешательство чужих; частию в предотвращение развития между иностранцами убеждения, если не основательного, то все же весьма распространенного, что у порабощенной будто бы Русской Церкви нет оправдания духовному лицу; частию, наконец, для того, чтобы дать возможность, как говорится, талантам засидевшегося на одном месте чиновника блеснуть на ином поприще».

Пытаясь выяснить действительную причину возникших столкновений между консульством и начальником Миссии, архимандрит Антонин в своем донесении, по нашему мнению, весьма близко подошел к истине и довольно ярко выставил ее на вид.

«В 1857 году, бывши в Иерусалиме, — писал архимандрит Антонин, — вместе со многими другими я находил, что положение бывшей там до войны Русской Миссии не представляло в себе надлежащих ручательств ее спокойствия и ожидаемого от нее благотворного действия на край. Оттого, по возвращении в Афины, я говорил и писал, кому мог, о том, чтобы в Иерусалиме учреждено было независимое от бейрутского русское консульство в помощь Миссии (sic) при ее сношениях с местными властями и при ее служении поклонникам. Нам точно нужен был свой флаг в Иерусалиме, который бы прикрывал и защищал здесь стольких беспомощных пришельцев от всяких непредвиденных случайностей, так легко возникающих в беспокойном крае. И желанный флаг (sic) явился. Но вместе с тем явилась и новая власть, поставленная об руку с начальством Миссии. Вначале наш иерусалимский консул действительно имел как бы одно только указанное выше значение и, со всем подведомым ему кругом прав, действий и сношений, примыкал к Миссии, как часть к цельному (здесь некоторая фактическая неточность), служа ей главным образом в качестве посредника, почти что драгомана при Миссии 2-го периода (Преосвященный Кирилл) [Примеч. А. А. Дмитриевского]. На сановной важности начальника ее могло несколько времени держаться такое, как бы подчиненное, отношение консула к начальнику Миссии. Но и тогда уже заявлены были многократные попытки консула стать действительно тем, чем он был по своему имени и по своему значению в кругу консулов других наций, т. е. высшим и, следовательно, единственно властным представителем своего правительства в чужом крае.

При Миссии 3-го периода (отца Леонида) о подчиненном значении консула уже не могло быть и речи. Но также не следовало бы идти речи и о подчиненном положении начальника Миссии. Между тем, если не официально, но тем не менее действительно, подчиненность сия явилась сама собою вследствие особых обстоятельств. Одновременно с учреждением консульства стали устрояться в Иерусалиме и русские поклоннические приюты и обширные заведения, требующие сложного, нарочно приспособленного управления. По соображениям правительства оказалось, что такого рода управление удобнее в руках консула, нежели начальника Миссии. Мера необходимости — без сомнения, а потому и самая лучшая. Однако же последствием ее было то, что и вся Миссия с ее начальником [так как дом Миссии составляет одну только часть (пятую) так называемых общим именем «построек»], с передачей в хозяйство консульства всех русских заведений в Иерусалиме, — Миссия, дотоле считавшаяся если не собственницею, то распорядительницею всего, что было наше здесь, — вдруг увидела себя без собственности, без прав, без власти, без силы, даже без совещательного голоса в устройстве наших дел палестинских. Она как бы сама стала на постой в консульство и, естественно, начала

сознавать, что она не Миссия более, а менее чем одна из посольских церквей. Такой переворот во взаимных отношениях двух ведомств естественным образом должен был возбуждать в одной стороне жаление об утраченном значении, а в другой — некоторую долю надмения им. Отсюда взаимная холодность двух властей».

«Затем ежедневный опыт показал, что решительной черты, определяющей круг действий консульства и Миссии, несмотря на все инстанции, не проведено, и что возможны столкновения в правах той и другой стороны и все прискорбные последствия двух разновластных, несогласных распоряжений. Наконец, так как среда, в которой суждено действовать обоим ведомствам, состоит главным образом из поклонников, которые, по существенному характеру своего временного звания, склоняются более к духовной стороне, а своим материальным положением здесь поставляются в прямую зависимость от светской, то междоусобие первых легко распространяется и на массу поклонников, преимущественно же тех, которые избрали себе Иерусалим местом постоянного жительства. Отсюда интриги, тем удобнее возникающие и размножающиеся, что ограниченность и пустота жизни скученного и отставшего от прямого дела здешнего общества русского находит в них себе пищу и усладу. К самому большому сожалению, поприще, на котором возможны столкновения двух ведомств, не ограничивается стенами русских заведений, а простирается до других стен — Иерусалимской Патриархии, с которою при всяком случае легко устанавливаются с той и другой стороны особые сношения, при разладе сносящихся <и> ни к чему столько не ведущие, как к ускорению и развитию интриги, ибо легко понять: ни Миссия с своею церковью и своим богослужением, ни консульство с своими промахами не составляют предмета, особенно радушного для Патриархии, и всякое замешательство в них, как в чужом лагере, естественным образом должно быть приятно ей, отстаивающей прежде всего и паче всего свое, как от врагов, так равно и от друзей».

Вполне естественным считает архимандрит Антонин и столкновение нашей Миссии с Патриархиею. При несколько более деятельном или даже только прямом и искреннем характере действий Миссии, по словам его, она как бы неизбежно должна входить в разлад с Патриархией. Один блестящий вид нашего богослужения здесь, даже один строгий порядок церковный у нас, естественно, должен казаться уже неприятным Патриархии, поставляемой им как бы в тень и в невыгодное сличение с нами. Что же сказать о возможных попытках с нашей стороны учить греков церковному порядку, как это рекомендовано было начальнику Миссии 1-го периода (отцу Порфирию)? Оттого не поладить нам здесь с Патриархиею и легко и не должно казаться непростительною виною».

Далее, «как бы ни старались мы закрыть от греков свои намерения контролировать их действия здесь, того значения, которое раз было усвоено начальнику нашей Миссии здесь (православному <нрзб.>, как злошуточно выражались греки о Преосвященном Мелитопольском), они не могут забыть и не чувствовать ежедневно. Напрасно было бы думать, что, ставя Миссию (только на основании признания ее) в отношении «равного к равному» с Патриархией, можно ожидать от последней благосклонного взгляда на первую. Патриарх Кирилл, не обинуясь, говорит, что он не признает здесь никакого стороннего начальника, что единственный тут православных начальник — он сам. В сем мнении своем о начальнике в нашей Миссии Его Блаженство сомнительно чтобы когда-нибудь, по крайней мере вскорости, изменился».

Выясняя таким образом возможные причины происшедших беспорядков в нашей Духовной Миссии при архимандрите Леониде (Кавелине), архимандрит Антонин нисколько не думает вину за них взвалить на плечи злополучного архимандрита Леонида; напротив, он оправдывает образ его действий, по крайней мере, по отношению к Патриархии, и высказывает горячие пожелания, чтобы и преемники архимандрита Леонида следовали его образу действий в этом отношении, имея за

собою поддержку у нашего духовного и светского правительства. «Подобные отцу архимандриту Леониду ревнители своего начальнического значения, преемники его, — по словам архимандрита Антонина, — не только возможны, но и желательно чтобы чаще появлялись, ибо ничто так не порекомендует нас в настоящее время здесь, как настойчивое следование одной и той же системе, даже если бы она и не признавалась, наконец, удовлетворительною... Начальник Миссии нашей, даже номинальный, имеет весьма важный смысл для Востока. Даже систематически ослабляя его власть и силу вследствие тех или других правительственных соображений, надобно прямо стараться показывать, что мы им дорожим и на за что не поступимся. Ибо мы не для одного Патриарха, даже и не для одного Патриаршего престола заступили действующими лицами на Востоке. У нас в виду должно быть развитие Православия вообще, противодействие пропагандам, борьба за нравственное влияние, восточный вопрос, наконец. В первый раз мы выступили на политическое поприще под знаменем (давно желанным) чисто духовных интересов и чисто церковного значения, столько завоеваний доставивши на Востоке, и чуть выступили, сейчас же, устрашившись чего-то, спешим свергнуть его, и вместо него выставить флаг консульский».

Если, «вопреки видимому желанию Иерусалимской Патриархии уменьшить вес начальника нашей Духовной Миссии, наше правительство поддержит его значение и даже усилит, чтобы она поняла, что высокомерное обращение ее с ним и неблаговидное запрещение ему служить на святых местах не оставлены русским правительством без вниманий, то тогда раз навсегда мечта, высказываемая Патриархиею откровенно и даже несколько обидно: «не удалось с архиереем; не удалось с архимандритом, попробуем обойтись с простыми священниками», т. е. сделать членов Миссии и ее начальника, как выразился митрополит Филарет, «всем попрание», с одной стороны, а с другой — усиленное стремление консульства иерусалимского из нашей Миссии «создать в некотором роде приходскую церковь поклонников» — отойдут навсегда в область напрасных несбыточных мечтаний».

Как явствует из анализа этого весьма обширного донесения в Святейший Синод о беспорядках в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин пытался в нем всячески щадить самолюбие каждого причастного к этому вопросу деятеля и посвятить ему так или иначе несколько любезных и приятных строк, с одной стороны, а с другой — благодаря давнему своему прекрасному знакомству с церковными вопросами на Востоке и у нас, в России, высказать со всею откровенностью свои выношенные в душе мысли и планы о лучшей постановке нашей Духовной Миссии на Востоке и наших сношений с Восточными Церквами. Злосчастная судьба архимандрита Леонида и порученное ему Святейшим Синодом расследование всех подробностей этой печальной истории в жизни Иерусалимской Миссии служили для него лишь благоприятным поводом для сего. Вот почему чтением этого донесения остался недоволен митрополит Московский Филарет, принимавший благоприятный исход дела отца Леонида близко к сердцу. «Чтением сего донесения оставлено во мне чувство скорби, — писал митрополит Филарет обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому, — и о том, что неприятное дело не выходит из запутанности, и о бедном архимандрите Леониде, на которого одного обрушивают всю тяжесть этого дела, — много виновных более его; и, наконец, о самом архимандрите Антонине, служащим с признаками достоинства и с надеждою более значительного и более полезного служения, но в настоящем деле представившем опыт, не соответствующий его достоинству[166]. «Надобно показать, что Святейший Синод донесение архимандрита Антонина найдет неудовлетворительным и примет меры к дальнейшему открытию истины дела. Ближайшею по самому порядку дела и небезнадежною мерою было бы обстоятельное вопрошение находящихся

[166] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 445-446.

уже в России непокорных членов Миссии порознь, по вопросным пунктам, внимательно составленным»[167].

Митрополит Филарет пытается дать и объяснение, почему это донесение архимандрита Антонина вышло «неудовлетворительным». «Таким образом оказывается, — по мнению Владыки Митрополита, — что по важнейшим частям дела надлежащих сведений не собрано и предписание Святейшего Синода не исполнено. Это было бы слишком неожиданно от лица, уже долгое время пользующегося добрым именем и доверием начальства, если бы не объяснялось отчасти действием его глубокого уважения к отзывам лиц высокопоставленных, которое закрыло пред исследованием неблагонамеренных, искусно проведенных внушений, со стороны недоброжелательствующих архимандриту Леониду членов Миссии»[168].

Иными словами говоря, митрополит Филарет остался при том первоначальном, выше нами приведенном, мнении, какое он выразил по поводу письма Н. П. Игнатьева при отправлении архимандрита Антонина в Иерусалим на следствие, т. е. что архимандрит Антонин едва ли решится сказать «некоторые верные слова» Патриарху и консулу, которые могли бы рассеять предубеждение одного и сознаться в неправильных своих действиях другого.

Весть о недовольстве донесением отца архимандрита Антонина в Святейший Синод митрополита Филарета быстро достигла и Иерусалима и смутила автора его, который в письме к Н. П. Игнатьеву выразил ему откровенно свою тревогу и даже опасение. «Помните, отец архимандрит, как я, — писал Н. П. Игнатьев, — Вас уговаривал, в бытность Вашу еще в Константинополе, перед поездкой на Афон, не писать самому о соединении двух Миссий под одним Вашим началом, предсказывая впечатления и отзывы знакомого? Видно, я его, и вообще Ваших начальствующих, лучше знаю, нежели монашествующие. Я предпочитаю вести это дело через Мин<истерство> Ин<остранных> Д<ел> от моего имени, а когда получил длинное донесение Ваше в Святейший Синод, то отгадал, что именно там знакомому не понравится. Чем же я погубил Вашу головушку, как Вы выражаетесь? Напротив, я Вас выручил, насколько мог. То-то подняли бы Вы бурю, если бы послали из Константинополя проектец. Если бы я был с Вами в Иерусалиме, конечно, я постарался бы уговорить Вас некоторые вещи выпустить из донесения. Но Вы такой храбрый, что просто беда».

На отца архимандрита Антонина теперь всею своею трудностию легла другая порученная ему Святейшим Синодом в дополнительном указе и послом при отъезде из Константинополя обязанность — пояснить Патриарху Кириллу тяжесть и неправильность наложенного на архимандрита Леонида публичного отлучения от духовного общения с ним в служениях на святых местах, а вместе с тем склонить мерами личных переговоров и убеждений дать ответ Российскому Святейшему Синоду на послание митрополита Новгородского Исидора сообразно с достоинством Русской Церкви. Послание Новгородского митрополита Исидора еще в августе было принято Иерусалимским Патриархом Кириллом и прочтено им с неудовольствием, а посему и оставлено без ответа.

Из конфиденциального письма консула в Иерусалиме Карцева к посланнику Н. П. Игнатьеву от 16—28 января 1866 года мы узнаем, что Патриарх Кирилл получил письмо митрополита Исидора в исходе августа месяца и счел его «ответом на его послание в Святейший Синод». «Если в послании том Блаженнейший Кирилл, по словам консула, решился почтительно сделать Святейшему Синоду некоторые представления касательно образа действия архимандрита Леонида, то к этому он нимало не был побужден какими-либо личными неудовольствиями против отца Леонида, а единственно только желанием мира и устранения всяких соблазнов и

[167] Там же. С. 456.

[168] Там же. С. 454.

дальнейшей любовию к Российской Православной Церкви, которой честь так близка Его Блаженству». В этом же письме консул заявил послу, что Патриарх Кирилл, если бы был уверен, что Святейший Синод исполнит его просьбу, то ходатайствовал бы «об утверждении отца архимандрита Антонина в должности, которую он уже более 4 месяцев исполняет здесь к полной чести Православия», но, не имея этой уверенности и опасаясь упреков в желании вмешиваться в дела Русской Церкви, «ограничивается только теплою молитвою у Святого Гроба Господня, чтобы Глава Церкви нашей Христос Спаситель внушил Святейшему Синоду благую волю утвердить отца Антонина в Иерусалиме»[169].

«В предупреждение всяких недоразумений и зная вполне мнение по этому делу Святейшего Синода, я, — писал по поводу этого письма консула обер-прокурор Святейшего Синода г. Министру иностранных дел, — вменяю себе в непременную обязанность почтительнейше сообщить Вашему Сиятельству, что Святейший Синод вовсе не смотрит на письмо митрополита С. Петербургского, как на ответ на послание Синода Патриарху Иерусалимскому, и давно ожидает отзыв Блаженнейшего Кирилла для окончательного обсуждения дела. Буде этого отзыва не получится, то, по всей вероятности, Святейший Синод вынужден будет принять зависящие от него меры, так как действия, допущенные Патриархом относительно представителя нашей Миссии, не могут быть оставлены без последствий нашею Церковью.

Что касается до архимандрита Антонина, то Святейший Синод дал ему только временную командировку в Иерусалим для обследования дела архимандрита Леонида, а вовсе не имеет в виду назначать его на эту должность».

«Предварительно предложения Святейшему Синоду имею честью поставить о сем в известность Ваше Сиятельство с тем, не найдете ли возможность поручить посланнику нашему в Константинополе убедить Блаженнейшего Кирилла окончить это дело, как и сам генерал Игнатьев предлагал прежде, сообразно с достоинством Русской Церкви, или в случае невозможности, заявить о сем положительно в непродолжительном времени, дабы Святейший Синод был в состоянии приступить к окончательным распоряжениям, какие он признает необходимым сделать в сношениях своих с Патриархом Иерусалимским»[170].

В письме на имя вице-канцлера от 15 февраля обер-прокурор Святейшего Синода, в подкрепление своих соображений приводит из письма посла Н. П. Игнатьева его предложение и слова по этому делу. «В письме своем к г. Стремоухову от 11/23 мая 1863 года, сообщенном моему предместнику, — пишет граф Толстой, — он (т. е. Игнатьев) говорил: "Пусть поручат мне лично объясниться с Патриархом, когда он возвратится в Константинополь, и я берусь уладить дело". В частном письме своем к Вашему Сиятельству от того же числа он повторяет то же самое, а именно: "Я надеюсь, что Патриарх скоро возвратится в Константинополь, и тогда я могу достигнуть соглашения о ним". Судите, князь, достаточно ли ясно подобное обещание? Основываясь на нем, Святейший Синод сделал распоряжения и указания нашим министрам, ибо вот что г. Игнатьев писал 18/30 мая г. Муханову: "Если, паче чаяния, Святейший Синод замедлит вызвать отца Леонида, то не разрешено ли будет мне по телеграфу пригласить от имени Святейшего Синода архимандрита Антонина отправиться в Иерусалим для приведения в некоторый порядок Духовной Миссии нашей, для укрощения порывов отца Леонида и для личных переговоров с Патриархом. Оказывается, что этот архимандрит в своем весьма пространном донесении Святейшему Синоду даже не упоминает о переговорах своих с Патриархом». Итак, очевидно, что генерал Игнатьев имел только в виду выслать из Иерусалима архимандрита Леонида и заменить его Антонином, и что ни одно из его обещаний не было исполнено".

---

[169] Архив Святейшего Синода.

[170] Там же.

«Я счел обязанностью изложить Вашему Сиятельству подлинные слова г. Игнатьева, дабы объяснить затруднительное положение Святейшего Синода в этом несчастном деле, которое может иметь гораздо важнейшие последствия для обеих Церквей, чем как это полагает наше Константинопольская Миссия. Поэтому я желал бы видеть это дело поконченным как можно скорее, сообразно с достоинствами нашей Церкви, которое так близко моему сердцу, и с устранением всякого прискорбного столкновения с Патриархом Иерусалимским».

По поводу этого требования обер-прокурора Святейшего Синода, адресованного чрез Азиатский департамент, Н. П. Игнатьев пишет «совершенно доверительное» письмо к архимандриту Антонину в Иерусалим от 9 марта 1866 года. Письмо это любопытно, между прочим, и потому, что оно характеризует перед нами с полною откровенностию взгляд Н. П. Игнатьева на данный, по его мнению, чисто случайный, конфликт между Патриархом Кириллом и нашим Святейшим Синодом; на его личные отношения и симпатии к Патриарху Кириллу, много ему помогавшему в «болгарском вопросе, выродившемуся в «схизму»»; и вообще на его воззрения по вопросу об отношениях Русской Церкви к Восточным Православным Церквам. «Петербург (из учтивости не хочу сказать «Духовное Ведомство»), — пишет в этом письме Н. П. Игнатьев, — мудрит, путает и конца, конечно, нашему делу не будет. То как будто пойдет на лад, то опять все перепутает. А Вы ожидаете телеграфического извещения, придется черепашью почту послать с Синодским Указом, в котором нам, светским людям, и толку не добраться. А. Н. Карцев объяснит Вам, почему я не мог писать Вам с прежними пароходами, а также почему сегодня отвечаю на несколько писем Ваших разом. Письма, от Вас получаемые, передаю и пересылаю исправно. То же сделал с замечательною и любопытною статьей Вашею о Рождественском торжестве. Мастер Вы писать и ученое, и глубокое, и занимательное, и дипломатическое. Размышления Ваши (в письме от 14 января) о странном образе действий Святейшего Синода и об иерусалимских обстоятельствах — верны, основательны. Что скажете Вы теперь о новом мудром заявлении обер-прокурора и Азиатского департамента?

Я просил Карцева показать Вам официальное мое отношение к нему и передать мое мнение. Не из тучи гром. Шутка сказать, чем грозятся: разрывом с Греческою Церковью, закрытием подворья, высылкою греческих монахов из России, прекращением денежных пособий и доходов и т. п. Подавай им письмо Патриарха с полною повинною и обещанием быть умным на будущее время. Я отгрызался, но духовная власть стоит на своем, а Вы знаете мое правило... Точно дети с огнем играют. Вы, конечно, помните переписку мою с Петербургом, которую я Вам показывал прошлою весною, когда речь шла о Вашей поездке в Иерусалим, в половине мая, для предупреждения столкновения между Святейшим Синодом и Патриархом и неприятной между ними переписки касательно происшедшего в Иерусалимской Миссии, а главное — запрещения, наложенного на отца Леонида, выставлявшего в донесениях своих поступок этот как обдуманное оскорбление Русской Церкви. Я предлагал в частном письме поручить мне, по возвращении Патриарха в Константинополь, объясниться с ним лично и доверительно, а вслед затем напомянуть, что с Вами могли бы быть личные переговоры с Патриархом при продолжении ссоры с отцом Леонидом. Мне ничего на это не отвечали. Вскоре объяснилось, что Патриарх не налагал общего церковного запрещения на отца Леонида, а не дозволил только некоторое время служить на святых местах, и что отец архимандрит продолжает священнодействовать в нашей Русской Церкви. Патриарх прислал даже ему диакона для благолепия служения. Я, конечно, более не возвращался к этому, чисто церковному, или скорее сказать, личному вопросу. Вы, вероятно, убеждены столько же, сколько и я, что Патриарх в мысли не имел оскорбить Русскую Церковь, — силу и крепость Православия.

К концу лета получена была ответная грамота Святейшего Синода и дело приняло другой оборот. Наконец Святейший Синод командировал Вас в Иерусалим, снабдив письменною инструкциею (указом). Я думал, что дело кончено, улажено, и со дня на день ждал только решения касательно будущего устройства Иерусалимской Миссии. Теперь снова поднимается вопрос, потому что обер-прокурор начинает дело, законченное между Патриархом и Святейшим Синодом. До окончательного разъяснения легкомысленного поступка Патриарха касательно отца Леонида и определения будущих отношений Его Блаженства к Русской Духовной Миссии г. обер-прокурор считает невозможным решить предоставленное нам дело миролюбно и предполагает, что Святейший Синод "приступит к окончательным распоряжениям в сношениях своих с Патриархом Иерусалимским", если дело о запрещении не будет окончено "сообразно с достоинством Русской Церкви". Всего забавнее, что я никогда ничего положительно не предлагал и, разумеется, и не думал предлагать ни Святейшему Синоду, ни тем менее Министерству иностранных дел, до которого вопрос этот не должен бы касаться, сообразно с моими правилами: не вмешиваться в дела духовенства и пр. Одно решился я предложить, как Вам известно, это — соединение двух Миссий под одно начало для предупреждения местных столкновений.

Придумайте, почтеннейший и уважаемый отец, исход из этого щекотливого дела, который бы мог удовлетворить Ваш Святейший Синод. За границею что-то очень и очень требовательны и взыскательны преимущественно с греческим духовенством. Не знаю, как дома поступают. Вы, конечно, лучше меня знаете затруднения задачи г. обер-прокурора и в какой степени надо действовать осторожно и осмотрительно в настоящем случае, в особенности при объяснениях с Патриархом. В ответе на отношения недоразумения я сообщил, что хотя и сомневаюсь в возможности представить желанный ответ Патриарха, но передам Вам и консулу требование Святейшего Синода для удовлетворения, по мере возможности, приличных доверительных переговоров с Его Блаженством.

Теперь важное дело в Ваших руках. Убежден, что Вы сделаете возможное для ограждения достоинства Русской Церкви, дорогой для Вас не менее, как и для г. обер-прокурора. Пособите окончить несогласие, могущее иметь самые дурные и неожиданные для обер-прокурора последствия. Желаю Вам от души успеха и да поможет Вам Бог. Пишите откровенно и подробно мне о впечатлении на Вас, произведенном нынешнею выходкою Петербурга по Вашему мнению».

Совершенно доверительно. «Дошло до моего сведения, что на меня негодует Святейший Синод и г. обер-прокурор за то, что при отъезде вашем из Константинополя я не дал вам формального поручения (sic) требовать удовлетворения (как при дуэлях мирских — прости, Господи!) от Патриарха (?) Русской Церкви, оскорбленной в лице своего представителя отца Леонида. Вами также недовольны за то, что Вы сами не догадались переговорить о том с Патриархом и не придумали никакого удовлетворения, ни решения (канцелярским языком — недостаточно одной бумаги, чтобы сдать дело в Архив). Упрекают вас в том, что в "длинном донесении" вы ничего не сказали Святейшему Синоду о столкновении, происшедшем между Патриархом и отцом Леонидом, о запрещении служить на святых местах и о ваших объяснениях Патриарху, об его отзыве касательно щекотливого обстоятельства и пр. Не помню, было ли упомянуто о том в Вашем прекрасном и замысловатом донесении, Вам лучше знать; если нет, то жаль, действительно. Вы отлично разъяснили бы недоразумение, придумали бы на все объяснения, успокоили бы взволнованные низости (видно, в Духовном ведомстве их больше, нежели в нашем, так и лезут на драку) и предупредили бы тем столкновение, легкомысленно вызываемое. Умиротворение в настоящем случае — особая заслуга перед Православной Церковью. Соблазн будет большой, если дать ссоре личной между Патриархом и отцом Леонидом разрастись до разрыва между Синодом и Патриархом. Чтобы пособить

беде пока есть еще возможность, не признаете ли Вы возможным, в виде дополнения к донесению Вашему в Святейший Синод, написать мне (действую поневоле вопреки правилам, Святейший Синод меня впутывает в дела Церкви) такое письмо, которое я мог бы послать в подлиннике в Петербург. Чтобы связать письмо это с общею перепискою, Вы могли бы начать ваше послание примерно таким образом: "Вы меня спрашиваете, случилось ли мне говорить с Патриархом о запрещении, наложенном на отца Леонида, и почему не сообщил я в донесении Святейшему Синоду ничего о переговорах моих по этому предмету с Его Блаженством, а также — какое может быть дано окончание этому несчастному вопросу сообразно с достоинством Русской Церкви и пр." Желательно было бы, чтобы сказали, что Вы говорили о том с Патриархом и с различными личностями, и выразили Ваше мнение о прискорбном обстоятельстве и об окончательном исходе. Я отправлю письмо Ваше с добавлением своих замечаний для подкрепления. Для Вашего сведения считаю полезным предупредить Вас, что я тотчас же по получении копии с письма обер-прокурора, где мне выразили упреки по поводу Вашего молчания, ответил кн. Горчакову, что нахожу странным, что Духовное ведомство насильно хочет меня вмешать, как une attaere de descipline ecclesiasxigue, и что меня делают ответственным за молчание архимандрита, имеющего особое поручение от Святейшего Синода (одним словом, задал порядочный урок); что однако же на этот раз вот что могу я сделать — это спросить вас в частном доверительном письме о причине замеченного молчания о сказанном обстоятельстве и о мнении Вашем касательно наилучшего окончания дела. К этому добавил я, что хотя причина молчания Вашего мне до сего времени, разумеется, неизвестна, но что, по всей вероятности, Вы сочли бесполезным возвращаться к неприятному вопросу, который Вы, может быть, считали решенным распоряжением Святейшего Синода. Надеюсь, что письмо Ваше будет написано с тактом, обычным вам искусством, что выгородит и меня, и вас, и достоинство Русской Церкви, и Патриарха и прольется как ушат морской воды на читающего в Петербурге.

Не оставьте советом и наставлением Вашим Карцева, чтобы из лишнего усердия не наделал нам новых хлопот. Теперь Андрей Николаевич сожалеет, что не предупредил ссоры, принявшей размеры неожиданные в Иерусалиме»[171].

Отец архимандрит Антонин близко принял к сердцу совет Н. П. Игнатьева, данный ему в «совершенно доверительном» письме, и немедленно отправил в желательном для него духе письмо на его имя от 4 апреля 1866 года следующего содержания:

«Ваше Превосходительство позволили предложить мне в последнем письме Вашем, — писал отец архимандрит Антонин, — три вопроса: "Случилось ли мне говорить с Его Блаженством Патриархом Кириллом о запрещении, наложенном им на отца архимандрита Леонида? Сообщал ли я Святейшему Синоду о переговорах моих по означенному предмету с Его Блаженством? Какое может быть дано окончание прискорбному делу о запрещении, сообразно с достоинством Русской Церкви?" Спешу ответить Вашему Превосходительству на любезно предложенные мне вопросы, благодаря Вас за эту честь и за то доверие, которым меня удостаивают.

В ответ на первый вопрос могу Вам сказать следующее: вскоре по прибытии моем в Иерусалим, при вторичном моем свидании с Его Блаженством, я попросил у него позволения поговорить с ним наедине. Оставшись со мною вдвоем, Патриарх, угадывая мое намерение, заговорил сам о происшедших между ним и бывшим начальником Миссии неудовольствиях, сам начал свою жалобу на отца архимандрита Леонида, укоряя его в неприличном обращении в церкви, в недружелюбии к своим сослуживцам, в деспотизме в отношении поклонников, и в частности поклонниц, в нехороших отзывах его о Патриархии, в возбуждении против нее всех

[171] Из письма Н. П. Игнатьева к отцу Антонину от 9 марта 1866 г.

русских, в запрещении им делать пожертвования на Святой Гроб. Патриарх раздражался с каждым словом и, заметив, что я хочу вступить в более обстоятельную беседу с ним о случившемся, сказал отрывисто: "Оставь его, пусть едет с Богом (отец архимандрит был тогда еще в Иерусалиме). Не был он для здешнего места, не был". Я не считал себя вправе ни в тот, ни в другой какой бы то ни было раз возобновлять свой допросный разговор с Его Блаженством. Я не только не был уполномочен Святейшим Синодом допрашивать Патриарха, но даже не был ни тем, ни другим ведомством официально рекомендован ему как следователь. Вследствие указа Святейшего Синода от 16 июля 1865 г., № 1178, руководясь инструкциями Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, данными начальнику Миссии в 1864 году, а равно и следуя советам Вашего Превосходительства, я прежде всего озаботился здесь восстановлением мира между Патриархиею и Миссиею, в чем нашел несовместимым принимать на себя тон судьи над той или другой, убежденный вполне, что между Его Блаженством и Святейшим Синодом ведутся прямые сношения по делу нашей Миссии, долженствовавшие выяснить все, что бы пожелала знать та или другая сторона.

То, что вкратце передано было мне Патриархом и его наместником, Преосвященным Мелетием, в виде обвинения на отца архимандрита Леонида, я не преминул сообщить Святейшему Синоду в своем донесении от 18 октября 1865 г., № 6.

В конце февраля или начале марта месяца Его Блаженство по поводу полученного им от действительного тайного советника А. С. Норова письма в первый раз определенно высказал предо мною причину своего отказа отцу архимандриту Леониду в служении с ним на святых местах. Он сказал, что не желал иметь молитвенного общения с человеком, который в своей церкви допустил соблазнительный беспорядок; причем слабый намек сделал на то, что в самый день приезда его в Иерусалим отец Леонид уехал в монастырь святого Саввы нарочно, чтобы не встречать его. Из сего можно было заключить, что Патриарх в числе неудовольствий на отца Леонида имеет и личную с его стороны обиду. О сем отзыве Его Блаженства я недавно упомянул в своем письме к г. обер-прокурору Святейшего Синода.

На предложенное мне Вашим Превосходительством имею честь выразить свое мнение относительно наилучшего исхода дела, возникшего между Патриархом Кириллом и Святейшим Синодом. По поводу употребленных первых против отца архимандрита Леонида мер, я с прискорбием вижу себя вынужденным ответить Вам полным молчанием, в котором и прошу себе у Вас извинения»[172].

В дополнение к своему письму от 9 марта Н. П. Игнатьев писал отцу Антонину от 3/15 мая следующее.

«Чтобы возвратиться к порученному Вам следствию (sic), объясните мне, на кого метит знакомый Ваш, указывая, что Вы обвинили предместника из угождения одному значительному лицу. Не меня ли подразумевает смиренный знакомый? Вы знаете мнение мое по несчастному делу этому. Я вовсе не желаю объяснения, а безотлагательного прекращения постоянных столкновений и бесполезной, если не крайне вредной, личной борьбы, сплетен и т. п. Решительно отказываюсь понимать, почему Святейший Синод так упорно противится соединению двух так наз<ываемых> Духовных Миссий. Надо полагать, что по получении ответа Патриарха, вопрос тотчас решится, — так или иначе знакомый пересолил. Хотя желательно окончательное решение, но при таком настроении я предпочел бы большую проволочку до моей поездки в Петербург. Побывав лично в Москве, я, может быть, и уговорил бы, пользуясь прежним знакомством»[173].

Выполнено было отцом архимандритом Антонином 26 мая и другое поручение Н. П. Игнатьева: уговорить Патриарха дать ответ Святейшему Синоду на его посла-

[172] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 2120. Л. 78—79.

[173] Письмо Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 3/15 мая 1866 г.

ние от 26 мая 1865 года, писанное от лица первенствующего члена Святейшего Синода, митрополита Исидора. В этом деле поработал с присущим ему усердием Иерусалимский консул А. Н. Карцев, заготовивший для Патриарха, как справедливо догадывался митрополит Филарет, и проект ответного послания русскому Святейшему Синоду. Это второе послание Патриарха Кирилла следующего содержания.

«Высокопреосвященнейший и Досточтимейший Митрополит Новгородский и С. Петербургский, Председатель Святого и Священного Российского Синода, во Христе Боге возлюбленнейший и превожделенный Брат и Сослужитель нашей Мерности, Господин Исидор. Ваше Досточтимейшее и Богохранимое Высокопреосвященство братски в Господе объемля от всей души, лобызаем лобзанием святым, и с живейшим удовольствием приветствуем.

Как ни приятно было нам получить братское к нам письмо Вашего Досточтимейшего и Богохранимого Высокопреосвященства от 25 июня минувшего года, но, прочитав оное с должным вниманием и как представляющее Вашу братскую главу, мы были поражены глубокою скорбию. Мы никак не думали, что при нашей искренней и безграничной преданности, которую издавна питаем к единоверной Церкви державной России и духовным вождям ее, оказали неуважение к Святейшему Российскому Синоду тем, что, в заботах о достоинстве и добром имени пребывающего в Святом Граде русского общества, а также о сохранении евангельской любви к единомыслию с ним, мы признали полезным содействовать прекращению открывшегося перед тем положения здешней Российской Миссии чрез удаление стоящего во главе ее Высокопреподобия отца архимандрита Леонида, относительно которого все посещающие Святой Град богобоязненные русские поклонники думали, что он был единственным виновником зла и главным источником происшедшего соблазна.

По поводу этого столь прискорбного обстоятельства, за которое нам надлежало бы ожидать себе одобрения, так как мы поступили по-евангельски в видах прекращения обнаружившегося волнения, делавшего большое бесчестие здешнему русскому обществу, мы, сверх ожидания, на себя навлекли нерасположение Святейшего Российского Синода и, как видим, подвергаемся опасности подпасть осуждению и за наше умеренное действование и исполнение обязанности столько же немногоценной, сколько драгоценна и досточтима царица всех добродетелей — любовь, служащая основою отношений человека, созданного по образу Божию, к своему ближнему.

По возвращении нашем из Константинополя во Святой Град в феврале прошлого года, мы нашли, возлюбленный во Христе Брат, что Его Высокопреподобие бежал перед тем в Священную Лавру преподобного и Богоносного Отца нашего Саввы Освященного, покинув управление вверенной ему Духовной Миссии. В подтверждение тех известий, какие до нас доходили прежде, мы узнали, что этот человек находится в полном разрыве с русскими поклонниками и членами сказанной Миссии. В Святом Граде до слуха нашего достигли бесчисленные заявления против Его Высокопреподобия и множество горьких жалоб со стороны находящихся в Иерусалиме благочестивейших русских паломников. Ни одна душа не приходила к нам без того, чтобы не высказать против него горьких жалоб: один обвинял его в раздражительности, другой — в ругательстве, третий — в унизительном обращении, четвертый — в угрозах, пятый, наконец, в оскорблении святыни — храма Божия, где иногда он, облаченный в священнические одежды, выбегал, как сумасшедший, с прерывающимся голосом, с проклятиями на устах, бросаясь то на того, то на другого, что и отдаляло русских поклонников от желания присутствовать при богослужении в русском храме во все остальное время пребывания здесь господина Леонида.

В виду такого волнения, в виду общих жалоб, что должен был делать духовный вождь Иерусалимской Церкви, к которому все обратили свои взоры представительства и защиты, ища у него правосудия, внимания к своим жалобам, помощи и удовлетворения? Без сомнения, он должен был удовлетворить враждующих и положить конец смущению. Но это было уже невозможно, так как зло уже задолго до того времени достигло крайних пределов, и против Его Высокопреподобия было заметно всеобщее отчуждение и безмерное отвращение. Что же следовало ему делать? Стать на сторону одного и попрать ногами жалобу целого народа? Пренебречь общим мнением и заградить слух от голоса народа? Что следовало ему делать? Смело оттолкнуть от себя многих и принять в свои объятия одного и священнодействовать с ним к большему увеличению соблазна и к большему смущению совести всех? Мы не знаем, как мы должны были бы поступить в столь затруднительном случае и братски просим Святейший Синод разрешить нам это недоумение. Следовало бы (ответят нам, может быть) писать самому Синоду. Но что же другое мы и сделали, как именно написали ему, чтобы сменить этого человека, который возмутил общее спокойствие и причинил столько соблазна в среде здешнего благочестивого русского общества.

Если, действуя в духе справедливости и в видах сохранения достоинства и доброго имени русских, мы навлекли на себя гнев Святейшего Синода Российского, то насколько больше мы потерпели бы, если бы по человеческой немощи впали бы в действительную ошибку, подав хотя малый повод усилиться неудовольствию против этой духовной власти. И если бы господин Леонид был образцом добродетели, то каким образом стали бы так много писать и говорить против него, начиная от времени предместника Его Высокопреподобия, блаженной памяти епископа Мелитопольского. Почему теперь не пишется и не говорится ничего укоризненного против доброго и действительно добродетельного мужа, Высокопреподобнейшего Святого Архимандрита господина Антонина? Если бы господин Леонид был таким же по своему поведению и образу действий, кто осмелился бы возвысить против него свой голос.

Теперь дела Антонина — мед и млеко; совершенное согласие и любовь царствуют между благочестивейшими русскими поклонниками, членами Миссии, Императорским консулом и Его Высокопреподобием, который заслуженно пользуется любовью, добрым именем и почетом не только от своих, но и от всех иноверцев и иностранцев; поистине, по началу виден человек.

Святейшая и досточтимая Матерь всех Церквей никогда не переставала братски, в союзе веры, любить и чтить Сестру свою — Святую Православную Церковь державной России, и не престанет никогда до скончания веков. Она непрестанно молится за нее ко Господу, тридневно воскресшему из Всесвятого и Жизнедательного Гроба, и эту светлую и неложную истину передайте, Святый Собрат, Вашему Святому и Священному Синоду. Первородная Христова Церковь желает также, чтобы предстоятелями здешней Российской Миссии были люди истинно благочестивые и по своему образу действий почтенные, каков ныне Высокопреподобнейший Святый Архимандрит господин Антонин: мягкий, кроткий, мирный, добродетельный, богобоязненный, братолюбивый, добролюбивый, которого и мы отечески любим и чтим, и весь мир. Этот муж своими добродетелями, талантами делает честь и себе, и своему правительству, и Церкви, к которой принадлежит и которая весьма хорошо сделала, если бы, приняв в уважение наши отзывы о Его Высокопреподобии и общее доброе мнение и любовь, коими он пользуется, назначила его во Святой Град Начальником Миссии, за что и все, здесь пребывающие, и мы сами были бы весьма благодарны.

Вот что имеем мы, Святой Собрат, ответствовать на Ваше к нам письмо от 25 июня прошедшего года. Ваша братская любовь к нам и Ваш Святейший Синод да рассудят по справедливости и со свойственной Вам мудростию, худо ли поступили мы, вызвав удаление отсюда человека, произведшего здесь всеобщий соблазн.

Не имея сказать ничего более, мы возобновляем выражение искренних братских чувств наших к Богохранимому Вашему Высокопреосвященству и ко всему Святому и Священному Синоду Вашему, прося Вам у Господа долгоденствия, здравия и полного счастия.

Во Св. Граде Иерусалиме 1866 г. апреля 24-го. Вашего Богохранимого Высокопреосвященства Возлюбленный во Христе брат и всецело преданный Патриарх Иерусалимский Кирилл»[174]

Но надежды Н. П. Игнатьева на успокоение умов в Петербурге и особенно в Москве не сбылись. На дополнительном частном письме архимандрита Антонина к Н. П. Игнатьеву от 4 апреля имеется следующая ироническая резолюция г. обер-прокурора Святейшего Синода: «Хорош ответ». В записке его от 5 июля на имя директора канцелярии Святейшего Синода для представления Товарищу обер-прокурора Н. В. Толстому выражается уже неприкровенно неудовольствие обер-прокурора. «Игнатьев и Карцев, — говорится в этой записке, — не исполнили предписания вице-канцлера и намеренно уклонились от дела, допустив Патриарха написать весьма раздражительное письмо Митрополиту. Архимандрит Антонин, состоящий под их влиянием, не только не исполнил поручения Синода, но даже уклонился от ответа»[175].

В частности, по поводу Патриаршего ответа от 24 апреля Митрополит Московский Филарет писал обер-прокурору Святейшего Синода графу Д. А. Толстому: «Вопрос трудный, — говорит московский Владыка, — не потому, чтобы трудно было видеть правду, но потому, что представленная уже и доказанная правда встречена немирным противоборством, а после такого опыта новое отправленное представление правды может обещать не успех, а только увеличение несогласия. Российская же иерархия, несомненно, расположена, по Апостолу, блюсти единение духа в союзе мира, как бы ни была расположена иерархия Иерусалимская. Но, с другой стороны, не должно предать правду. Не должно беззащитностью правды доставить преобладание неправде, вредной и теперь, и на будущее время.

К ограждению достоинства Патриарха надобно полагать, что он подписал послание 24 апреля по избытку доверия к внушившему и составившему оное. На представленную в послании первенствующего члена Святейшего Синода правду и доказательства ее в послании Патриарха не обращено никакого внимания». Представив затем Святейшему Синоду «образцы языка и содержания Патриаршего послания», митрополит Филарет говорит, что «послание не может быть оставлено без ответа, и что ответ не должен быть раболепно уступчивым, но, при возможном миролюбии, оправдательным для Святейшего Синода»[176].

Чрез и. о. обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстого представлена была на благовоззрение Государя Императора обстоятельная записка в августе месяце 1866 года относительно всех неустройств и столкновений, возникших в Иерусалимской Миссии за последнее время управления архимандрита Леонида, и копии с переписки по этому поводу с Патриархом Кириллом, в которой от лица Святейшего Синода выражено было намерение на послание Патриарха от 21 апреля, признанное «неудовлетворительным», ответить письмом к Его Блаженству «в словах скромных, но с настоянием» и подтвердить Патриарху «справедливость требований Святейшего Синода, указав на нескромность употребленных им выражений», архимандриту Антонину «поручить непременно и неуклонно представить ему всю непритязательность требований Святейшего Синода»[177].

---

[174] Архив Святейшего Синода. № 1356.

[175] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Л. 150—151.

[176] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 457—458.

[177] Из бумаг митрополита Филарета в Архиве Святейшего Синода.

Ответное послание Святейшего Синода, составленное Митрополитом Московским от имени Новгородского митрополита Исидора от 26 июня 1866 года, гласит так: «Блаженнейший Владыко, высокочтимый Архипастырь. Послание Вашего Блаженства встречено мною с глубоким уважением и с надеждою, что из него воссияет свет совершеннего мира между двумя Православными Священноначалиями, столь благопотребного для совершенного мира Православных Церквей. Но, с подобающею служению нашему искренностию, должен исповедать перед Вами, Блаженнейший Владыко, что свет сей открылся мне не свободным от некоторых печальных теней.

В послании Вашего Блаженства с выражением глубокой скорби сказано, что Вы никак не думали, что оказали неуважение Святому Российскому Синоду. Позвольте мне изъяснить и принести оправдание. Ни Всероссийский Синод не поручал мне писать, ни я не писал в моем послании того, что Вы оказали неуважение Всероссийскому Синоду. В послании моем изложено было на дело архимандрита Леонида воззрение Всероссийского Синода, неодинаковое с Вашим воззрением, что нередко случается в делах, без нарушения взаимного уважения двух сторон, имеющих различные воззрения. В заключение, по поручению Синода, благопочтительнейше я просил Вас, Блаженнейший Владыко, не лишать архимандрита Вашего милостивого воззрения, доколе дело о нем и его подчиненных получит законную ясность. Действованием Всероссийского Синода очевидно, управлял дух мира, благоговение к Святому Иерусалимскому Престолу и совершенное уважение к Вашему Блаженству.

В послании Вашем упоминается об архимандрите Леониде, что он бежал от Вашего присутствия. Если удостоите внимания приложенное при моем послании, в особой записке обстоятельное изложение дела, то изволите усмотреть, что он не бежал безрассудно, а уклонился по предосторожности, чтобы его подчиненные, вышедшие из повиновения, не обнаружили противоборства против него перед лицом Вашим и не причинили соблазна в торжественном собрании, и на такое уклонение решился он по совету Вашего наместника, митрополита Мелетия. Если же к Вашему наместнику архимандрит Леонид имел такое уважение, что подчинялся руководству его, то не может быть сомнения, что сохранил должное благоговение к Вашему Блаженству.

С трудом покоряюсь необходимости произнести еще слово, встреченное в послании Вашего Блаженства: Вы приписываете Всероссийскому Синоду гнев. С твердостию свидетельствую, что не было ничего подобного ни в расположениях Святейшего Синода, ни в моем смиренном послании. В прискорбных обстоятельствах естественно чувство скорби, но сколь далек Всероссийский Синод от того, чтобы допустить гнев в участие своих действий, столь же неожиданно и то, что он подвергается такому обвинению. Синод знает слово Апостола, что гнев мужа правды Божия не соделывает.

Чтобы не утруждать более Вашего внимания моими объяснениями, ограничусь признанием, что я нахожусь в недоумении, полезно ли будет предложить послание Вашего Блаженства Всероссийскому Синоду, или не полезнее ли будет, чтобы я один понес на себе бремя скорби, и, в надежде совершенного слова мира, сохранил обеим Священноначалиям мир молчания.

Впрочем, я уверен, что, во всяком случае, Всероссийский Синод не допустит возвращения в Иерусалим архимандрита Леонида, который имел несчастие лишиться Вашего благоволения, и оставит архимандрита Антонина в Иерусалиме, по крайней мере до тех пор, когда усмотрен будет другой, соответствующий требованиям тамошнего служения.

Смиренно полагаю сие дело и сии сношения к подножию ног Высочайшего Архипастыря Господа нашего Иисуса Христа, Который есть источный мир, и молю Его, дабы Своею вседействующею благодатию Матерь Церквей — Иерусалимскую Церковь, и Всероссийскую, непрестанно сохранял в совершенном единении мира и

любви до скончания века. С сею мыслию и глубоким к Вашему Блаженству уважением (каковые чувства разделяет со мною и весь Всероссийский Синод) имею сердечный долг и утешение быть и пребыть неизменно.

26 июня 1866 г. »[178]

Но несмотря на то, что Святейшим Синодом, по выражению митрополита Филарета, были приняты «твердые заключения к охранению достоинства и силы церковного управления под щитом державного защитника Православной Церкви благочестивейшего Государя Императора[179], Министерство иностранных дел, в лице директора Азиатского департамента, подвергло эту всеподданнейшую записку исп<олняющего> обяз<анности> обер-прокурора Святейшего Синода самому беспощадному критическому разбору и выступило горячо на защиту Иерусалимского Патриарха и действий Константинопольского посла и Иерусалимского консула, назвав прямо послание это запиской «одностороннею, написанною с целью доказать правильность архимандрита Леонида» и неосновательность обвинений его противников.

Взгляд Министерства до противоположности несогласен о воззрениями Святейшего Синода: так, например, Патриарх отказал архимандриту Леониду в сослужении с собою на святых местах, по мнению Министерства, потому, дабы нежелание это «не привело к совершенному исключению членов Русской Церкви от сослужения прочих членов Миссии». Следовательно, отец архимандрит Леонид являлся, так сказать, козлом отпущения. Далее: «Мнение о нанесении оскорбления Патриархом Русской Церкви в лице представителя архимандрита Леонида, по мнению Министерства, нельзя также признать основательным, так как Начальник Иерусалимской Духовной Миссии не может быть признаваем за представителя Русской Церкви, которая сама не имеет права представительства. Это право составляет исключительное достояние Его Императорского Величества. К тому же такое представительство невозможно по смыслу канонических правил Православной Церкви, подчиняющих до известной степени всякое приезжее духовное лицо местному епархиальному начальству, что несоответственно званию представителя». В-третьих, трудно допустить, по словам защиты, чтобы Патриарх признал свои действия «опрометчивыми» после того, как он письменно выразил свое «неодобрительное мнение о поведении Леонида», а сице труднее допустить, чтобы он за себя и своих преемников поручился, что он никого из русского клира — виновного «не отрешит от сообщения в восхвалении имени Господня».

Министерство, затрудняясь требовать от Патриарха извинения, разделяет мнение Святейшего Синода относительно предостережения Патриарху на будущее время, — «предотвращать возможность повторений подобных прискорбных событий» и рекомендует в отношении к греческому духовенству Начальнику Миссии руководиться указаниями, данными 23 марта 1857 года первой Миссии; на архимандрита Антонина, посылаемого в Иерусалим, не возлагать никаких щекотливых поручений, так как Начальник Миссии не имеет «характера представителя Русской Церкви». Коснувшись, наконец, некоторых соблазнительных выражений Патриаршего послания и тяжелого положения Иерусалимского Престола ввиду его затруднений материального свойства в случае лишений доходов с имений Молдаво-Валахии и постоянной его борьбы для Православия с западными миссиями: католическою и протестантскою, Министерство заключает эту свою апологию Иерусалимского Патриарха так: «Охлаждение и возможный разрыв с Патриархом Кириллом, пользующимся уважением на Востоке за святость своей жизни и постоян-

[178] Арх. Савва. Собрание мнений и отзывов... С. 458—460.

[179] Арх. Савва. Указ. соч. С. 463.

но доказывающим свою благоговейную преданность к России, не могли бы не иметь самые неблагоприятные для нас последствия и в политическом отношении, а кроме того могли бы повредить и усиленному окончанию дела о возобновлении купола над Святым Гробом. Ввиду изложенных соображений, по мнению Министерства иностранных дел, было бы весьма желательно, чтобы и наше главное духовное начальство, в видах соблюдения важнейших интересов Православной Церкви и находя в особенной затруднительности теперешнего положения Иерусалимского Престола новый и сильный повод к великодушию и снисхождению, согласилось бы вовсе не продолжать переписки, ограничиваясь, для предотвращения в будущем возобновления столь прискорбных событий, мерами, выше сим Министерством предложенными. Не подлежит сомнению, что такой умеренный образ действий, соответствующий братской любви и христианскому снисхождению, будет вполне оценен Патриархом и действительно предупредит в будущем соблазн и раздор»[180].

Утомленный бесплодностью переписки с Министерством иностранных дел, с Константинопольским послом и Иерусалимским Патриархом по делу о беспорядках в Иерусалимской Духовной Миссии и относительно ответа Патриарха Святейшему Синоду, сообразного с достоинством Русской Церкви, обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой в письме своем от 4 октября 1866 года на имя Митрополита Московского Филарета выразил довольно ясную мысль о закрытии Иерусалимской Духовной Миссии[181]: «Церковь бессильна пред авторитетом Министерства иностранных дел» — писал граф Толстой.

Мудрый Московский Первосвятитель не нашел, однако же, возможным разделить эту точку зрения на Иерусалимскую Миссию обер-прокурора и отстоял ее дальнейшее существование по следующим, весьма уважительным, основаниям:

1. «В сем случае мир иерархии, со стороны Патриарха нарушенный, остался бы невосстановленным.

2. Патриарх, который свое действование поставил несколько выше братских отношений к Всероссийскому Синоду, в уничтожении Духовной Миссии увидел бы свою силу и свою победу, а это, конечно, не вело бы к улучшению отношений между иерархиями, и к поддержанию достоинства Всероссийского Синода пред лицем Патриарха.

---

[180] Из бумаг Митрополита Московского Филарета.

[181] Мысль о закрытии Иерусалимской Миссии или о преобразовании ее в «подворье» или в монастырь высказывал потом и посол Н. П. Игнатьев.

«Надлежало бы для прекращения неопределенного положения, в котором находится наша Духовная Миссия в Иерусалиме, — писал Н. П. Игнатьев от 28 мая 1868 г. (№ 165 в Азиатск. деп.), — преобразовать оную в монастырь наподобие существующих в России греческих подворий, или же вовсе упразднить, назначив к странноприимным заведениям нашим. находящимся близ Святого Града, иеромонаха и иеродиакона для исполнения треб наших там — консульства и поклонников. В сем последнем случае эти духовные лица, оставаясь в стороне от управления и административных забот о странноприимных заведениях, могли бы находиться в том же положении, в каком состоят настоятели и причты Посольских и Консульских церквей наших заграницею. В случае же, если Святейший Синод предполагает образовать при странноприимных заведениях наших в Иерусалиме Русский монастырь, можно бы поручить архимандриту Антонину войти в соглашение с нашим Консулом, кол. советн. Кожевниковым, для совместного представления подробного проекта». (Архив Святейшего Синода № 1976/377. Л. 20).

«В Палестине надо нам, — писал в то же время Н. П. Игнатьев, — или устроить Русский монастырь, отделив, разумеется, строения, нужные для Консульства, или же оставить (по мысли Карцева) иеромонаха или священника с подлежащим причтом для совершения треб. Иначе недоразумений и столкновений между Духовной Миссией, Консульством и Патриархом не оберешься». (Архив Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 210).

3. Иное дело не учреждать Миссии, а иное — учрежденную уничтожить. Первое пред неблагосклонным воззрением может подвегнуть и тяжкому упреку в недостатке деятельности; второе имело бы неприятный вид падения.

4. Западная зависть к России, которая не оставляет в покое и Православной Церкви (чего недавний пример представляет разглашения о унии будто бы Константинопольского Патриарха с Римом), в уничтожении Российской Духовной Миссии в Иерусалиме нашли бы для себя счастливый случай к неблагоприятным для православия, оскорбительным и вредным толкам.

5. Если бы Духовная Миссия в Иерусалиме была уничтожена, что же было бы с церковью, там для нее устроенной с большими издержками и великолепием? Сия церковь была бы печальным памятником падения Миссии.

Что, наконец, делать в безысходном состоянии дела? Едва ли найдется что лучшее, как оставить еще Миссию в нынешнем переходном состоянии, в ожидании лучшего времени, так как архимандрит Антонин, хотя неудовлетворивший объяснению по делу, не имеет для себя затруднений ни со стороны консула, ни со стороны патриарха.

21 октября 1866 г.»[182]

Обманувшийся в своих ожиданиях благих результатов для улажения «Иерусалимского вопроса» от дополнительного письма архимандрита Антонина и грамоты Патриарха Кирилла, Н. П. Игнатьев понял, что здесь необходимы с его стороны жертвы, и в числе таковых на первом месте стояло удаление из Иерусалима любимого им консула А. Н. Карцева. «Никак не ожидал, — писал Н. П. Игнатьев от 7/19 октября 1866 года, — что Святейшему Синоду потребуется столько времени для обсуждения и решения немногосложного дела. И конца не видать. Думаю, что решат не прежде получения видимого удовлетворения удалением Карцева... на лучшее место в Корфу»[183]. И сам посол, и Патриарх Кирилл шли на эту уступку крайне неохотно и с большим сожалением, опасаясь, что его преемник, консул Кожевников, по словам Николая Павловича, «умный, благонравный и спокойный» не заменит талантливого А. Н. Карцева, мечтавшего вырваться из прискучившего ему Иерусалима[184].

---

[182] Архив Святейшего Синода. Оп. № 13, докум. № 43-44.

[183] Из письма Н. П. Игнатьева к отцу Антонину от 7/19 окт. 1866 года: «Желаю Вам, — писал Н. П. Игнатьев А. Н. Карцеву от 18/30 января 1867 г. уже по случаю назначения его в Корфу, — лучшего на Новый год. Пожелать ли Вам окончательного избавления от плена... иерусалимского и скорейшего перенесения в рай земной — Корфу». (Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 622).

[184] «Блаженнейший заботится, чтобы Карцев был оставлен непременно в Иерусалиме, пока перестройка купола не окончена будет и все последствия этого предприятия не выяснятся. По всей вероятности, подобное решение не соответствует желанию самого А. Н. Карцева, желающего выбраться поскорее из Палестины. Подобно Патриарху, и я опасаюсь будущих козней французского консула и латинского духовенства. Нужно нам ухо остро держать, чтобы избегнуть подкопов». (Письмо графа Н. П. Игнатьева к архимандриту Антонину от 17/29 января 1867 г.).

«Знаете ли, — писал Игнатьев А. Н. Карцеву от 29 декабря 1865 года, — о существующем предположении назначить Вас в Корфу? Как ни жалко будет мне расстаться с таким консулом Иерусалимским, как Вы, но, очевидно, оставлять Вас вечно в Святом Граде значило бы мешать Вашей карьере. Состоится ли это предположение или нет, но я убежден, что Вы увенчаете славным окончанием мудреного купольного вопроса пребывание Ваше в Иерусалиме». (Русский Архив. 1913. Кн. 3—4. С. 603).

«Верить не хочу, — восторженно писал ему Игнатьев от 2 марта 1866 г., — чтобы Вам не удалось достигнуть всего». (Там же, с. 610). «Я уверен, что мне было бы достаточно намекнуть на эту мысль (вопрос о святогробском куполе и французских проектах), чтобы Вы по-

Второю жертвою со стороны Н. П. Игнатьева была потеря навсегда «душевно любимого» им отца архимандрита Антонина, которого он всегда горячо обнадеживал видеть около себя в Константинополе как незаменимого для него пособника и советника по вопросам церковного характера и которого однако же в конце концов «оттягал» у него Иерусалимский Патриарх Кирилл для нашей Иерусалимской Духовной Миссии.

Третья и наиболее тяжелая для Н. П. Игнатьева жертва его — умиротворение Святейшего Синода путем доставления во что бы то ни стало от Патриарха Кирилла ответной грамоты в желательном для нашего Святейшего Синода духе.

Но все попытки Н. П. Игнатьева в этом направлении были бесплодны пред упорством «упрямого» (так его характеризует Н. П. Игнатьев) старика Патриарха Кирилла[185] и полным умолчанием на его запросы «дипломата» архимандрита Антонина.

Попытки удовлетворить Святейший Синод со стороны посла были и после 1866 года, но все они не давали результата. Эти попытки любопытны лишь со стороны взглядов на иерусалимский вопрос посла Н. П. Игнатьева. «Берег близко, — писал

стигли все ее значение в дальнейших переговорах и навели на все ловким образом, Вам свойственным, Патриарха Кирилла». (Там же, с. 589). К Карцеву посылает/Николай Павлович Кожевникова «учиться у него уму-разуму» и направлению на «надлежащий путь». (Письмо его же к отцу Антонину от 7/19 октября 1866 г.).

[185] В судьбе отца архимандрита Леонида и в примирении Российского Святейшего Синода с Иерусалимским Патриархом Кириллом в свое время приняли горячее участие наши известные паломники-писатели А. Н. Муравьев и А. С. Норов. Вмешательство их в «Иерусалимский вопрос» не понравилось ни Патриарху Кириллу, ни Константинопольскому послу Н. П. Игнатьеву. Последний вмешательство эпитропа Святого Гроба А. Н. Муравьева назвал «неуместным» и сообщил архимандриту Антонину, что Патриарх оставил его письмо «без ответа». (Письмо Н. П. Игнатьева от 29 декабря 1865 г. к архимандриту Антонину). По поводу «вмешательства» А. С. Норова мы имеем сведения в письме отца архимандрита Антонина к обер-прокурору Святейшего Синода графу Толстому от 26 марта 1866 г. Письмо А. С.) Норова, по словам архимандрита Антонина, «по-видимому, глубоко оскорбило Патриарха. Он не признавал за писавшим права учить его, хотя и отдавал полную справедливость его ревности ко благу Церкви. Ему показалось весьма обидным выражение «увлекшись, поступили запальчиво, опрометчиво», а заключающаяся в конце письма угроза Патриарху прекратить присылку из России приношений Святому Гробу вызвала у него совершенно равнодушное замечание, что он оставляет г. Норову свободно делать, что ему угодно и восставить против Иерусалимского Престола всю Россию, если силен сделать это; что г. Норову естественно защищать отца Леонида, который ловко воспользовался слабою стороною человека, наговорив ему тысячу вещей о своей присной молитве о его усопшей супруге и пр. Воспользовавшись случаем, Патриарх сказал, что относительно архимандрита Леонида он действовал не по влечению, но с полною и холодною обдуманностию, и что в свое время оповещал о происшедшем и Министерство (вероятно, раздел нашего посланника в Константинополе), и Святейший Синод. В доказательство слов своих он тут же велел своему секретарю принести кодекс Патриарших грамот, из которого и было прочитано вслух нам письмо Его Блаженства г. Игнатьеву в Константинополь. Патриарх отозвался при этом, что неприличные поступки отца архимандрита Леонида побудили его не желать видеть такого иерея в своей церкви и в служении с собою». (Дело Архива Святейшего Синода. Отд. II. № 212. Л. 102—104). Об А. Н. Муравьеве писал Н. П. Игнатьев от 21 мая 1866 года вице-канцлеру князю А. С. Горчакову: «Дело с Иерусалимским Патриархом устраивается. Если он, как я надеюсь, — говорит Игнатьев, — напишет, то Святейшему Синоду не следовало бы уже продолжать поддаваться внушениям А. Н. Муравьева — обижаться тем, что Патриарх Иерусалимский не хочет признавать его попечительства самозванного над Восточною Церковью. Полагаю, что лучший исход, самое верное предостережение от будущих столкновений, самое экономическое средство, — это соединить обе Духовные Миссии, по моему расчету, под одно начало, как я предполагал. Очень жаль будет, если отца Антонина захотят оставить в Иерусалиме. Пусть лучше оставят его нам в Константинополе. Жаль будет расстаться с таким почтенным и отличным человеком). (Там же, л. 114).

Н. П. Игнатьев от 10/22 апреля 1868 года отцу архимандриту Антонину[186]. — От Вас зависит достигнуть прибытия Вашего в Константинополь. Прежде всего скажу Вам по секрету, что граф Толстой (обер-прокурор) и Новгородский митрополит Исидор продолжают по-прежнему сердиться на Патриарха Иерусалимского за отлучение отца Леонида и за переписку с Синодом (неприличную, по выражению наших), а на Вас — сетовать «за католические» указы, за дипломатическое донесение и за упрямство Патриарха. Решено было: 1) Вас оставить, во всяком случае, в Иерусалиме, пока Патриарх не извинится перед Святейшим Синодом, Российской Церковью за оскорбление ее в лице «Леонида»; 2) арх<имандрита> Леонида оставить в Константинополе, а Вас — в Иерусалиме в нынешнем неопределенном положении.

Я сделался по убеждению и влечению сердца Вашим адвокатом. После многократных споров мне обещано освободить Вас от Иерусалима, если Ваше здоровье заставит пожелать Вам вернуться в Константинополь или если Вы предпочитаете быть в Византии. Вопрос о представителе Русской Церкви при Вселенском Престоле подвинулся значительно. Мысль наша об образовании в Иерусалиме русского монастыря взамен нынешнего нелепого и неопределенного устройства Миссии также принимается. Чтобы облечь эту мысль в определенную форму и дать ей официальный ход, необходимо, чтобы Вы мне доставили полное соображение Ваше, не забыв разностороннего обсуждения и материальной части, т. е. распределение построек между монастырем и консульством, указания потребных денежных средств и т. п. Вызов же отца Леонида окончательно, разрешение неопределенного положения Вашего и Ваше сюда возвращение подчинены одному условию, преодолеть которое я не успел: обер-прокурор настаивает на том, чтобы Иерусалимский Патриарх воспользовался первым случаем (уведомлением о получении денег, высланных ему Синодом и т. п.), чтобы хотя вскользь, но определительно, выразить сожаление, "что могли возникнуть недоразумения между Иерусалимскою и Русскою Церковью и что Его Блаженство мог возбудить неудовольствие Святейшего Синода своими поступками касательно отца Леонида, тогда как ему и в голову придти не могло оскорбить нашу Церковь, и проч." Мне обещано, что если самое слабое извинение в этом смысле будет найдено в письме Патриарха, то наши самолюбивые иерархи (и в особенности громоносный Прокурор) смилостивятся и тотчас снимут с отца Леонида звание начальника Иерусалимской Миссии и распорядятся окончательным устройством дел наших двух расстроенных Духовных Миссий. Неужели, со свойственным Вам красноречием, силою убеждения, тихою вкрадчивостью и несомненным дипломатическим талантом, Вы не ухитритесь убедить Патриарха, при удобном случае, положить конец несносному для него и для нас делу. Что ему стоит черкнуть несколько примирительных слов, тем более, что он постоянно заявлял именно то, что его просят выразить на бумаге, т. е. что у него не было в домысле оскорблять Русскую Церковь и что необдуманный поступок его относился не к Синоду, а лично к отцу Леониду. Одним словом, Ваше возвращение в Константинополь в Ваших собственных руках. Теперь пеняйте на себя, если будете сидеть дольше в Иерусалиме и если ссора с Патриархом разрастется в разрыв между Святейшим Синодом и Иерусалимскою Церковью. Между нами сказано, раздражение обер-прокурора было таково, что речь шла о немедленном закрытии Иерусалимских подворий в России и об изгнании греческих монахов. Я с трудом доказал неуместность подобных распоряжений. Само собою разумеется, что Вы сумеете внушить Патриарху мысль письменно о включении желаемых фраз с уведомлением о получении денег, так что он даже и не заметит отсюда, почему и как совет этот дан»[187].

---

[186] Из письма графа Н. П. Игнатьева от 10/22 апреля 1868 г.

[187] Там же.

Из письма Н. П. Игнатьева от 18/30 июня к отцу архимандриту Антонину мы узнаем, что последний «отказался убеждать Патриарха» писать извинительную грамоту, а равно и составлять проект Русского монастыря в Иерусалиме. «Если наш брат, светский деятель, борется со всевозможными препятствиями и неудачами, не охладевает к делу, не падает духом, то как же не стыдно Вам, монаху, — ободряет своего уважаемого отца архимандрита Антонина Николай Павлович, — пастырю и духовному ратоборцу, впадать в апатию, в индефферентизм и не делать возможного для содействия к достижению общей нашей цели. Стыдно и нехорошо, о. архимандрит, от Вас я этого не ожидал. Впрочем, я человек незлопамятный, и надеюсь с будущей почтой доставить, в виде целебного пластыря приложить и залечить рану, нанесенную отцом Леонидом и Святейшим Синодом Иерусалимскому Патриарху, только письмом канцлера от имени Государя. Я внушил эту мысль, чтобы порадовать старика и ответить на его привет к царскому юбилею. Надеюсь, что хотя на этот раз Ваш упорный старик скажет мне спасибо. Неужели Вы и этим не воспользуетесь, чтобы огладить шероховатость между Патриархом и Синодом указанным мною способом. Вы мне намекали, говорили о фальшивом положении, в котором находится Духовная Миссия относительно консульства. Кто же виноват в продолжении этого положения, как не Вы сами? Случай представляется сделать попытку учредить монастырь, выйти из настоящих положений и т. п., а Вы пальчика не хотите приложить. К несчастью, у нас в большей части случаев так поступают, как Вы: жаловаться, критиковать, считать себя за "пария", угнетенного, — сколько душе угодно, а пособить, устроить как следует дело и понести за свое мнение ответственность — нет. "Моя хата с краю"»[188]. Но и на это увещательно-укорительное письмо посла архимандрит Антонин ответил молчанием.

В определении Святейшего Синода от 14 августа 1868 года, в ответ на ходатайство посла Игнатьева о возвращении архимандрита Антонина в Константинополь и об отпуске отца Леонида на Афонскую Гору для поправления здоровья и для научных трудов, говорится, что «Святейший Синод, находя неудобным уволить архимандрита Леонида, согласно его прошению, от возложенного на него служения в Константинополе, тем более, что пребывание его там может быть нужно и для ближайших сношений с архимандритом Антонином по порученному сему последнему иерусалимскому делу, вместе с сим признал невозможным отозвать архимандрита Антонина из Иерусалима впредь до исполнения им во всей точности поручения Синода»[189]. Указ этот был получен в Константинополе в бытность там отца Антонина гостем архимандрита Леонида и посла Н. П. Игнатьева.

Таким образом, с получением указа, мечты отца архимандрита Леонида своими лично усилиями положить конец неопределенному положению в Константинополе потерпели неудачу. Но развязка запутанного дела явилась оттуда, откуда ее и следовало ожидать прежде всего и скорее всего. В июле месяце 1868 года, еще до отъезда в разрешенный ему отпуск в Константинополь, архимандрит Антонин получил из Святейшего Синода 22.457 рублей церковного кружечного сбора в храмах Империи на Святую Землю для передачи их Иерусалимскому Патриарху Кириллу. Исполнив с полным удовольствием для обеих сторон это синодальное распоряжение, отец архимандрит Антонин счел благоприятным для себя поводом обратиться к митрополиту Новгородскому Исидору с обширным, весьма любопытным по содержанию, письмом, в котором он изобразил и значение Миссии, и ее насущные нужды, и те тревоги души своей, какие он переживал в Иерусалиме со времени своего приезда сюда.

«Считаю долгом своим выразить перед Вашим Высокопреосвященством живейшую признательность, — писал архимандрит Антонин, — за принятие Святейшим

---

[188] Из письма гр. Н. П. Игнатьева от 18/30 июня 1868 г.

[189] Дело Архива Святейшего Синода № 1563/435. Л. 220.

Синодом новой и давно желанной Миссиею меры: передачи разных, предназначаемых для здешней Патриархии сумм, через руки начальника Миссии. Его Блаженство Патриарх Кирилл, столько времени не получавший от нас сборных на Святой Гроб денег и легко понимавший причину того, не скрывая ни от кого, выразил свое горе и огорчение на нас. Его выражение: "не любят нас русские", слышалось в устах его чуть не ежедневно, сопровождаемое вздохами и иными внешними знаками, свойственными человеку раздраженному. Соразмерно с этим, и радость, с которою он встретил врученный мною (19 июля с. г.) ему вексель на 22.457 рублей, была необыкновенная, похожая на детскую. Он уверял меня при этом, что давно уже находится в положении безвыходном, не имея на что купить ни хлеба для Патриархии, ни масла для храма.

Еще прежде сего благоприятного обстоятельства Его Блаженство, осведомившись от меня о имеющем быть юбилейном празднике Высокопреосвященнейшего Митрополита Московского Филарета, выразил свою готовность почтить редкий в летописях христианства день особенным образом. Упомянутое выше обстоятельство еще более одушевило его к сей решимости. И точно, 5 августа он сам, совокупно с Миссиею, отслужил Божественную литургию на Святой Голгофе, причем, кроме честного имени 50-летствующего во святительстве, поминаемы были все русские архиереи, весь освященный чин и весь христолюбивый народ благочестивейшего Царства Русского. В тот же день Патриарх отправил поздравительное письмо к Московскому Владыке. Да будет позволено выразить надежду, что после сего взаимного непринужденного шага к сближению Святейшего Синода и Патриарха, окончится временное неудовольствие между двумя Церквами к общей радости православия, и моей — в частности.

Засим прошу позволения свесть речь на собственное мое лицо и дело. Присылка денег Патриарху через начальство Миссии, помимо Консульства, имевшая недавно место, приятно убедила меня, что мои представления в Святейшем Синоде о делах здешних начинают удостаиваться его благоволительного внимания. В течение двухлетнего почти пребывания моего здесь это было первое для меня утешение в сказанном смысле. После немаловременного служения моего за границей, совершенно неожиданно для себя я имел несчастье лишиться доверия своего начальства. Горькое убеждение в том заставляло меня не учащать своими представлениями в Святейший Синод, по-видимому, ни к чему другому не ведшими, кроме умножения для меня неприятностей и дальнейшей проволочки дела. При всем том, узнав (частным образом), что изложенный в донесении моем в Святейший Синод (от 18 окт. 1865 г.) проект нового устройства Миссии найден неисполнимым, я поспешил в письме своем к Вашему Высокопреосвященству изложить мысли свои о том же предмете в другом виде. Но и так, по-видимому, не сделал угодного пред очами своей Церкви. По крайней мере, до самого последнего времени я не видел ниоткуда никакого знака, могшего уверить меня в том. Но и получив теперь знак сей, я вовсе не думаю обольщать себя многократно несбыточною надеждою и считаю необходимым по-прежнему докучать Вашему Высокопреосвященству своими предложениями, в чаянии, что хотя одно из многих удостоится Вашего одобрения.

Из того обстоятельства, что Святейший Синод искал однажды внушить (стороною) Патриарху Кириллу необходимость вторичного письма от него в Святейший Синод (для чего, к сожалению, признано было уместным прибегнуть к посредству той же самой пререкаемой личности, консула г. Карцева), я должен был заключить, что Святейший Синод имеет в виду совсем оставить меня в Иерусалиме, так как подобное обстоятельство предлагаемо было Его Блаженству в виде повода обратиться с письмом своим к Святейшему Синоду. Боясь, чтобы не последовало в самом деле такое относительно меня распоряжение, вопреки изложенному в Донесении моем (18 окт.) проекту устройства Миссии и новым предположениям моим насчет того же предмета, изъясненным в доверительном письме моем к Вашему

Высокопреосвященству, я думал предупредить оное формальным прошением в Святейший Синод о возвращении меня в Константинополь, но удержался от того частью из опасения навлечь на себя новое неудовольствие своего начальства, частью же потому, что Патриарх, несмотря на просьбы и внушения консула, отказался писать вторичное письмо, объявив, что он в прежнем письме своем изложил все, что считал долгом своим сказать перед Русскою Церковью, выразив притом ясно и определенно и свое желание видеть меня здесь при Миссии, вследствие чего и я, видя отсроченным, а может быть, и совсем отмененным свое окончательное закрепление здесь, не счел нужным хлопотать о том, чтобы оно не состоялось. Если бы и в настоящее время я знал, что подобное намерение действительно есть и готово исполниться, то я снова обратился бы к Вам, Милостивейший Отец и Архипастырь, с покорнейшею просьбою возвратить меня в Константинополь на настоятельствование Посольскою церковью.

К сожалению, не получая ниоткуда никакого положительного известия о намерениях Святейшего Синода, я в то же время смущаюсь частным слухом о том, что Миссии грозит полное подчинение Патриархии как окончательный исход здешнего (мнимо) запутанного дела. Невероятное это предположение до того тяжело слышать, что, готовый дать ему веру, я вынужденным себя вижу говорить о нем как о деле серьезном. Не могу представить, чтобы кому-нибудь в Святейшем Синоде (или другом каком ведомстве) могла казаться желательною подобная мера. Достигши так легко, при Миссии Преосвященного Кирилла, нелегкого дела независимого положения Миссии, ужели мы теперь вдруг, без всяких вынуждающих обстоятельств, сами откажемся от приобретенного права. Напротив, теперь-то и видится благоприятная возможность закрепить его за собою более прежнего. Патриарх рад будет возобновлению добрых сношений с Святейшим Синодом на условиях, наименее льстящих его самолюбию. Теперь можно не только удержать за Миссией ее полную независимость, но и востребовать от Патриархии большей против прежнего свободы ее действий; так, напр<имер>, можно потребовать определенно установленных дней в неделе и в году русского богослужения на святых местах, чтобы не было стеснительной надобности каждый раз идти (непременно к самому Патриарху) и вымаливать у него позволения служить на том или другом из святых мест (каких считается три: Святой Гроб, Святая Голгофа и Святая Гефсимания), и давая ему тем случай воображать, или показывать вид, что он делает нам всякий раз снисхождение и одолжение»[190].

В Иерусалиме за это лето произошли следующие события: Патриарх Кирилл, с радостию принявший вексель на 22.457 р. от архимандрита Антонина, признал для себя это событие благоприятным моментом, чтобы возобновить с Святейшим Синодом Русской Церкви временно нарушенные братские сношения и прорвать натянутость и взаимное охлаждение, которые длились между этими Церквами с 1865 года в течение нескольких лет. К этому примирительному шагу и письменно, и через архимандрита Антонина, всячески располагал и склонял Патриарха Кирилла и посол Н. П. Игнатьев, весьма дружески расположенный к нему и с своей стороны оказавший множество немало полезных для Иерусалимской Церкви услуг. Длить дольше пререкания с Святейшим Синодом из-за инцидента с отцом архимандритом Леонидом было бесцельно, но и так как настойчиво добивавшийся повторительного письма Патриарха с повинением перед русским Святейшим Синодом и мощный покровитель и защитник архимандрита Леонида Митрополит Московский Филарет 19 ноября 1867 года отошел в вечность, а с ним, естественно, ослабела в Святейшем Синоде и острота «иерусалимского вопроса».

Эта грамота Патриарха Кирилла весьма любопытна по содержанию и заслуживает особенного внимания.

---

[190] Архив Святейшего Синода.

«Высокопреосвященнейший и Пречестнейший Митрополит Новгородский и С. Петербургский и прочие члены Святейшего Правительствующего Синода Русского.

Приветствуем Ваше превожделенное и досточтимое для нас Высокопреосвященство во Святом Духе сердечным братским лобзанием, возлюбленные во Христе братие и сослужители нашей мерности. Всегда высоко ценя братское единодушие и единомыслие всех Святых Божиих Церквей и непрестанно всеми способами стараясь поддерживать и укреплять духовное их единение и крепкий во Христе союз, насколько это от нас зависит, мы ощущаем величайшее душевное удовольствие и радость всякий раз, как представляется нам случай к сношению с Вашим превожделенным и досточтимым для нас Высокопреосвященством и к изъявлению нашей глубокой сердечной признательности за те предупредительные и щедрые услуги, которые оказываете нам Вы и прочие боголюбезные члены Святейшего Правительствующего Синода, считая это священным и братолюбным долгом. При таком нашем искреннем сердечном расположении к Вашему досточтимому братскому Первостоятельству, находя представившийся нам случай к сношению и обмену мыслей благоприятным, мы чрез настоящее наше послание мысленно поспешаем веселыми ногами к особе Вашего Высокопреосвященства и приветствуем Вас сердечным братским во Христе лобзанием, воссылая пламенное благодарение Всевышнему, Церковь Свою Святую целу и невредиму от всякого временного обстояния Своею Божественною благодатию сохраняющему, и все, к ней относящееся, всемогущим и премудрым Своим Промыслом устрояющему.

Но, превожделенные во Христе братие, Мать Церквей, которой духовное управление и временное попечение вверено нам от Бога в эти печальные и чреватые искушениями дни, находя постоянно среди своих напастей величайшее утешение и подкрепление в родственном участии и любви, с такою готовностью всегда обнаруживаемою святою сестрою ее — Православною Русскою Церковью, считаем своим священным долгом изъявить свою глубочайшую признательность к ее благорасположению не только за благодеяния, искони оказываемые ею в нужде, но и за те, которые она до самого последнего времени продолжает оказывать, горя, как свидетельствует опыт, благочестивою ревностию к Церкви Иерусалимской и покланяемым здесь Святейшим Местам. Прекраснейшим и боголюбезным доказательством этого теплого участия и бескорыстной готовности к жертвам на пользу Сионской Церкви со стороны сестры ее, Церкви Русской, служит ежегодно высылаемая и теперь за несколько только дней полученная и переданная нам от Вашего Высокопреосвященства через посредство проживающего здесь Высокопреподобнейшего архимандрита Русской Церкви и нашего по духу возлюбленнейшего сына, архимандрита Антонина, милостыня, составившаяся из пожертвований, собранных в России в кружки, учрежденные на пользу Всесвятого Гроба, находящийся под непосредственным милостивым покровительством Вашего Высокопреосвященства, доказательством, обязывающим нас по долгу к вечной благодарности Вашему Высокопреосвященству, прочим членам Святейшего Синода и всему православному Христоименитому множеству чад Сестры нашей — Православной Русской Церкви.

Но, возлюбленнейшие во Христе братие, — пишет Патриарх в своем послании от 16 июня 1868 года, — не одно присланное вами в тяжелые минуты испытаний материальное вспоможение пробудит в глубине нашей души неизреченное духовное веселие и вечную благодарность к Вашему досточтимому для нас Высокопреосвященству. Нет, эти чувства еще в большей степени возбуждены были в нас убеждением, что этим действием Святейший Правительствующий Всероссийский Синод снова братолюбно простирает руку к Церкви Иерусалимской с кротостию и братскою во Христе любовию предает вечному забвению, что совершилось недолжного, по действию ненавистника всякого добра, и что на некоторое время возмутило и охладило существующие между ними единодушие и во Христе единение. Но

да будет благословен Бог за все и, между прочим, премудрое о нас смотрение. Се снова и еще яснее воссияет братский во Христе мир благоволением и силою истинного Бога и Спаса нашего Христа и воцарится между нами с Богом Содетелем Божественная любовь, что, по неложному изречению нашего Господа, служит ясным признаком истинных и верных Его учеников, с одной стороны, к славе миротворца Бога, обетовавшего бытие со Святою Своею Церковью до скончания века; с другой — к преспеянию всех православных христиан и ограждению всегда вожделенных великих благ в Богохранимой нашей Церкви. Вследствие этого, досточтимейший наш во Христе Брат, и Иерусалимская Церковь, всегда пламеневшая желанием поддерживать непосредственное сношение и общение с своею Сестрою — Русскою Церковью, возрадовалась неизреченною радостию, когда за несколько лет пред сим увидела у себя водворение Русской Церковной Миссии, и братолюбно подала ей руку, чтобы общими усилиями охранять и поддерживать интересы обеих Церквей, равно как и существовавшее между ними братское единение во Христе и единомыслие навеки неразрывно и невредимо.

Среди таких благоприятных обстоятельств с давних уже пор пребывающая у нас постоянная Русская Церковная Миссия под благоразумным и опытным управлением проживающего у нас Высокопреподобнейшего архимандрита Антонина преисполняет нас глубокою признательностью к Вашему Высокопреосвященству и в то же время дает нам основательное право братолюбно предложить на усмотрение Вашего Высокопреосвященства и прочих членов Святейшего Правительствующего Синода от чистого сердца и глубокого убеждения внушенное нам ходатайство, не признано ли будет возможным умиротворенную и приведенную в порядок здешнюю церковную Русскую Миссию поручить окончательно разумному и опытному управлению и настоятельству архимандрита кир Антонина, да таким образом радость наша навсегда исполнится и справедливая наша к Вашему Высокопреосвященству и прочим членам Святейшего Богохранимого Синода признательность навеки останется неизменною.

Ныне же, воздевая молебные руки к воскресшему тридневно из Богоприемного Гроба Спасителю нашему, да сохранит Ваше Высокопреосвященство до глубочайшей и бодрой старости славным и именитым в духовном управлении вверенным Вам свыше словесным стадом, прочим же членам Святейшего Синода, купно со всем священным русским клиром, да дарует безболезненное здравие и лета Мафусаиловы и да ниспошлет из Всесвятого и Живоприемного Гроба Господня благодать и благословение благочестивейшему и державному Императорскому Дому, великодушному Сионской Церкви защитнику со всем остальным Христоименитым русским народом, мы заключаем слово, испрашивая всем вам от Бога всего полезного и спасительного для тела и души.

Во Святом Граде Иерусалиме 1868 году Июня 16. Вашего Высокопреосвященства во Христе возлюбленный Брат Патриарх Иерусалимский Кирилл»[191]

По получении приведенной нами грамоты, согласно выраженному в ней ходатайству Патриарха Иерусалимского Кирилла, Святейший Синод, ознакомившись с ней через Новгородского митрополита Исидора, который представил его грамоту при рапорте от 23 августа того же года, указами своим от 19 апреля и 27 мая 1869 года за № 709, известил, что «в должности настоятеля Миссии нашей в Иерусалиме утвержден находящийся ныне в Иерусалиме, по особому распоряжению Святейшего Синода, настоятель Миссии нашей в Константинополе архимандрит Антонин», «а настоятеля нашей Миссии в Иерусалиме, временно оставленного в Константинополе, архимандрита Леонида переместить на должность ставропигального Воскре-

[191] Дело Архива Святейшего Синода № 1563/435. Л. 226—228. Июнь 1868 г.

сенского, «Новый Иерусалим» монастыря, причем обер-прокурору Святейшего Синода предоставлялось о переменах в составе наших Миссий в Иерусалиме и Константинополе довести до сведения Министерства иностранных дел «для зависящих со стороны Министерства распоряжений», а первенствующему члену Святейшего Синода митрополиту Исидору «на послание Патриарха Иерусалимского ответствовать грамотой, каковую, по подписании оной Преосвященным Митрополитом Исидором, передать в Канцелярию обер-прокурора для доставления по назначению»[192].

Во исполнение постановления Святейшего Синода от 27 мая, митрополит Новгородский отправил в Иерусалим следующего содержания послание:

«Блаженнейшему Кириллу, Патриарху Иерусалимскому здравия, мира и о Господе радоватися.

Святейший Правительствующий Синод Православной Всероссийской Церкви, братское о Христе целование посылая, приветствует Ваше Блаженство и поспешает уведомить Вас, досточтимого Брата и Сослужителя во Христе, что мы признали полезным утвердить ныне пребывающего в Иерусалиме архимандрита нашего Антонина в должности настоятеля Православной Русской Миссии при автокефальном Престоле Вашего Блаженства. Святейший Всероссийский Синод радуется, что таковое назначение согласно с желанием и Вашей мерности, изъясненным в боголюбезнейшем послании Вашего Блаженства, а с тем вместе прося святых и действенных Ваших к Богу молитв о Церкви Всероссийской, хранит несомненное упование, что Ваша превожделенная нам во Христе любовь не откажет в благопотребном содействии архимандриту Антонину к тому, чтобы он достойно проходил вверенное ему служение ко славе и возвеличению святой православной веры и в тщательном соблюдении единения духа в союзе мира и любви Церквей Иерусалимской и Всероссийской.

Мысленно целуя Вас целованием святым в единомысленной к Вам о Господе любви, пребываю Вашего Блаженства благожелательнейший Всероссийского Правительствующего Синода первоприсутствующий член Исидор, митрополит Новгородский и С. Петербургский.

СПб. 1869 г. 4 июня»[193]

Хотя указ Святейшего Синода удерживал терминологию послания Патриарха Кирилла, тем не менее архимандрит Антонин, получив указ Святейшего Синода с утверждением его в настоятельстве якобы «нежданно-негаданно», как он писал отцу архимандриту Леониду, остался им весьма недоволен и выразил это энергично в своем дневнике. Его обидело выражение «настоятель» вместо более лестного для него «начальник», с одной стороны; и с другой — полное умолчание о денежном пособии (в указе говорится о прогонах только для отца архимандрита Леонида) на путевые издержки из Константинополя в Иерусалим, о чем ходатайствовал перед Министерством иностранных дел и посол Н. П. Игнатьев.

В письме к отцу архимандриту Леониду по поводу этого своего назначения в Иерусалиме отец Антонин излил свои чувства в более пространной и пластичной форме.

«Святейший Синод, — пишет архимандрит Антонин, — прислал через консульство грамоту Патриарху о моем назначении «Настоятелем Российской Православной Миссии при автокефальном Престоле» Его Блаженства. Итак, уже в Миссии нет начальника и она уже перестает быть Духовной. Что это? Описка или нововведение? Решить не могу, ибо еще не получил ни указа, ни какого бы то ни было уве-

---

[192] Дело Архива Святейшего Синода № 232. Отд. II. № 212. Л. 21—23.

[193] Там же. Л. 234—235.

домления ниоткуда. В грамоте просят Патриарха «оказывать мне благопотребное содействие к тому, чтобы я достойно проходил свое служение». Точно вчера выступил на службу, и при всяком поводе удобном окажусь недостойным своего звания. А ведь уже 25 лет служу Святейшему Синоду. Ничего. Что же делать? Терпение, говорил блаженной памяти «Св. Петр»»[194].

Так закончились дни служения на православном Востоке русскому делу злополучного третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и официально открывалась плодотворная, энергичная и многополезная деятельность четвертого начальника той же Миссии архимандрита Антонина, начавшаяся в Святой Земле фактически несколькими годами раньше, и для личности отца архимандрита Антонина не такая чуждая терний и скорбей.

Подготовка текста:
архимандрит Иннокентий (Просвирин),
игумен Сергий (Данков)

[194] Письмо архимандрита Антонина к архимандриту Леониду. Июль 1869 г. («Св. Петр» митрополит Петроаравийский Мелетий. — *Н. Л.)*.